

СОДЕРЖАНИЕ

Страница главного редактора

Моя земная колыбель 3

ПРОЗА

Валерий Бродовский

По следу зверя

Повесть 21

Игорь Берег

Крымский приказ

(отрывок из романа) 107

ПОЭЗИЯ

Владимир Яковлев

Стихотворения 15

Олег Игнатьев

Стихотворения 97

Юлия Каунова

Стихотворения 171

КРАЕВЕДЕНИЕ

Алексей Кругов

Голод на Ставрополье

в 1921-1922 г.г. 175

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Головки

Путешествие из Ставрополя-

Кавказского в Петербург, или

рождение серии «ЖЗЛ» 189

Иван Аксенов

Беседы о литературном

мастерстве 207

Главный редактор

Владимир Бутенко

Литературное
Ставрополье
№ 2 (2021)

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84(2=411.2)64
УДК 821.161.1(470.630)-8
С23

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**С23 Литературное Ставрополье. Альманах. —
Ставрополь, 2021 г. — № 2**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Моя земная колыбель

...Всю жизнь на моих устах не меркнет слово, повторяемое в минуты воспоминаний то восторженно и радостно, то со щемящей грустью, – словно молитвенное восклицание – Дарьевка!

Неповторимое, редкое название для донского хутора.

Стародавняя молва гласит о том, что в середине девятнадцатого века наименовал его казачий полковник из станицы Александровской (к ней были приписаны окрестные земли), в честь своей супруги Дарьи. История эта, овеянная романтической дымкой, похожа на легенду. Но кто теперь узнает? Люди склонны верить в безоглядную щедрость влюбленного мужчины.

По хуторской земле сделал я свой первый шаг. Здесь всё для меня было впервые: и трели соловья, и ласковый голос мамы, звук отцовской мандолины, и школьная парта, и баталии с надувным футбольным мячом и пение на

**Страница
главного
редактора**

праздничном утреннике, и волшебные сказки, и неожиданно сочиненный вешним днем стишок...

Ныне хутор населяют незнакомые люди, а тех, кто помнит меня мальчиком, – горстка. Многое изменилось, но по-прежнему воспринимаю его давним детским взглядом. И, навещая родительские могилы, обхожу кладбище. Осторожно ступаю вдоль надгробий, – будто по сумеречной улице, – и, читая фамилии, мгновенно представляю живых, еще не старых людей, дорогих сердцу хуторян. Они были моими университетами, благодаря которым осваивался мир, его величие и красота, всевластная сила жизни и ее трагическая сущность.

С западной украинской стороны Дарьевку прикрывает гряда холмов, а с востока извилистой прошвой синее среди луговин речка – Несветай.

Вижу точно наяву со склона, куда поднимется проулок, две протяженные улицы: приречную и подгорную. Смежные усадьбы смыкаются заборами, и лишь посередине хутора раскинулся бывший казацкий «майдан». Ныне его окрестили «площадью», тут братская могила красноармейцев, погибших в боях Великой Отечественной. Над ней – каменная фигура солдата, с автоматом и скорбно склоненной головой. Мы, хуторские сорванцы, собирались вечерами возле памятника, играли в чехарду, разводили небольшие костры, дурачились и веселились...

И лишь спустя десятки лет я узнал, что Дарьевка и соседняя Болдыревка, где окончил десятилетку, были исходным рубежом Ростовской наступательной операции, ознаменованной первой

победой над гитлеровцами в ходе Второй мировой войны. Пункт №5 директивы Южного фронта предписывал: «37-й армии с утра 16.11.41 г. нанести удар с фронта Дарьевка, Должанская в общем направлении Большекрепинская с задачей во взаимодействии с 56-й и 9-й армиями уничтожить прорвавшуюся бронегруппу Клейста и к исходу 19.11. выйти на рубеж реки Тузлов». Перечисленные селения относятся к нашему району. А с танкистами фон Клейста познакомился я заочно, когда работал над романом «Терская клятва». Хваленая 1-я танковая армия противника была дважды повержена на казачьих землях. Один общий жестокий враг оказался у земляков и терцев, и в этом я усматриваю некий знак свыше, поскольку преданность моя к Дону и Ставрополью неразделима.

Берега Несветая изрыты траншеями и воронками от бомб. Такие же отметины войны находили мы на буграх и в балках. Во дворах валялись каски наших бойцов и немецкие, от времени ржавые, прошитые пулями или с осколочными смертельными пробоинами. Хулиганистые пацаны раскапывали траншеи, шарили по окопам, ища оружие. И находили крупнокалиберные патроны, тесаки, мины и бомбы. Несмышлёныши, мы втайне от взрослых не раз разводили костер на противоположном от хутора берегу, заросшем садом. Самый отчаянный из нас укладывал мину поверх кучи разгоравшихся дров и отбегал... Взрыв сотрясал степь! В хуторе собаки поднимали безудержный лай. С огородов слышалась ругань...

Казачата

Мы на меже фугаски отрывали
И, разведя из сушняка костер,
В сыром тряпье их на огонь швыряли –
И мчались врассыпную за бугор.

Тревожно накалялась тишина,
Как гром над степью жатвенной копится.
Разрывами врывалась в лог война,
И от испуга стыли наши лица.

Валило вкось терновника кусты.
Стальные осы мимо мчались роем...
Но сладко было думать, что почти
Взаправду мы – бойцы на поле боя.

И вспоминались фильмы о былом,
С картинками потрепанная книжка
О том, отважном, в галстук мальчишке,
Что для фашистов гордым стал «орлом».

Стихало... И шумливой стайкой всей
Летели мы в станицу, казачата.
И руки пахли порохом и мятой,
И так хотелось к маме поскорей...

Главную достопримечательность хутора представляла школа.

Одноэтажное здание с высокими белеными стенами и старинными окнами, крытое жестью, было возведено близ майдана в 1905 году по

решению правления Области Войска Донского. Заботясь об учителях, канцелярия предусмотрела для них две жилые комнаты, напрямую, – через дверь, – сообщающиеся с учебным помещением. В годы Гражданской войны тут размещались штабы то красных, то деникинцев, то махновцев, то казаков. В годы Великой Отечественной – пункты командования Красной Армии и немецкой дивизии. Удивительно, что здание сохранилось. Чем не исторический музей!

И это легендарное строение стало для меня родительским домом. Или наоборот – родительский очаг заедино слился со школой: двумя классами, выходившими окнами на солнечную сторону, и широким залом, где отдыхали на переменах ученики, проводились родительские собрания, демонстрировались для хуторян кинофильмы, устраивались партийные и колхозные собрания. Так что семья наша постоянно находилась в эпицентре общественной жизни.

Немалый интерес вызывали уцелевшие в хуторе казачьи курени, – в двух уровнях, ошелёванные досками. В одном из них мне даже пришлось гулять «дружкой» на свадьбе. Приметы дореволюционной жизни в то время еще угадывались: в быте, в казачьем диалекте и особом произношении, в привычках стариков коротать вечернее время на лавочках. А в саманных хатах сиротели на стенках блеклые фотографии служивых в донской форме, их красавиц жен с детьми мал мала меньше. И невольно наполнял сердце дух казачества, неодолимо манил и волновал....

А вокруг тянулись холмы, балки, поля, – воль-

но раскидывалась степь, то в солнечном разливе нив, то в серебряных волнах сугробов; в ненастье шумели сады, засыпая дворы и крылечки листопадным золотом. В мае катились по Дарьевке крутые волны сирени, – персидской, густо фиолетовой, кипенно белой донской, похожей на глыбки снега, но чаще – азовской, голубой и красновато-синей, особенно ароматной, которую ломали для букетов. В эту же пору запевали соловьи, гремели ночи напролет по садам и заречью, славя весну и жизнь. И была она воистину прекрасна и полна надежд, и с молодыми родителями мир представлялся мне по-доброму распахнутым и вечным...

К первому классу я оказался уже «бывалым» человеком.

Сначала побывал с родителями и сестрой в Москве, а на следующий год опять же поездом отправился с отцом в Батуми, близ которого отдыхала в санатории мама. Однако понятие «города» сложилось в сознании позже, когда сестра Люба поступила в техникум, и мы с мамой приезжали ее проводить в Новочеркасск. В бывшей столице донцов впервые открыл я для себя атмосферу города, его особый воздух, не похожий на полевой: густой аромат клумб, вонь расплавленного гудрона и канализационных люков; угольный запах мокрой после дождя дорожки стадиона. Однажды, с разрешения мамы, я отправился бродить по улицам. Вдоль Московской стояли мороженщицы, и я покупал

пломбир в вафельных стаканчиках, покрытых белесым инеем. И до ломоты в зубах кусал этот сладкий тугой снег, щурясь от наслаждения. На углах ютились тетки в фартучках и, зевая, разливали из стеклянных колб газированную воду – пустую и с сиропом. Я подавал трехкопеечную монету и наблюдал, как продавщица, ловко двигая краником, наполняет стакан. Брал его и отходил в сторону. И, ощущая, как покалывают горло пузырьки газа, без отрыва пил шипучее блаженство, отдающее грушей!

А потом с лавки безлюдного стадиона наблюдал за тренировкой легкоатлетов, мечтая после школы поселиться тут, чтобы стать знаменитым спортсменом. Но больше всего поразили меня памятник Ермака и Соборная площадь, на краю которой красовался Вознесенский храм. Невероятно, но купола этого храма, сияющие под солнцем за десятки километров, мы с ребятами разглядывали с окраинного бугра в ясный осенний день! От святынь веяло древностью, торжественной мощью. И вблизи уже смотря на вознесенные над церковью кресты, вспоминал, как о самом сокровенном, что дедушка приезжает сюда освящать «пасочки» (так называли у нас куличи), и бывает здесь по большим православным праздникам, молясь за всю большую семью.

Множество лет не бывал я в Новочеркасске. И оказавшись в нем во время Всемирного казачьего круга в 2005 году, снова прошелся по улицам. Увы, как знакомого, встретил лишь неподвластный времени главный храм донского казачества и бронзовый Ермак...

Другими городами, с которыми также сблизился будучи мальчишкой, стали Шахты и Ростов.

В Ростове меня крестили в младенчестве. Но ранние впечатления о нем относятся ко времени учебы в начальной школе, когда мой отец, ее директор и учитель, выпрашивал в колхозе грузовик с установленными в кузове лавками, и в сопровождении родителей вез учеников «на экскурсию» в областную столицу. Десятки километров по утренним степным дорогам проезжали с пионерскими песнями незаметно. Первым делом было посещение зоопарка, вторым – купание в Дону. Обрато возвращались мы уже под вечер возбужденными, говорливыми, радостно окрыленными.

Повзрослев, чаще приезжал в Ростов с родителями, а иногда и сам. Благо, жили в нем родственники. И с каждым годом этот противоречивый, суровый и непредсказуемый город, отличающийся обаянием старых кварталов центра, парков и красотой набережной Дона, известный историческими событиями и окутанный туманом небылиц, коронованный «братвой» – «Папой», становился ближе. Ныне он мне, точно товарищ, с которым пережито столь много светлого и скорбного...

Ближайшая к хутору железнодорожная станция находилась в Шахтах. И благодаря этому обстоятельству, я открыл для себя еще один город. В нем до войны и во время оккупации жила мама. И в сорок лет для подруг юности она остава-

лась «Раечкой», и, приезжая, мы были у них всегда желанными гостями.

Возобновилась прерванная с послевоенных лет дружба мамы с шахтинцами со встречи на железнодорожном вокзале, когда мы всей семьей отправлялись в Москву. Билеты, кстати, помогла купить одна из приятельниц мамы.

На меня, шестилетнего мальчишку, встревоженного дальней поездкой, и перрон, заполненный пассажирами, и подлетевший к вокзалу паровоз – громадный, грохочущий колесами, извергающий из трубы черные шары дыма – произвели впечатление гнетущее. Всего две минуты длилась остановка. И как ни спешили родители, но все равно пришлось запрыгивать в вагон на ходу, и долго еще от пережитого страха колотилось сердце, и жался я к маме, не сдержав слез...

Однако подрос, и в этом самом городе, богатом вишнями и цветами, испытал я в первый раз странное чувство. Улыбчивая Светлана, горожанка, казалась мне загадочной и милой. Пока наши мамы вели беседы, мы поехали в парк, где катались на карусели и качелях, ели мороженое. Почему-то рядом со сверстницей меня сковала робость, и я не знал, о чем говорить. Она же, маленькая кокетка с белыми бантами, вскидывая головой и стараясь смотреть по сторонам, украдкой подглядывала за мной. Пахло жасмином. На высоких тополях над нами ворковали горлицы, и неведомая радость распирала душу, и ощущал я себя вроде бы повзрослевшим...

Помню черные остроконечные горы отблескивающие породой терриконов, длинную улицу,

уходящую вниз по склону, довоенные четырехэтажки с колоннами, но в большинстве – одноэтажные дома, как у нас в хуторе, отчего город имел вид провинциальный, по-сельски уютный. Уезжал я тогда с надеждой, что скоро вернусь, стал прямо в автобусе сочинять Светланке письмо. Но на следующий день одолели сомнения. И всё прошло...

В Шахтах мы почему-то больше не бывали. Пожалуй, из-за крайней занятости родителей.

«Помню, будучи еще гимназистом V или VI класса, я ехал с дедушкой из села Большой Крепкой, Донской области, в Ростов-на-Дону», – так начинается рассказ Чехова «Красавицы». И, прочитав это, ясно понял, что неслучайно очарован этим рассказом и повестью гениального писателя. Ведь его «Степь» поразительно совпадает по всем приметам с нашими местами. Да и Таганрог недаром пришелся мне по сердцу. Отчий дом Антона Павловича, памятник, Приморский бульвар, парк, старинные особняки, вдоль которых снуют трамваи – это ли не дивный мир южного солнечного города, чуточку патриархальный и милый, в котором не унимаются человеческие страсти и пахнет резедой...

Слобода Большекрепинская (так ее теперь величают) от нашего хутора – в тридцати километрах. А по дороге туда встречается хуторок Платово-Ивановка. Мало-мальски знающий историю донского края сразу поймет, что здесь в восемнадцатом веке было имение отца «вихорь-

атамана» Матвея Ивановича Платова, героя Бородино. Удивительным образом соединены на моей родине имена великих сынов Отечества – Чехова и Платова.

К жизни Дарьевки причастен своим добрым делом и Михаил Александрович Шолохов, величайший писатель нашего времени. Моя мама, депутат сельсовета, обратилась к нему, депутату Верховного Совета СССР, с просьбой разобраться и помочь, когда неожиданно отменили рейс автобуса из нашего хутора в Новошахтинск, куда колхозники возили продукты на базар. Не прошло и двух недель, как в Дарьевку примчался автобус. Изумленный водитель рассказал, что директору автовокзала позвонил секретарь Шолохова и дал взбучку от имени избранника народа. А потом и пришло маме письмо из станицы Вешенской с подписью Михаила Александровича. Очень жалею, что не сохранили его. Но об этом случае помнят старожилы до сих пор!

Дарьевка. Моя заветная. Далекая...

Много селений, городов и стран посетил я, любовался природой и архитектурой, площадями и бульварами, восхищался творениями Леонардо и Микеланджело, Тициана и Репина, ослепительным блеском Царского Села, Версаля и Сулеймание, замирал от восторга на берегах Волги и Дуная, Балатона и Босфора.

Но где бы ни был, тянуло в родительский дом. Благословенно помнил о казачьей земле, по которой сделал первый шаг. Это чувство родства

невозможно объяснить. Оно дается богом. Господь дарует человеку то особенное место, где приходит он в мир земной.

Мне выпало счастье родиться в Дарьевке. Там покоятся родители, и там навек – мое сердце.

Слава России!

От сказочных времен Бородина,
От легендарной Новгородской
сечи,
Страна моя – великая страна,
Идет к народам мира,
как предтеча.

Среди пришедших воровать и
убивать,
Мне жалко тех, кто вновь не
понимает:
Одна моя страна, как Божья Мать,
За всех, кто бос и голоден, страдает.

Законы экономики поправ,
Не для того, чтоб в лидеры
пробиться,
Одна, среди воюющих держав,
Готова ты последним
поделиться.

Одна в законы братства влюблена,
Поднявшись на высоты мировые,
Меж прочих стран всего одна
страна
Зовется вечным именем – Россия!

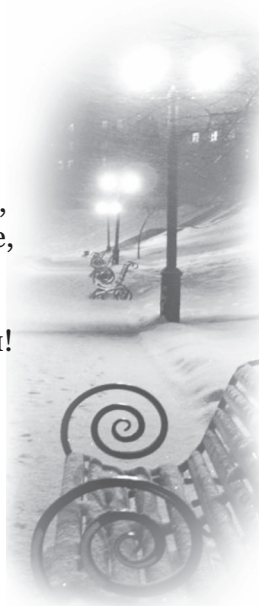
Спасибо, Армия

Я помню, как ноги немели,
Как ветер скулил по ночам.
Как мокрая тяжесть шинели
Мешала работать плечам.

**ВЛАДИМИР
ЯКОВЛЕВ**

Поэзия

Прицепы сползали с откосов,
Стонали во мгле провода.
Колеса...
Колеса...
Колеса...
В багровых разводах вода.

И тело корежило стужей,
И танки пройти не могли.
Я пил из болотистой лужи,
Погоном касаясь земли.

Ночами трясло от озноба.
Стучал котелок по спине.
У башен, цепляясь за скобы,
Мы спали на тряской броне.

Змеились, круты и горбаты,
Пылили дороги страны.
Но мир доверялся ребятам,
Родившимся после войны.

Художнику Александру Гайденко

Господи, ну что мне еще надо!
Небо в вечеряющей золе.
Яблоки из Сашиного сада
Пахнут летом на моем столе.

Кто-то мне грозитя из засады,
Камни зла за пазухой таит.
Яблоко из Сашиного сада
Жажду дружбы соком утолит.

А когда – уж это скоро, братцы –
Выйдет время всем нам расставаться,
Дайте, что не подличал, в награду –
Яблочко из Сашиного сада.

Как этот лес и строен и высок!
Уходят сосны
Выше, выше, выше...
Я слышу по стволу идущий сок.
Своих шагов и голоса не слышу!

Последний ветер леденит висок.
Друзья отца со мною рядом встали.
Кладут отца в кладбищенский песок,
А мне дают отцовские медали.
Печальные обычаи Руси...
Бьют молотки.
Забыть ли эти звуки...
Но кто-то тихо говорит:
- Неси!
Не отдавай, сынок, в чужие руки.

Как холодна сейчас земля в горсти!
А впереди - немереные дали.
И, кроме сына,
 некому нести
Вот эти потемневшие медали.

Земля

Какие силы в этой почве бродят –
В кирпичном прахе, в камешках, в золе?..
На полный штык лопата в грунт уходит,
Скрипит песок в разбуженной земле.

Да будет вечно «всякий труд – на пользу».
Я строг и справедлив, как судия:
Осколки стекол, стреляную гильзу
Отбрасываю к изгороди я.

Земля – она ни в чем не виновата.
Здесь шли бои, жестокие бои.
Я радуюсь, когда из-под лопаты
Куриный пух воруют воробьи.

Проходит мать походкой торопливой.
Весна, тепло, спокойно, как в раю.
Я медленно окапываю сливу,
Снимаю майку, на ладонь плюю.
И ничего важнее не открою,
Не полюблю.
И мне отрадно знать,
Что буду поливать ее водою.
(А будет нужно – кровью поливать).

Обелиски

О, сколько золота на сером...
Пока глаза не заболят,
Читай,
 от страшных тех посевов
Прогнулись русские поля.

Товарищи вполголоса поют.
Дощатых стен привычное качанье.
Располагает к долгому молчанью
Освоенный теплушечный уют.

Степной однообразный колорит.
Подрагивают струганные нары.
И только лейтенантская гитара
Все о тебе подолгу говорит.

Небесный порог

Нам первыми встречать
гостей незваных,
Вот отчего душе покоя нет.
Всю ночь флуоресцируют экраны,
Скользит по стенам их неровный свет.

Земля больна.
Мы это знаем точно.
Но кто-то должен быть ее врачом?

Я - пульс планеты выверил построчно
Скользящим индикаторным лучом!

Подземный пост.
Локаторная смена.
Притихла ночь, в наушники дыша.
Меридианы вспухли, словно вены,
Под грифельным штыком карандаша.

Направленных антенн стальные нити
Вращаются,
гудят, гудят, гудят...
И дремлет зачехленный истребитель,
И вишни зреют в летний звездопад.

По следу зверя...

Часть первая Встретимся на старом месте

Серебристый диск ночного светила, выкатившись из-за тучи, залил верхушки деревьев зловещим призрачным светом. Двигаясь в темноте леса, молодой партизан Николай Цвирко, по прозвищу Сверчок, поднял глаза к небу и – полетел в пустоту, не заметив вымытый дождями овражек. Вскочив с земли, юноша подхватил выпущенный из рук обрез, тревожно прислушался и всмотрелся в темноту. Но лишь ветер, пробегая по кронам деревьев, порывисто шумел листвою. Выросший в семье охотника, он сроднился с лесом и читал его, как книгу. Теперь здесь опасность представляли только враги. Потерев ушибленное колено, Сверчок взошел на косогор, осмотрелся. Усталость валила с ног, хотелось передохнуть, но он упорно искал след немецких прихвостней.

Полицаев Коля Сверчок упустил накануне, во время наступления отряда на рас-

**ВАЛЕРИЙ
БРОДОВСКИЙ**

Проза

квартированный в городке немецкий гарнизон. Атака партизан захватила гитлеровцев врасплох. Вслед за ними спешно бежали и полицаи из шуцманшафта, или шумы, как называли в народе охранные батальоны. Воспользовавшись общей паникой, уходил и вицефельдфебель Кондрат Матюшин. Коля был почти уверен: командир взвода полицаев вместе с двумя подручными направился в сторону Литвы.

Людей в полицейской форме он внезапно обнаружил на исходе ночи, когда в предрассветной дымке стали просматриваться очертания кустов и деревьев. Обрадовавшись, что не ошибся в своем предположении, Сверчок решил немедленно вступить в бой. В ожидании скорой развязки даже взмок. Но в последний момент передумал. Торопливость – не лучший советчик на войне.

О том, что Матюшин может уйти на Север, Коля догадался, услышав разговор в полицейском управлении, куда его привезли после ареста.

Вслед за немецким офицером, так и не добившись нужных сведений, допрос продолжил главарь полицаев. Вицефельдфебель проводил его с особым пристрастием. Отправив в очередной раз ударом кулака арестованного на каменный пол, Кондрат, уверенный в том, что партизан без сознания, завел беседу с помощником, Василием Власенко. Говорили они о провале замысла Гитлера завоевать СССР, о приближающемся конце войны и неминуемом наказании. Тогда-то и прозвучало слово: Литва...

Густой замшелый лес стал редеть. Заметив, как полицаи свернули к опушке, Коля поспешил зайти сбоку, чтобы выбрать удобную для стрельбы

позицию. Утренние лучи уже сквозили сквозь кроны. Сверчок, стараясь оставаться незамеченным в густоте июньской зелени, приблизился к беглецам на расстояние выстрела. Двухлетний опыт партизанской жизни многому научил. Командир отряда, Федор Иванович Чепраков, требовал трезво оценивать собственные возможности. Одно дело – вступить в схватку с полицией из взвода охраны и сопровождения продовольственных обозов, и совсем иное – с хорошо обученными участниками карательных операций.

Остановившись у старой кряжистой осины, Сверчок вдохнул утренний росистый воздух. От усталости и недосыпа закружилась голова, и слегка ослабли ноги. Но силы, вероятно, оставляли и полицаяев. Он это понял, заметив, как тяжело двигалась тройца, спотыкаясь о кочки. Дотянув до опушки, густо поросшей по краю рябинником, вконец обессиленные, они повалились на землю. Опершись спиной о ствол старого чубушника, Кондрат покосился на растянувшегося неподалеку товарища:

– Слышь, Семён? Может, подкрепимся?

Тот кивнул, сорвал со спины ранец, покопавшись в нем, достал три консервных банки и потянулся за висевшим на поясе штыком-ножом. Раскатистый выстрел из обреза разорвал утреннюю тишину. Обмякнув всем телом, Семён повалился набок.

Издав вопль отчаяния, испуганный Власенко вскочил на ноги и бросился к ближайшему ельнику. Проявив завидную прыть, Кондрат кинулся следом за ним.

Выстрелить второй раз Сверчку не удалось.

Подвел затвор обреза, заклинив патрон. Коля досадливо мотнул головой и поспешил к убитому. Подобрал карабин, он прихватил и две запасные обоймы, личные документы полицаю. Это было требование комиссара отряда. «Советские граждане, – не раз говаривал Афанасий Петрович Строжевский, – должны знать имена предателей, даже если те мертвы!» По мнению заместителя командира по политчасти, это могло послужить важным воспитательным моментом всем советским людям, дабы помнили, чем для них может закончиться предательство. Вспомнив последнюю встречу с комиссаром, Сверчок приуныл. Он пытался понять, что побудило Строжевского заподозрить его в измене.

2

В партизанский отряд Чепракова попал Коля в шестнадцать лет, не выдержав того, как ведут себя «новые хозяева». Собрав вокруг себя несколько школьных товарищей, он решил мстить фашистам.

Однажды ребята угнали у полицаев телегу. В ту же ночь подпилили опоры обветшавшего моста, по которому мародеры должны были провезти обоз с пшеницей. Уже на следующий день их действия вызвали ответные меры: в село нагрянули гестаповцы из райцентра. Собрав на центральной площади жителей, вывели из толпы несколько стариков и заперли в амбаре, сообщив, что выпустят их лишь после того, как крестьяне восполнят все потери. Желая привлечь на свою сторону местных граждан, немцы старались казаться гуманными, уверяя, что действуют строго по закону. В тот раз все обошлось. Лошадь с телегой нашлись. Крестья-

не достали из реки мешки с зерном и просушили его.

Этот случай не остановил подростков, продолживших свою борьбу, и однажды дело дошло до расстрела. В тот раз Коле с товарищами удалось выкрасть карабин у пьяного полицая. Неимоверная радость охватила подростков. С настоящим-то боевым оружием куда как сподручнее воевать. Да и статус в собственных глазах заметно повышался. Это же не стекла бить из рогатки в доме старосты. А другого ничего у них не было. Еще в самом начале войны гитлеровцы изымали у населения все имеющееся у него охотничье оружие. Если и сохранилась у кого из стариков берданка с древних времен, так кто же признается.

Недолго радовались юные борцы. На этот раз из города в помощь местным полицаям нагрянули жандармы. Арестовав пятерых стариков, они пригрозили, что утром расстреляют всех, если к тому времени оружие не будет найдено. Пришлось Коле, рискуя жизнью, ночью подбросить оружие во двор бывшего сельсовета, в котором разместилось новое руководство. От расстрела арестованных это спасло, но от публичной порки шомполами – нет. В тот день юные мстители пожалели, что своими неумелыми действиями довели почтенных людей до позора.

Тем же вечером в доме Цвирко появился бывший директор местной школы, Павел Игнатьевич Тихонович. Недолго о чем-то пошептавшись с хозяйкой, старый учитель истории ушел. Сгораемый любопытством, Коля подступил к матери:

– Чего приходил? Может, от отца какие вести принес?

О судьбе Колиного отца, ушедшего на фронт в самом начале войны, семья ничего не знала.

– Передай своим, чтобы прекратили всякую самодеятельность, иначе снова невинные люди пострадают! – недовольно взглянув на сына, проворчала Акулина Борисовна. – Война – не детские игрушки! Вас позовут, если будете нужны, – многообещающе заверила она.

Коля был в растерянности: «Откуда старик узнал, что это наших рук дело?» Словно прочитав его мысли, мать продолжала:

– Кое у кого из твоих дружков слишком большой язык! Странно, что полицаи еще не добрались до вас. Смотри, Николай, доиграешься! – пригрозила она пальцем. – Вот вернется отец, все ему расскажу.

Почувствовав себя пристыженным, Коля вернулся к письменному столу. Подперев рукой подбородок, он долго смотрел в окно, вспоминая родителя. Как же давно они не виделись! Жив ли?..

Стало ясно, что бороться с фашистами нужно другими способами, но как, они с товарищами не знали. Визит Тихоновича и слова, оброненные матерью, вселили робкую надежду на связь с партизанами. Но время шло, мать молчала, а старый учитель в их доме больше не объявлялся. Коля взволновался: «Так и война может закончиться без их участия!»

Однажды ранним утром в дом Цвирко ворвались полицаи. Осмотрев все уголки и сарай, они забрали непечатую трехлитровую бутылку самогона и... мать. Перепуганные, Коля с десятилетней сестрой Аней остались одни. Скоро в дверях появился Павел Игнатьевич. Вел себя старик весьма

странно. Так же, как и полицаи, облазил все закутки, спустился в погреб. Долго что-то искал в сарае, проверяя вилами землю, после чего велел Николаю отправить сестру к соседям, а когда тот вернулся, сообщил, что немцы подозревают их мать в пособничестве партизанам.

Это известие шокировало подростка. Ничего такого за матерью он не замечал. К тому же хорошо знал, что всем, кто помогает «лесным бандитам», как называли гитлеровцы партизан, грозила смерть. Одновременно со страхом за жизнь, Коля испытал и невероятную гордость за родного человека. Ну у кого еще из его друзей близкие сотрудничают с партизанами?

Позже выяснилось: немцам на Акулину Цвирко донес один из местных полицаев, сообщивший, что супруг ее служит в Красной армии, а сама она помогает партизанам медикаментами, которые привозит из города.

Женщину и еще несколько человек, обвиненных в разных преступлениях перед германскими властями, поместили в большой старый амбар на центральной площади, где раньше проводились ярмарки. Здесь же, прямо во дворе, их на следующий день и стали допрашивать прибывшие из райцентра офицеры политического управления.

Площадь перед амбаром была огорожена высоким дощатым забором, служившим загонем для крупного рогатого скота, который немцы регулярно пригоняли из окрестных деревень и хуторков, чтобы затем переправить в районный центр, на станцию. Там животных грузили в вагоны и отправляли в Германию.

Через щелку в заборе Коля видел, как высокий,

сутулящийся офицер, чем-то напоминавший сохатого зверя, развалившись в потертом от старости кожаном кресле, начал допрашивать арестованных. Накануне прошел небольшой дождь, и в воздухе висел густой запах размокшего навоза, отчего немец смешно морщил нос.

Первым из амбара вывели пожилого мужчину. Николай не сразу признал в нем приятеля отца, дядю Степана, с которым не раз бывал на рыбалке. Супруги Савины жили в небольшом скромном домике на окраине села. Их единственная дочь, проживавшая в Гродно, погибла в первый же месяц войны вместе с семьей, угодив под бомбежку. Обрушившееся горе сломило еще недавно крепкого и жизнерадостного пятидесятилетнего мужчину, и сейчас перед офицером стоял дряхлый старик. Степана Савина немцы схватили в тот момент, когда он собирался подсыпать в топливный бак армейского грузовика некий порошок. Покорившись своей участи, Степан Савин отпираться не стал, и после короткого допроса его вернули в сарай.

Следующей переводчик вызвал Акулину Цвирко. Увидев простоволосую мать в кофте с изорванным воротом и оцарапанным лицом, Коля в бессильной ярости вцепился в доску в заборе, словно намеревался вырвать ее.

Демонстративно отвернувшись, женщина на вопросы Сохатого отвечать не стала. Расценив такое поведение как вызов, гауптман что-то шепнул сидевшему рядом лейтенанту-переводчику, что вызвало у обоих гомерический хохот, после чего последний ткнул пальцем в стоявших в оцеплении полицаев, выкрикнув их фамилии –

Матюшин, Власенко. Отделившись от остальных, два дюжих полицаев подошли к хрупкой женщине и угрожающе нависли над ней.

Акулина продолжала молчать, лишь в глазах прибавилось страху. Один из полицаев взял ее сзади за плечи, чтобы не могла увернуться, а другой с силой, наотмашь, ударил раскрытой ладонью по лицу. Было заметно, что полицаи не раз использовали этот прием. Из разбитых губ женщины на подбородок потекла алая струйка, кровавой росой рассыпаясь по светлому полю кофты. И после этого Акулина не произнесла ни звука. Но теперь не страх виделся в ее глазах, а лишь ненависть к своим бывшим согражданам. Оглянувшись на офицеров, полицаев, что бил, застыл в ожидании. Ухмылка сошла с лица гауптмана. Махнув рукой, он потребовал продолжить допрос. Широко размахнувшись, полицаев нанес женщине удар кулаком в живот. Охнув, несчастная переломилась пополам, упав на колени. Следующий удар пришелся по голове. Повалив Акулину на землю, верзила с силой ткнул ее в живот сапогом. До Коли долетели его слова: «Кровью захлебнешься, сучка, а все расскажешь гауптману!»

От страха он зажмурился, с замиранием сердца продолжая ловить каждый стон матери. В голове подростка в этот момент рисовались самые фантастические планы мести.

Он открыл глаза только когда почувствовал, как кто-то встал рядом. Это был Павел Игнатьевич. Желая уберечь подростка от необдуманных действий, старый учитель попытался уговорить его вернуться домой, но тот решительно воспроти-

вился этому.

В тот день гитлеровцам так и не удалось выяснить, у кого Акулина получала в городе лекарства. В полубессознательном состоянии женщину оттащили обратно в амбар и бросили на глиняный пол. Сама передвигаться она уже не могла.

Коля не помнил, как прибежал домой. В голове стучала одна мысль: вызволить! Любым способом вызволить мать!

Сняв со стены в чулане старый отцовский сидор, с которым тот ходил в лес, подросток сложил в него нехитрую снедь: несколько отварных бульб, головку лука, небольшой шматок сала и литровую бутылку молока. Другой еды в доме не было. Подумав, еще положил свежее полотенце и чистую старую кофту.

Скрип отворяемой калитки заставил его вздрогнуть и выглянуть в распахнутое окно. Во двор, едва волоча ноги, входил историк Тихонович. Проковыляв к крыльцу, Павел Игнатьевич тяжело опустился на него.

— Горазд ты бегать, однако! Думал, не застаю, — выдохнул старик, с трудом переводя дыхание. Заметив в руках паренька вещмешок, он догадался, куда тот собрался идти и отрицательно замотал головой: — Не ходи, Коленька, не надо! Не сейчас!

— Да я... здесь поестъ немного... — начал, было, подросток дрожащими губами.

— Потом! Потом вместе отнесем. А пока делом займемся. Надобно еще раз тщательно дом с сараем осмотреть. Будем искать лекарства. Не дай бог немцы придут...

— Какие лекарства? Полицаи все уже осмотрели и ничего не нашли.

– То – полицаи, а то – фрицы! – упорствовал Павел Игнатьевич. – Если найдут медикаменты, твоей мамке точно не поздоровится. Тогда Акулине не избежать... кхм... В общем, ищи!

– Сами ищите, я скоро! – крикнул Николай и пустился бегом по улице...

Подходя на ватных ногах к площади, он еще издали заметил, как несколько полицейских разбирали часть забора, складывая потемневшие доски в штабеля. Из закрытого амбара, перед которым взад-вперед прохаживался караульный с винтовкой за плечом, не доносилось ни звука. Осмелев, Коля подошел к небольшого росточка полицейскому с открытым, почти детским выражением лица, который лишь немногим был старше него.

– Вот, поесть мамке принес! – пробормотал он, вытянув далеко вперед руку с котомкой. – Мамка у меня тут... э... взаперти! – Мне бы поговорить с ней, а!

Осмотрев его с ног до головы, караульный проворчал, ломая брови:

– Не велено с арестованными разговаривать! Иди отсель!

– Поесть-то можно передать? – попросил паренек.

К его удивлению, полицейский охотно согласился.

– Это можно. Передам, чего не передать-то. – Принимая вещмешок, он дружелюбно улыбнулся. – Разве ж я не понимаю!

Обрадовавшись, Коля повторил попытку.

– Слушай, ты бы сказал немецкому офицеру, что мать моя ни в чем не виновата! – попросил он. – Нет у нас дома никаких лекарств! Я смотрел. Ей богу, нет. Кто-то наговорил на нее.

– Скажу, чего не сказать-то! – Продолжая угодливо кивать головой, караульный заглянул в котомку. – Тут, это, ничего запрещенного нет? А то, может, оружие или еще чего вздумал передать?

– Да какое оружие! – стал отмахиваться Николай. – Бульбы немного да сала! Хочешь, я и тебе принесу? Ты скажи, мне не жалко! Только не забудь офицеру передать, ладно?

Молодой полицейский отвернул лицо в сторону.

– Не, мне не надо, я при исполнении. А офицеру скажу. Разве ж я не понимаю. Ты, это, иди, давай! Тут посторонним околачиваться нельзя, – нарочито громко проговорил он, оборачиваясь по сторонам. – Если увидят – обоих накажут.

Вернувшись за забор, Коля приник к узкой щелке между досками из горбыля и стал ждать, когда часовой отправится в штаб, расположенный неподалеку, через площадь, чтобы замолвить словечко о его матери.

Тем временем полицейский, подозревая одного из своих товарищей, что складывали доски в штабеля, предложил разделить с ним содержимое передачи, отпуская сквозь смех скабрезные шутки в адрес «доверчивых дурачков».

Горькая обида тяжелым комком засела в горле Коли, когда он бежал обратно домой по пыльной, ухабистой дороге, поднимая сандалиями пыль. В его голове снова рисовались картины мести, одна страшнее другой. Полицаев он сейчас ненавидел даже больше, чем гитлеровцев.

Павел Игнатьевич по-прежнему сидел на крылечке, дожидаясь его. Увидев заплаканного паренька, старик велел ему срочно забрать у соседей сестру, после чего обоих отвел в свой дом.

Оставив ребят на попечение супруги, Всеславы Валентиновны, Тихонович тут же скрылся в неизвестном направлении.

К вечеру по селу поползли слухи: фашисты завтра всех задержанных собираются казнить. Ступор охватил Колю. Он не знал, что делать. Друзья не оставили его наедине с бедой. Дождавшись темноты, они огородами пробрались на задний двор стариков Тихоновичей. Собравшись под старой развесистой яблоней, подростки, со свойственной их возрасту горячностью, стали наперебой предлагать различные варианты для спасения обреченных на гибель людей.

Ближе к полуночи вернулся Павел Игнатьевич. По сосредоточенным лицам ребят он догадался, о чем те вели беседу. Отругав молодежь за неосторожность – жителям села запрещалось появляться на улицах в столь поздний час, – старик велел всем немедленно расходиться по домам, строго-настрого наказав самим ничего не предпринимать.

3

В эту ночь Павел Игнатьевич не спал. Еще не успели первые петухи оповестить жителей села о начале нового дня, как он проводил жену до леса. На краю луговой поймы супруги расстались. Прощание не было долгим. Согнувшись под тяжестью взваленного на плечи пузатого мешка с продуктами и самыми необходимыми вещами, дородная Всеслава Валентиновна скупой обринула: «Павлуша, береги себя!» и, схватив за руку младшую сестричку Николая, Аню, не оборачиваясь, скрылась в чащобе.

Вернувшись домой, Тихонович не стал будить

вздрагивавшего во сне подростка, дождался, когда взошедшее солнце оторвется от земли и пойдет гулять по небосводу. Наконец он подступил к кровати, на которой, разметав во сне руки, посапывал юнец.

– Вставай, Коленька, пора! – с исполненным мрачной решимости лицом, проговорил Павел Игнатьевич. – Надо идти!

Вскочив на ноги, подросток протер спросонья глаза и стал быстро одеваться.

– Куда идем, к партизанам?

– Каким еще партизанам?! Слышали бы тебя фрицы! – проворчал хозяин дома, кладя на стол краюху ржаного хлеба и большую очищенную картофелину. – На, по дороге съешь!..

Виселица на центральной площади, воздвигнутая из досок и столбов, стянутых с забора, бросилась им в глаза еще издали. В предчувствии чего-то ужасного сердце Коли заколотилось.

– Пал Игнатьич, это что? Это для кого? – повернулся он к Тихоновичу с побледневшим лицом.

Не отвечая, старик ускорил шаг.

Как и вчера, гитлеровцы опять согнали всех жителей на площадь, окружив ее живой цепью из полицаев и прибывшего ночью отделения эсэсовцев. Не сумев вовремя укрыться, Коля с Павлом Игнатьевичем оказались в самом центре толпы.

Появления гауптмана с переводчиком ожидать пришлось долго. Наконец оба гитлеровца вышли из здания бывшего колхозного правления, расположенного в другом конце площади. В сопровождении двух автоматчиков, офицеры, с важным видом вершителей судеб, прошествовали к столу, поставленному напротив виселицы. Из амбара

вывели всех пятерых арестованных.

Сына Акулина заметила сразу. В светлой курточке из тонкой парусины, Коля заметно выделялся среди серой, закутанной в бесцветные одежды массы. Материнское сердце забилося в тревоге: «Почему не скрылся? Зачем пришел?» Опасаясь привлечь к сыну внимание фашистов, женщина отвела глаза в сторону. Коля тщетно пытался перехватить взгляд матери.

Толпа на площади застыла в безмолвии. Согнанные в загон, словно скот, жители испуганно взирали на происходящее. Какое-то время не слышен был даже детский плач. Но вот кто-то из женщин первым всхлипнул. Тут же над головами прокатилась робкая волна недовольства, а вскоре вся площадь загудела. Народ требовал отпустить ни в чем не повинных людей.

Сжав до боли челюсти, Коля опустил руку в карман, нащупал складной перочинный ножик и приготовился в любую секунду броситься на ненавистных врагов. Почувствовав его напряжение, Павел Игнатьевич положил руку на плечо подростка, властно сжал.

– Ты, Коленька, от меня не отходи! Рядом стой! – прошептал на ухо.

Бывший учитель понимал, какая буря творилась сейчас в душе мальчишки. Большая обида, густо замешанная на злости, могла иного взрослого довести до срыва, что же говорить о детской психике. Это бы неотвратимо привело к тяжелым последствиям. Коля и матери бы не помог, и себе навредил.

Продолжая сжимать цепкими пальцами плечо Николая, чье внимание по-прежнему было прико-

вано к матери, Павел Игнатьевич стал осторожно озираться по сторонам, словно кого-то высматривал. Он понимал: участь арестованных предрешена. За разные провинности всех их ожидала смерть. Показательный суд в присутствии жителей села гитлеровцам был необходим, чтобы донести населению: мы действуем строго по закону немецкого правительства.

Восседавший за столом Сохатый приказал помощникам, чтобы подвели одного из арестованных. Это был старик лет семидесяти с растрепанной головой и всклокоченной седой бородой. В мятой рубашке навыпуск, в заплатанных штанах и древних, истоптанных башмаках, он остановился перед ними с какой-то виновато-растерянной улыбкой. Его внешний вид рассмешил гитлеровцев. Повернувшись к переводчику, гауптман что-то лениво обронил и... махнув рукой, отправил старика обратно.

Когда выкрикнули фамилию Цвирко, стоявший позади Акулины полицейский грубо подтолкнул ее прикладом винтовки. Молодой улыбчивый переводчик задал те же вопросы, что и вчера.

– Назовите имена людей в городе, кто снабжал вас лекарствами, – потребовал он. – Назовите, и вы будете жить!

Акулина продолжала упорно молчать.

Сохатый долго всматривался в лицо белорусской женщины. Немец никак не мог понять, почему эта привлекательная женщина, которой еще жить да жить, добровольно выбирает смерть. Это было так не похоже на поведение французов и румынов, с кем ему доводилось встречаться немногим раньше. Не получив фамилий и адре-

сов, офицер, словно сожалея, пожал плечами и отпустил ее.

Вернувшись к остальным, Акулина встала рядом с едва державшимся на ногах мужчиной, чье лицо представляло собой сплошную кровавую массу. Лишь по одежде Коля с трудом узнал в нем дядю Степана, приятеля отца.

– Он же признался! Зачем бить-то было? – удивился подросток, поворачиваясь к Павлу Игнатьевичу.

– Очень может быть, что это наши полицаи собственную инициативу проявили, – тяжело вздохнув, предположил Тихонович. – Сволочные натуры! Прислужники сатаны!

Гитлеровцы торопились. Задерживаться в далеком от райцентра селе было небезопасно. Сохатый поднялся из-за стола, взглядом, полным самодовольства, окинул собравшихся на площади и начал через переводчика зачитывать приговор: «...Действуя по законам Великого Рейха, дарованным германскому народу самим Богом... спасая от большевистской заразы всех принявших наши порядки... мы и впредь будем сурово наказывать тех, кто помогает лесным бандитам...»

От предчувствия неотвратимости беды Коля едва не закричал. Павлу Игнатьевичу с трудом удалось удержать подростка на месте. В какой-то момент взгляд Коли наконец-то пересекся с материнским. Акулина ободряюще улыбнулась сыну.

Закончив речь, Сохатый победно вскинул голову и остался стоять, ожидая, когда полицаи подведут осужденных к висевшим на толстой балке петлям. Народ на площади зашевелился,

загудел. Завыли в голос бабы. Засопели старики, выдавливая из груди проклятия. Глядя, как полицаи набрасывают на шеи несчастных веревки, люди стали прикрывать перепуганным детям глаза.

Самообладание покинуло юного Колю Цвирко. Выхватив из кармана небольшой перочинный нож, он рванул вперед. Блеснув в лучах солнца, стальное лезвие напугало молодую женщину, стоявшую на пути с младенцем на руках. Коротко вскрикнув, она отшатнулась в сторону. К счастью, ее голос потонул в общем гуле.

Успев перехватить руку подростка, Павел Игнатьевич до боли сжал ее чуть выше локтя. Несмотря на возраст, он все еще обладал достаточной физической силой.

– Ты чего удумал, дурень? О сестре бы подумал! – возмутился Тихонович, безуспешно стараясь отобрать нож.

Роняя слезы, Коля прижался головой к тощей груди старика. По-отечески обняв паренька, бывший учитель в последний раз огляделся по сторонам. Робкая надежда на помощь партизан окончательно растаяла.

Получив рапорт о готовности, гауптман поднял руку, собираясь дать отмашку. Толпа замерла. Лишь редкие детские всхлипывания все еще нарушали воцарившуюся тишину. Крепко, чтобы не смог вырваться, Тихонович прижимал к себе убитого горем Николая, отвернувшись от обреченных на казнь. Он не хотел видеть, как враги лишают жизни людей, которых знал долгие годы, а некоторых с самого их рождения, поэтому не заметил, как пуля партизанского снайпера снесла

гауптману полчерепа. Следующий выстрел заставил и переводчика уткнуться головой в стол. Мгновение спустя все вокруг загрохотало и пришло в движение...

Доклад от связанных о готовящейся казни сельских активистов, помогавших партизанам, командир отряда Федор Иванович Чепраков получил далеко за полночь. Выдвигались спешно. Времени на подготовку не оставалось. Решили действовать по обстановке.

Первыми, как всегда, в бой вступили снайперы. И пока они прицельно расстреливали неприятеля, стараясь не задеть заматававшихся на площади людей, автоматчики отрезали фашистам пути отступления.

«Слава Богу, успели! – вздохнул облегченно Павел Игнатьевич, услышав выстрелы. – Еще минута и было бы непоправимо поздно». Привлекая внимание напуганных стрельбой селян, он высоко поднял руки и стал громко призывать всех лечь на землю. В панике немногие слышали его. Падая сам, он увлек за собой женщину с младенцем.

Едва раздались первые выстрелы, Коля вырвался из цепких рук старика и бросился к виселице. О собственной безопасности он в этот момент не думал. Опасался, что полицаи успеют выбить лавку из-под ног матери. Сама бы женщина избавиться от петли не сумела. Фашисты арестованным предусмотрительно связали руки за спиной.

Освободив мать, Коля бросился к остальным. Лишь одного человека ему не удалось снять живым с петли. Жизнь Степана Савина немецкая пуля оборвала раньше, чем лезвие ножа коснулось его веревки.

Бой закончился так же внезапно, как и начался. В тот день никому из врагов не удалось избежать заслуженной кары.

Дождавшись, когда все стихло, Коля бросился к матери. Крепко прижав к себе сына, женщина не сдержала слез.

– А где сестричка? – немного успокоившись, с волнением в голосе спросила Акулина.

– Ты не волнуйся! Мы ее с Павлом Игнатьевичем надежно спрятали, – сообщил Коля.

Вспомнив о старом учителе, мать и сын Цвирко пошли искать его.

Тихоновича они нашли лежащим на земле. На груди старика, по выцветшему полю посеревшей от времени сорочки, расплывалось большое алое пятно. Рядом, судорожно прижимая к груди младенца и подпирая спиной забор, громко причитала та самая молодая женщина, которую Коля несколькими минутами раньше напугал своим ножом.

– Это он нас спасал, а сам, вот, погиб! – всхлипывая, рассказывала она мужчине, чей возраст из-за густой с проседью бороды было трудно угадать.

Присев на корточки, одетый в офицерские брюки-галифе и гражданский пиджак поверх гимнастерки, бородач держал на ладони голову раненого старика.

– Что ж ты хоронишь его? – цыкнул он на молодуху. – Жив Павло Игнатьич, жив! Рано ему еще на тот свет. Верно, отец?

Едва заметная улыбка тронула бескровное лицо Тихоновича.

– Все-таки успел, Иваныч! – едва шевельнул губами старик. – А я уж думал...

Тяжелый кашель не дал ему договорить. Обернувшись на закопавшегося в большой брезентовой сумке молодого бойца, человек в галифе поторопил:

– Кудымов, быстрее! Истечет ведь!

– Куды ж быстрее, тааш командир? – проворчал партизан, выуживая на свет единственный паке-тик с бинтом. – Я когда еще говорил, что перевязочный материал закончился?

– Давай, боец, давай! Потом будешь жаловаться.

Стоявший рядом с ними черноусый паренек-автоматчик, цепким взглядом замечавший все, что происходило вокруг, потянул не глядя из внутреннего кармана пиджака два мятых пакетика:

– Держи, Кудыма! У фрица в последнем бою «одолжил». Ему уже не пригодится.

Увидев перед собой Акулину Цвирко с сыном, Павел Игнатьевич попытался приподняться, но боль в груди сковала движение.

– Слава Богу, живы!

Видя, как с каждой секундой жизнь вытекает из тела раненого, Акулина, чтобы не заплакать, до боли прикусила губу, ловким движением руки оторвала от кофты рукав и опустила рядом на колени.

– Может, телегу подогнать? Я мигом! – предложил Коля. От страха и волнения колени его дрожали.

Нетвердой рукой Павел Игнатьевич попытался придержать подростка за штанину.

– Не спеши! Мне уже без надобности. – Судорожно схватив бородатого за руку, он прошептал из последних сил: – Федор Иваныч, паренька возьми к себе! Это я тебе о нем рассказывал. Возь-

ми. Горяч... пропадет...

Тяжелые, словно стальные, бегали желваки по худым щекам командира отряда Федора Чепракова, когда закрывал он глаза старому педагогу.

Несколько минут спустя, приказав собрать всех жителей, он выступил перед ними с краткой речью.

– Товарищи, мы еще вернемся сюда, потом, когда окончательно изгоним врага с нашей советской земли! – начал командир партизанского отряда. – Вернемся и воздадим должное всем погибшим братьям и сестрам. А пока что, товарищи, надо нам вот что сделать...

Прошедший особую подготовку, офицер разведывательно-диверсионной группы понимал: не дождавшись возвращения своих людей в город, гитлеровцы пришлют сюда карателей. За своих убитых офицеров и солдат они жестоко мстили. Могли спалить всю деревню вместе с жителями.

Отдав распоряжение как можно скорее предать тела погибших односельчан земле, Чепраков предупредил присутствующих: никто не должен знать о том, что немцы были здесь.

Он решил отвести подозрение от жителей, сымитировав столкновение гитлеровцев с партизанами далеко от этого места. Такое уже сработало однажды, и командир хотел повторить удачный опыт. Пока одни партизаны вместе с местными разбирали виселицу и восстанавливали забор, приводя все в первоначальное состояние, другие грузили тела неприятелей в их же автомобили и повозки, предоставленные жителями. К работе подключили и мальчишек. Им было поручено собрать все гильзы, чтобы позже рассыпать на

новом месте. Немецкую технику: грузовик, несколько мотоциклов, бронетранспортер и легковой «Мерседес» – также следовало перегнать в лес, после чего уничтожить гранатами для достоверности боя.

Заметив подростка, за которого перед смертью просил Тихонович, Чепраков призывно помахал ему рукой.

– Значит, это ты сколотил отряд мстителей? – Глаза партизанского лидера потеплели. – Собирались с фашистами воевать?

– И воевали! – ответил Николай, готовясь услышать похвалу.

Лицо Чепракова посуровело.

– Воевать нужно с головой! Могли людей почем зря погубить.

– Я не думал, что так получится, – смутился Коля.

Голос Федора Ивановича снова потеплел:

– Хочешь воевать – иди к нам!

Предложение прозвучало столь неожиданно, что привело подростка в замешательство.

– А можно?

– Обычно мы не берем в отряд юнцов, но за тебя словечко Петр Игнатьевич замолвил, светлая ему память. Да и Акулина, мать твоя, тоже просила. Между прочим, она у тебя настоящий герой! Помогает нам в очень трудном деле.

Коля обернулся, ухватил взглядом ожидавшую немного в стороне мать. Только сейчас обратил внимание, как осунулось и посерело ее лицо за эти дни. Волна нежности к родному человеку охватила его грудь.

– Тебя же все равно дома не удержать! – подой-

дя ближе, Акулина легонько потрепала сына за светлые вихры. – Так хоть под присмотром взрослых будешь.

Ответив матери благодарной улыбкой, подросток решительно отстранился. Разве это дело?! Человека в партизаны приглашают, а она с ним – как с мальчишкой! Что о нем подумает Федор Иванович? Коля хотел сказать, что уже взрослый, что не надо с ним так-то, но, заметив, какой печалью были наполнены глаза матери, промолчал.

– Ну, так что, Николай? – продолжал Чепраков. – Парочка смелых птенцов нам в отряде не помешает. Годков-то тебе сколько?

«А что тут думать?! Конечно, немедленно соглашаться! Вот зависть-то вызовет у друзей-приятелей!» Только сравнение с птенцом покорило Колю. Нахохлившись, он выпалил на одном дыхании:

– Вообще-то, мне семнадцатый пошел! – И на всякий случай добавил для солидности: – И я хорошо стреляю!

– Ну-у! – Брови Федора Ивановича взлетели. – Тогда сам бог войны велит тебе идти в мою дружину! – улыбнулся он, отчего на душе Николая стало светло и радостно. – Добро пожаловать в ряды партизан, боец Цвирко! Там уж посмотрим, на что ты годишься.

Сердце радостно колотилось, когда Коля пожимал крепкую, шершавую ладонь Чепракова.

Оставив село под захлебистый лай собак, отряд вышел к подлеску. Здесь партизаны решили разделиться на две группы. Основная часть возвращалась с командиром в лагерь. С ним уходили

и Акулина с сыном. Второй группе, возглавляемой молодым офицером Виктором Вовком, предстояло завершить задуманное.

– Надо спешить! – торопил его Чепраков. – Дождь собирается. Нам это на руку. Смывает следы колес. Самим бы только не застрять в дороге!

– Успеем, Федор Иванович! – заверил Вовк.

Остановившись за бровкой дороги, офицеры наблюдали, как мимо, скрипя и покачиваясь на ухабах, тянулись телеги с телами убитых фашистов. Неожиданно сбоку вынырнул новоявленный боец Цвирко. Взяв, как заправский военный, под козырек, подросток обратился:

– Товарищ командир, разрешите доложить?

Федор Иванович приветливо кивнул:

– Разрешаю!

– Здесь не все полицаи! Не хватает двоих, как минимум.

Улыбка сползла с лица командира.

– Ты уверен?

– Точно говорю! Нет тех, кто вчера мамку бил. Фамилию одного я расслышал – Матюшин. Его так переводчик кликнул. Второго узнал бы в лицо.

Чепраков повернулся к Вовку:

– Что скажешь, Виктор? Плохо зачистили?

Недоуменно пожав плечами, молодой человек заверил:

– Уйти никто не мог! Мы все тщательно осмотрели. В живых остался только один человек. Полицаи из местных. Жители хотели самосуд над ним учинить, но я не допустил. Сказал, чтобы по закону все было.

– По закону – это правильно, – проговорил, задумавшись, командир. – Надо было по всему

селу пройти. Может, кто спрятался. Ты представляешь, что будет с жителями, если хоть один фашист в живых остался? Завтра же все село уничтожат. Так! – Федор Иванович подкрутил по привычке длинный ус. Он так делал всегда, когда нервничал или о чем-то крепко задумывался. – Придется уводить всех с собой.

Вывод мирных жителей из села мог надолго связать руки партизанам. Услышав их разговор, один из проезжавших возниц соскочил с телеги. Он рассказал, что видел, как прошлой ночью несколько полицаев покидали село на грузовике.

– Очень надеюсь, что эти двое были среди них, – облегченно вздохнул Чепраков.

Отпустив возницу, Федор Иванович одобрительно похлопал нового бойца по плечу:

– Ну, Николай Цwirко, считай, что проверку на внимательность ты прошел на «отлично»! Остальному тебя подучит... – Оглядевшись по сторонам, командир окликнул старика с аккуратно подстриженной бородой: – Захар Петрович! Ты, кажется, просил подобрать тебе помощника? Вот, рекомендую – Николай Цwirко, наш новый боец!

Подойдя ближе, старик скептически оглядел невысокого худощавого паренька.

– Жидковат будет, Федор Иваныч! Недокормыш какой-то! – Приосанившись, он еще раз внимательно посмотрел на подростка. – Сдюжит ли? Сам знаешь, на наших-то партизанских харчах растущее тело не засалится, лицо не замаслится.

По усталому лицу Чепракова пробежала едва заметная улыбка.

– Сдюжит, сдюжит! Чувствую, паренек с характером. А жирок... Жирок – дело наживное.

– И то верно. Ладно, командир, уговорил. – Указав рукой на место подле себя, старик проговорил: – Ходи рядом! Буду учить тебя, как хозяйством заниматься.

– Каким еще хозяйством? – воспротивился вдруг паренек. – Я не согласен становиться на хозяйство! Я воевать хочу!

– Воюваты? – Пряча в густых усах улыбку, Захар Петрович укоризненно покачал головой: – Хм! Сперва горшки за ранеными поноси, а тоди и повоюешь, а то враз в шею вытолкаю!

Говорил старик на смеси русских и украинских слов, что делало его язык трудно воспринимаемым для Коли. Опустив голову, новоявленный партизан неохотно согласился:

– Ну, горшки так горшки. Только воевать я все равно буду!

– А як же! Нам без тэбэ Гитлера ни як нэ взять! – соглашаясь то ли в шутку, то ли всерьез, закивал Захар Петрович, закусив седой ус. – Значит, кажешь, што полицаи мамку твою забижали? – немного помолчав, спросил он. – Ну, за то не думай. Подлецов мы найдем, не сомневайся. Найдем и спросим по всей строгости военного времени. Так я зрозумію, Федор Иваныч?

Стоявшие рядом партизаны, с любопытством изучавшие нового бойца, одобрительно загалдели:

– Верно говоришь, дед Захар! Еще как спросим!

– По-другому не будет, – утвердительно кивнул и командир. – Никого не забудем.

В тот момент Коля еще не знал, что пройдут долгие два года, прежде чем он снова повстречает Матюшина. А в тот памятный для него день нача-

лась их крепкая дружба со старым кубанским казаком, Захаром Петровичем Степаненко, с чьей легкой руки вскоре к нему прикрепилось русское прозвище «Сверчок». Так переводилась на язык Пушкина его белорусская фамилия.

Вечером, уже в лагере, партизаны провели скорый суд над задержанным полицаем, чье участие в расстрелах мирных граждан было доказано очевидцами. Как выяснилось, этот же человек выдал немцам и Акулину Цвирко.

Съежившись, как зажаренный на сковороде гриб-сморчок, полицай искал сочувствия у окружающих.

– Видит Бог, не хотел служить немцам! – заскулил он. – Испугался! Немцы сказали, что всю семью расстреляют, если не пойду в полицейские...

Коля знал этого человека с раннего детства. Часто с его сыном оставался в школе поиграть в мяч. В какой-то момент жалкий вид односельчанина вызвал у подростка сочувствие, но вспомнив, что из-за него сегодня могла погибнуть его мать, брезгливо отвернулся.

– Да врет он все! – раздалось из толпы. – Жить хорошо хотел, вот и пошел к фашистам. Добровольно! Денег хотел. Гитлеровцы неплохо платят своим прихлебателям...

В тот день Коля Цвирко принял для себя важное решение: он постарается так прожить свою жизнь, чтобы никогда не пришлось иметь столь жалкий вид.

Трибунал отряда постановил полицая казнить. С приговором затягивать не стали. Осужденного отвели подальше в лес. Никто, кроме тех, кто был

назначен исполнить приказ, желания присутствовать при этом не выказал. Люди устали от смертей. Остался в лагере и Коля Цвирко. Увиденного сегодня ему хватит на всю жизнь.

Ближе к полуночи, попрощавшись с матерью и сестрой, по приказу Чепракова отправлявшихся в соседний отряд, Коля лег под навесом. Беспокойно ворочаясь, рядом похрапывали его новые товарищи. Спать не хотелось. Лежа на краю широких нар, изготовленных из тонкоствольных осин и покрытых свежим сеном, он воскрешал в памяти события минувшего дня. Вспомнилось лицо дяди Степана Савина. Из короткого рассказа матери по дороге в партизанский лагерь Коля узнал, как погиб приятель его отца. Когда началась стрельба, он, с накинута на шею петлей, едва и сам удерживаясь на ногах, сумел изловчиться и заслонить ее от полетевших в их сторону фашистских пуль.

Вспомнил Коля и Всеславу Валентиновну, супругу Павла Игнатьевича. Печальное известие о гибели мужа женщина приняла стоически, словно давно была к этому готова. Лишь на мгновение дрогнуло морщинистое лицо да в нитку вытянулись губы, прошептав:

– Отмучился, стало быть, Павлуша. Вон оно, как в жизни бывает. Рожден был учительствовать, а погиб, как солдат. – Несколько минутами позже, возвращая матери маленькую Аню, Всеслава Валентиновна решительно засобиралась: – Пойду. Негоже Павлу Игнатьевичу чужими людьми быть погребенным. Сама схороню.

Акулина пыталась отговорить. Уверяла, что тело ее супруга еще днем было предано земле. Не хотела, чтобы женщина в тяжелое для нее время

оставалась одна в пустом доме.

Всеслава Валентиновна была непреклонна.

– Пойду. Помолюсь над погребением. Отмолю у Господа грехи мужа. Пусть примет хорошо, позаботится. Хотя какие у него грехи?! Светлый был человек...

Не удалось уговорить пожилую женщину и Федору Чепракову. Пришлось командиру выделить двух бойцов, чтобы сопровождали вдову Тихоновича до ее дома.

Вспомнил Сверчок лицо еще одного человека – полиция Матюшина.

4

До войны Кондрат проживал в Могилеве, где работал директором колхозного рынка. Денежное место и авантюрный склад характера, помноженные на желание жить на широкую ногу, рано или поздно должны были привести его на скамью подсудимых. Пойманный на взятке, по решению суда он был отправлен в долгую «командировку» в места, где душу греет редкая весточка с воли. Молодая и привлекательная супруга, привыкшая к роскошной жизни и дорогим нарядам, мужа дожидаться не стала. Познакомившись с известным артистом из минского театра, гастролировавшего в их городе, она уехала с ним в столицу. На переезд женщину вдохновило наличие у недавно овдовевшего пожилого мужчины большой квартиры и немалой суммы на счетах.

Несколько лет суровой лагерной жизни приучили Кондрата никому не доверять и рассчитывать только на свои силы. Отсидев полный срок, он вернулся в родной город и скоро понял, что чело-

веку с запятнанной репутацией, как у него, приличную работу здесь найти не удастся. Пришлось податься к дальним родственникам в Лиду. К этому времени город уже два года как был присоединен к Белорусской ССР. Здесь и застала Кондрата война.

В услужение к гитлеровцам, обещавшим счастливое будущее всем, кто будет верой и правдой служить Великому Рейху, Матюшин подался не сразу. Некоторое время присматривался. Отмечал, как быстро продвигается мощная военная машина немцев на Восток. Решился, уверовав в какой-то момент, что гитлеровцы пришли сюда навсегда.

При новой власти Кондрат надеялся широко развернуться. После войны планировал заняться сельским хозяйством. Мечтал купить участок земли под ферму. «Жрать люди будут хотеть всегда! – рассуждал он. – Позже можно и пивную открыть. Поговаривают, колбасники очень даже уважают пиво...»

Служить новой власти Матюшин пошел во вспомогательный полицейский батальон. Сюда местные шли по разным причинам. Одни были обижены на советскую власть. Другие – чтобы избежать отправки в Германию на принудительные работы. Не последнюю роль играло и неплохое денежное довольствие.

В охранные батальоны немцы не принимали бывших уголовников. Узнав об этом, Кондрат умолчал о прошлой судимости, надеясь, что его документы затерялись где-то в архивах Могилева. Так бывший директор рынка стал полицейским. Предателей, служивших в этих отрядах, местное

население называло полицаями.

Вскоре на мало пьющего, исполнительного Матюшина, быстро завоевавшего среди своих авторитет, внимание обратил молодой офицер полевой полиции Клаус Хойер. И когда его назначили руководить районным отделением, он решил взять с собою Кондрата, сразу предложив возглавить взвод вместо предшественника, убитого в стычке с партизанами.

Во вверенном подразделении полицейские дисциплинированностью не отличались. Но Матюшину достаточно быстро удалось навести порядок. Помог опыт, полученный в советских лагерях. Отобрав среди полицаев несколько крепких парней, готовых за небольшие поблажки по службе беспрекословно подчиняться воле нового командира, он с их помощью пресекал любые попытки неповиновения во взводе.

Поначалу, в часто возникающих ссорах, обычно происходивших между белорусами и украинцами, служившими под его началом, Кондрату и самому не раз приходилось отстаивать свой авторитет кулаками. Но после того, как несколько человек лишились передних зубов, больше во взводе не нашлось желающих спорить с новым командиром. Офицер Хойер был доволен.

В обязанности местных полицейских, которых гитлеровцы презрительно называли «аскари» – туземцы, входило патрулирование дорог, улиц, рынков, охрана складов, проверка у населения пропусков, разрешающих передвижение из одного населенного пункта в другой. Одной из задач было выявление среди мирного населения сочувствующих партизанам, арест бывших пар-

тийных и советских работников, евреев, цыган, членов семей офицеров Красной армии. Участвовали полицаи и в карательных операциях против партизан. Отдельным направлением в их работе была отправка молодежи на принудительные работы в Германию.

Матюшин служил старательно. Для выполнения поставленной задачи не гнушался никакими приемами и средствами. Часто лично принимал участие в допросах и расстреле партизан, рассчитывая этим заработать большой авторитет у новой власти.

Партизаны не раз пытались схватить его, чтобы предать публичному суду, но хитрому и изворотливому полицаяу каким-то образом всегда удавалось избежать ловушки.

На новой должности Кондрат не забыл о своей мечте – встретить старость хозяином фермы или пивного ресторанчика. Правда, откладывать деньги с зарплаты полицая не получалось. И тогда он придумал способ, как накопить достаточную сумму для будущих свершений. Кондрат понимал: задуманное могло стоить ему жизни. Необходимо было найти среди немецких офицеров человека, кто бы заинтересовался его предложением и взял на себя определенные риски. Тщательно все обдумав, Кондрат остановил выбор на своем же непосредственном начальнике Клаусе Хойере. Подобрал подходящий момент, он преподнес в дар его супруге, о которой гитлеровец несколько раз обмолвился, большой золотой перстень с изумрудом, чудом сохранившийся у него с довоенной поры. По замыслу Матюшина эта драгоценная безделица должна была послужить фундаментом

их особых отношений. Офицеру подарок понравился. Он даже намекнул, что был бы не против получить еще что-нибудь подобное. Убедившись в алчности гитлеровца, Кондрат вскоре сделал предложение, от которого тот не смог отказаться. Взамен попросил покровительство на время войны и потом, когда она закончится. Вскоре между ними сложились достаточно доверительные отношения. Клаус Хойер расторопным помощником был доволен и даже обещал со временем сделать его управляющим своего будущего имения в новых землях рейха, в Белоруссии.

Не об этом мечтал Кондрат Матюшин, но до поры открываться офицеру не собирался...

5

Земля под ногами стала мягче. Супесь сменялась суглинком, в котором вязли сапоги. Предположив, что впереди начинаются болота, Сверчок заторопился. Необходимо было догнать неприятеля до того, как он заберется в непролазные места. «Или полицаи хорошо знают дорогу, или сбились с пути», – рассуждал он, двигаясь по краю сырого луга, поросшего сочной болотной травой.

Заметив, как впереди качнулась ветка ясеня, юноша перескочил к группе старых сосен, стоявших особняком, и замер за одной из них. Полицаев видно не было, но он чувствовал их присутствие. В воздухе висел знакомый сызмальства запах сырого леса. От голода сводило живот. Пожалевав, что впопыхах не захватил ранец с продуктами убитого полицай, Сверчок достал из кармана кусочек содранной по дороге бересты и жадно зажевал. Так он мог ненадолго обмануть организм, приглу-

шив чувство голода. Этому приему его научил дед Захар. Вспомнив старика, юноша насупился: «Досталось, наверное, деду от комиссара за мое бегство!»

Уже долгое время он был в пути. Усталость пригибала к земле невероятной тяжестью. От слабости подкашивались ноги. Присев на стухлевший пенёк, стоявший под толстым слоем мха, Сверчок прикрыл глаза и почти сразу погрузился в сон. Перед глазами вновь всплыл образ деда Захара. Сведя в одну линию мохнатые брови, старый казак недобро сверкал полными тревоги очами. Усы беззвучно шевелились, точно он хотел что-то сказать, о чем-то предупредить.

С трудом разлепив налитые свинцом веки, Коля стряхнул с себя сон, невольно задев рукой ветку над головой. Два выстрела прозвучали почти одновременно, сообщая о присутствии в этом заповедном уголке природы вооруженных людей. Испуганно затих лес. Страх холодной змейкой скользнул по спине юноши, окончательно рассеяв остатки дремы. Но стрелявшие явно поторопились: пули просвистели мимо.

Догадавшись, что их преследует один человек, Кондрат велел Власенко оставаться на месте, при необходимости отвлекая внимание на себя. Сам же, решив обойти противника с тыла, лег в росистую прохладу травы и энергично заработал локтями. Движение замедлял болтавшийся на спине тяжелый ранец, но оставлять его он не хотел.

Выполняя указание Матюшина, Власенко выстрелил в сторону противника. Пуля ударила в дерево, за которым скрывался партизан. Следующая прилетела сбоку, отколов от ствола крупную

щепу.

«В капкан берут», – догадался Сверчок. Заметив движение в районе валежника, он припал щекой к прикладу карабина и стал выжидать. Лишь на мгновение показалась голова Власенко среди замшелых веток, но этого оказалось достаточно, чтобы на белорусской земле стало на одного предателя меньше. Не теряя времени на перезарядку, партизан схватил с земли уже взведенный обрез, перекатился через спину к ранее замеченной неглубокой ямке. С этого места полицей был как на ладони. Сверчок колебался. Он мог в любую секунду нажать на курок, но быстрая смерть врага казалась ему слишком легкой и несправедливой.

Дав предупредительный выстрел над его головой, юноша громко выкрикнул:

– Сдавайся, Матюшин!

Кондрат узнал голос человека, которого недавно допрашивал:

– Жив, сученя? – Достав из кобуры пистолет, он засунул его для удобства за пояс. Другой, изъятый у Хойера, остался лежать в кармане брюк. – Надо было тебя еще в подвале удавить!

Распластавшись на дне неглубокой вымоины, вызванной дождями, он окликнул Власенко. Ответа не последовало.

– Бросай оружие и выходи! – снова предложил партизан.

Полицей сдаваться не собирался. Торопливо вставив в приемник винтовки последнюю обойму, он резко прокричал:

– Можешь не стараться, щеня! Мне все одно расстрел светит! Я ведь ваших людишек мно-о-го положил!

От напряжения глаза Сверчка заволокло влагой. Промокнув их рукавом куртки, он вновь прицелился:

– У тебя нет другого выхода! Мы тебя и в Берлине найдем, если сбежишь. Только нужен ли ты фрицам в Германии? А здесь, может, еще поживешь...

Как же жалел сейчас Кондрат, что впопыхах не захватил гранаты. Одной было бы достаточно, чтобы избавиться от этого назойливого преследователя, прятавшегося на расстоянии хорошего броска.

– А что мне фрицы с их Германией?! Мне они теперь без надобности. И жить я там не собирался. Здесь хотел, на своей земле. Владеть ею, как предки мои владели, пока большевики свои колхозы не придумали. Все отняли: землю, скотину...

– Немцы, конечно, обещали вернуть все, да? – Сверчок не скрывал иронии. Он помнил беседы политрука, рассказывавшего о капиталистах-миродах, эксплуатирующих по всему миру бесправных трудящихся. – Поверил в гитлеровскую пропаганду? Небось, батраков мечтал завести? Из своих, из белорусов? Немцы-то в наймиты вряд ли пошли бы.

– А чем большевистская пропаганда лучше? – Кондрат осторожно выглянул из укрытия. – Нет в моих планах больше места ни немцам, ни большевикам. Скоро сюда другие придут. Эти половчее гансов будут.

Уловив в словах полиция нечто важное для себя, юноша подался вперед:

– Это кто еще собирается к нам сунуться?

Спохватившись, не наговорил ли чего лишнего,

Кондрат выкрикнул:

– Тебе про то знать незачем! Ты, считай, уже труп.

– Нет у тебя никаких планов, кроме одного, как шкуру свою спасти. Слыхал, небось, Красная армия по всему фронту продвинулась? К границам Европы идет. Теперь даже в соседнюю Прибалтику не попадешь. Кордоны везде выставлены. Посты армейские.

Слова партизана заставили вицефельдфебеля насторожиться:

– Какие еще посты? Нет там ничего. Не должно быть. Там немцы хозяйничают.

– Были допрежь. Нынче отовсюду побежали. Домой торопятся. К своим фрау-муттер. Говорю же – наши везде!

Николай блефовал. Что в действительности происходило в соседних республиках, он знать не мог. В нем сейчас говорил разведчик, желавший получить как можно больше информации о том, куда точно и зачем направлялись полицаи.

– Ничего, это ненадолго! – В голосе Матюшина уже не слышалась былая уверенность. – Скоро все изменится. Скоро мы вас всех окончательно зароем. И это будут не немцы, а анг...

Сплюнув с досады, что едва снова не сболтнул лишнее, Кондрат послал в партизана несколько пуль и рванул с места.

Увидев, как петляет полицай между деревьями, юноша брезгливо поморщился: «Побежал, крыса фашистская! А говорил: зароем всех, зароем...»

В поисках документов обыскивая карманы поверженного Власенко, в одном из них Коля обнаружил ржавый сухарик. Огрызок лишь

раздразнил аппетит. Пришлось снова обманывать желудок берестой и молочными корешками молодого камыша. В пути ему не раз попадали ягодные полянки, манящие спелостью земляники и малины. Но, следуя совету, некогда полученному от деда Захара, Сверчок ел их мало. «Изголодавшемуся организму толку от тех ягод немного, – говаривал старик. – Только аппетит дразнить да жажду вызывать».

6

Покинуть несколько лет назад родные степи и переехать в другую республику, кубанского казака Захара Степаненко побудили особые обстоятельства. Новым соседям и знакомым виновник многочисленных домыслов и слухов, которые обычно водятся вокруг всякого приезжего, рассказывал о смене климата, который ему рекомендовали врачи в силу слабости легких. Не мог бывший есаул открыться людям, что на родине у него возникли нелады с новой властью. Обходили эту тему и его близкие.

Встретив Первую мировую войну в звании подхорунжего, Захар Степаненко некоторое время служил в особом, пластунском отряде кубанцев. Пластуны в казачьих войсках отличались специальной подготовкой и их охотно привлекали к различным операциям. В Карпатах, совершая рейды по тылам противника, казаки подхорунжего объединились с сотней есаула Андрея Шкуро. В скором времени имя атамана, создавшего особый отряд, названный им «волчьей стаей», станет известно всей армии. Своими жестокими набегами, грабя и уничтожая все на пути, «стая» наводи-

ла ужас на врагов. Во время Гражданской войны, к тому времени поднявшись в чинах до звания генерал-лейтенанта, Андрей Григорьевич Шкуро стал одной из ключевых фигур Белого движения. Но, несмотря на героизм, проявляемый его казаками, генерал-атаман уважения среди офицерства не имел.

Судьба еще раз свела Захара Петровича с бывшим предводителем «волчьей сотни» в восемнадцатом году, в Ставрополе. Сюда, теперь уже есаул Степаненко, прибыл из Малороссии со своими казаками, чтобы служить под началом барона Врангеля. Встреча состоялась в станице Темнолесской, где, сменяя друг друга, короткое время располагались штабы генералов Шкуро, Покровского и Боровского.

Петр Николаевич Врангель не любил генерала Шкуро и партизанщину его не признавал. Считал разбойником, позорящим честь русского офицерства. Однажды, после очередной жалобы жителей из примыкавших к Ставрополю станиц на мародерствующих казаков Шкуро, даже отправил для его ареста отряд. Руководил им есаул Степаненко. Арестовать строптивого генерала, под началом которого к этому времени находилось десять тысяч сабель, не получилось. Не позволил генерал Деникин, руководивший объединенными силами Добровольческой армии, чей главный штаб находился в Ставрополе. В общей борьбе против большевиков Антон Иванович готов был собрать под свои знамена всех, кто представлял хоть какую-то силу. Шкуро такой силой обладал.

После победы Красной армии большинство из тех, кто боролся против советской власти, бежали

за границу. Одни ушли на Восток и далее в Китай, другие в Европу. Покинули отечество и высшие офицеры Добровольческой армии.

Сразу после окончания Гражданской войны чекисты стали отслеживать всех, кто участвовал в Белом движении. Попал в особые списки и есаул Степаненко. Однако покидать родину Захар Петрович не пожелал. Жизни за ее пределами он себе не представлял. Решив затеряться на просторах новой, созданной большевиками страны, вместе со своими домочадцами он сначала перебрался в Грузию. Прожив три года на берегу Черного моря, семья затем переехала в Белоруссию, где и поселилась в одном из дальних районов. Здесь Захар Петрович устроился работать в лесное хозяйство.

Чета Степаненко вела тихий, замкнутый образ жизни, избегая ненужных разговоров и чужих глаз. Когда оба сына подросли, глава отправил их на родину, на Кубань, учиться выбранным профессиям. Там они и остались жить.

С началом германской агрессии, схоронив давно и тяжело болевшую супругу, Захар Петрович подался в леса, намереваясь прибиться к тем, кто с оружием в руках сопротивлялся врагу. Здесь и свели пути-дорожки старого казака с Федором Ивановичем Чепраковым.

Командир особой группы, заброшенной осенью сорок первого года из Москвы в Белоруссию для создания мобильного партизанского отряда, тогда только набирал людей. Он лично беседовал с каждым новым желающим попасть в его команду. Отбирал молодых и выносливых мужчин, способных безропотно переносить большие физические

нагрузки. Предпочтение отдавал выходявшим из окружения бойцам Красной армии. Но и тут решал, кого принять, а кого отправить в другие отряды, связь с которыми надежно наладил. В этой жесткой системе отбора старик Степаненко оказался единственным исключением. Захар Петрович удивил опытного офицера тем, что с легкостью обошел все посты, однажды ночью неожиданно появившись возле его командирской землянки. Старый казак обещал показать слабые стороны охраны лагеря, если его возьмут в отряд. Отказать немолодому человеку, полному решимости даже в одиночку бороться с врагом, Чепраков не мог.

Для отряда Захар Петрович оказался настоящим кладом знаний. Огромный военный и житейский опыт сделали его незаменимым во всем, что касалось партизанского хозяйства. Организовать быт, заготовить впрок провиант – все мог казак. Даже хвори некоторые умел врачевать, изготавливая снадобья из известных ему трав и корений, благо местная флора изобиловала лекарственным сырьем.

Умения Степаненко особенно пригодились в первые месяцы деятельности отряда. С помощью «адских машин», выпуск которых Захар Петрович наладил из немецких авиабомб, обнаруженных партизанами возле взорванного железнодорожного моста, уничтожен был не один вражеский объект. Это потом Москва станет регулярно присылать по воздуху взрывчатку, а пока приходилось самим разбирать детонаторы, выплавлять тол, собирать мины.

Для своей «лабалатории» деду Захару много

места не требовалось. Достаточно было соорудить небольшой навес над головой. Мастерскую партизаны тут же прозвали «чертовой кухней». «Блюда» свои старый казак готовил, как заправский повар, начиняя всякими «специями». Даже командир, прошедший перед этой войной финскую кампанию, многое черпал для себя из общения с ним.

Была у Захара Петровича еще с Первой мировой заветная мечта – дойти до Берлина. Очень уж хотелось казаку победителем пройти по германской земле, как предки его по французской хаживали.

– Можя, возьмешь с собой, а, Иваныч? – осмелившись, попросил как-то он командира.

– Почему бы и нет? – пообещал Федор Иванович, дружески обнимая за плечи, чего никогда не позволял себе с другими. – Пусть Европа увидит своего победителя! Вот только бороду придется сбрить да усы проредить, – сделав серьезное лицо, сказал командир.

– Пошто так? – сощурил глаза Захар Петрович, трогая свое лицо.

– Ну, чтоб не думали в Европе, что в нашей армии молодых не осталось! – улыбался Федор Иванович.

– Это можно, – согласился старик, пряча улыбку в глазах. – Тильки усы придется ваксой пидкрасить. Чтобы, значит, зачернели, як у молодых.

– Ваксой можно, – смеялись бойцы.

– Да, ваксой хорошо будет, – улыбался во всю ширь лица Чепраков, с нежностью заглядывая в глаза этому удивительному старику, как любящий сын смотрит на отца.

Среди новых боевых товарищей, молодых и

крепких, Захар Петрович свой возраст не чувствовал. Партизанская жизнь, полная опасностей и лишенная элементарных удобств, словно возвращала его в прошлое, в тяжелые годы потрясений и бед, выпавших на его молодость. В отряде бывший есаул наконец задышал свободно, не опасаясь быть арестованным сотрудниками НКВД.

Особое удовольствие бывший пластун испытывал, обучая молодых партизан методам выживания в одиночку. В памятные ему времена в пластуны отбирали особо подготовленных казаков, которых с детства растили будущими воинами. Из них готовили разведчиков и диверсантов. Каждый должен был уметь ходить по следу, плавать с завязанными за спиной руками и лазать по горам, владеть холодным оружием и навыками рукопашного боя, изучать саперное и артиллерийское дело. Весь богатый опыт, все, чему в свое время был обучен сам, Захар Петрович без остатка передавал партизанам.

Лучшим своим учеником он считал Колю Цвирко. Этот небольшого роста, худенький с виду, но довольно крепкий паренек приглянулся ему своей отчаянной храбростью, порою граничащей с безрассудством. Ко всему, чтобы ни поручали, он подходил ответственно и исполнял беспрекословно. Сыграли роль и приемы французской борьбы, которые Николай самостоятельно изучил по подаренной отцом книжке, и умение метко стрелять. В отряде мало кто из бойцов мог посостязаться с ним в этом. Разве что прошедшие особый курс подготовки разведчики Чепракова во главе с Виктором Вовком. Этим ребятам дед Захар особо симпатизировал.

Однажды, в минуты откровения, старик впервые за многие годы решил обмолвиться в партизанском кругу о своих царских наградах, благоразумно умолчав, что одну из последних ему лично вручал генерал Деникин за успешное проведение «особо важной для Белого движения миссии».

Об этой операции, проведенной в Армавире, коей служба контрразведки Добровольческой армии придавала особую секретность, Захар Петрович никому никогда не рассказывал. Даже умирающей супруге не открылся. Тогда на Юге России столкнулись, с одной стороны, интересы молодой страны Советов и ее набиравшей силу Чрезвычайной комиссии, а с другой – контрразведка генерала Деникина.

Царских наград у Захара Петровича было много, но особо гордился он двумя Георгиевскими крестами. И вот, пребывая в наилучшем расположении духа, сидя с молодыми партизанами возле костра, повел он сказ о былых годах. Расписывал свою молодость дед Захар знатно! Где мог, умело привирал. Вспомнил, как однажды без единого выстрела, лишь засапожным ножом, пленил вооруженных немцев. Сверчок был единственным, кому и раньше доводилось слышать эту историю, всегда удивляясь количеству плененных врагов, число которых неизменно росло от рассказа к рассказу. Но он благосклонно прощал словоохотливому старику эти неточности. Уж очень складно получалось у деда Захара внушать ему мысль, что германцев не стоит бояться.

«Вояки воны так соби! – неторопливо скручивая «козью ножку», скупно ронял Захар Петрович слова, готовясь к долгому повествованию. Несмот-

ря на то, что в этой республике прожил уже достаточно много лет, он по-прежнему оставался верен южно-казачьему говору, густо замешанному на украинской мове. – Воюють, покуда свитло. А як тильки ничь шинелькою землю покрое, так караул выставляють, ружжо в пирамидку складуть и хучь ты трэсни, а баталиям кинец! – уверял он, выпуская из широких ноздрей тугие струйки дыма сквозь седые, с характерной желто-коричневой дорожкой усы. – Бильша усиго прочаго вони любять на губной гармонике играти! Нам, разведчикам, то дуже на руку було, тому як на звук ентот шукать супротивника легче. М-да. Гармоника немчуре навроде как настроение поднимает, чи што! И вот забачили мы, што на сухое горло вони долго на той бандуре играти нэ могут. Як словно горло сохне, чи што! Тянет их шнапсу накушаться. – Рассказывая, старик стряхивал пепел деликатным постукиванием костяшками указательного пальца по сигарке. – Я того шнапсу добре попил! Не горилка, конешна, напрямки скажу, но сойдэ за неимением чого другого. Искушает немчура того шнапсу да снова за гармонику берётся, слюнями брызжет. Не знаю, як в нонешнее время, а вперёд так у них и було заведено. Думаю, што и зараз такé случается. Немчура без шнапсу да гармоники – як казак без самогону да баяна. Праздник какой ихний случится – тут же напьются энтовой дряни, от которой нутро казака тоской по бабам изводится, а посля шиколодом закусывают. Это конхвэта у них такая була. Полагаю, што нимцы ею свои слабые желудки от остроты успокаивают, – растолковывал он. – Ну, а от такого шнапсо-шиколадного баловства их тоди быстро в сон

окуняе. Вот туточки и хватай его, супостата, пока тэплэнький! – Ведя рассказ, дед Захар по-стариковски причмокивал губами, периодически замолкал на полуфразе, чтобы после короткой паузы продолжить. При этом его длинные густые брови, закрученные в неровные кольца, заламывались в дугу, что придавало лицу, подсвеченному багрянцем костра, схожесть с ликами древних сказителей, запечатленных на лубочных картинках. – А колысь сподручнее будэ и обождать, когда хтось из них по нужде в лесок засобирается, – продолжал старик так же неожиданно, как и замолкал, привычно пряча в кулаке огонек сигарки. – Тока нужно спыймать момент, када исподнее скинет. Германец – человек культурный, можно сказать – аккуратный! Ему с голой задницей скакать перед неприятелем совестно. А ну, как обос... той, обделается! Покамест не прикроется, заружьишко не схватится. Ну, а там, браток, ежели ты не лопушок, то и до Георгиевского Святого креста рукой подать», – так, издалека, приблизился хитрый казак к своим памятным наградам.

Как назло, рассказ старика услышал их новый комиссар отряда, Афанасий Строжевский. Тем же часом он посоветовал старику меньше распространяться о своих царских наградах. Негоже, дескать, советскому человеку бахвалиться монаршими крестами. Прозвучавший как приказ, совет этот Захар Петрович счел для себя оскорбительным. Приняв величественную позу, достойную, по его разумению, самого атамана Войска Донского, старик осмелился напомнить комиссару, что казачье сословие служило не только царю, но, в первую очередь, отечеству и вере. Последний

аргумент у политрука-атеиста вызвал вполне ожидаемую реакцию. Выслушав короткую речь о вреде религии и попах-мироедах, дед Захар, не унимаясь, перешел к последнему, как он посчитал, самому важному аргументу. Стал он перечислять имена известных полководцев – Жукова, Буденного, Малиновского, Рокоссовского, кто также служили в царской армии и были награждены Георгиевскими крестами. И снова это было ошибкой. Фамилия последнего, еще до войны осужденного и отпущенного на свободу по личному распоряжению Сталина, вызвала в глазах Строжевского опасные огоньки. Рот его распялился в зловещей ухмылке, явно готовясь разразиться очередной нравоучительной тирадой.

Понимая, что поступил неосмотрительно, старый казак махнул в сердцах рукой и, опустив голову, немедленно зашагал прочь, бросая в воздух неумело скрываемые кашлем короткие ругательства. Несмотря на природную храбрость, проводника партии дед Захар побаивался. Слишком еще свежи были воспоминания о годах, когда многие его знакомые и боевые друзья исчезли с поля зрения. Догадки будоражили душу старого казака.

Мудрого человека жизнь до глубокой старости учит осторожности. После того памятного разговора обычно улыбчивый и словоохотливый Захар Петрович при виде комиссара замыкался. Больше он не распространялся о своих царских наградах. Прекратил и молодежь вокруг себя собирать, опасаясь навлечь на ее головы лишние подозрения. Не любил Строжевский, когда бойцы в группы собирались. Подозрительным становился. «А

ну, как власть обсуждают! А может, и того хуже – планы какие вынашивают?..» Только одному человеку продолжал бывший есаул рассказывать о службе в царской армии, юному Коле Цwirко.

7

Полуденное солнце лениво катилось по небо-склону. Легкий ветерок разгонял сырой лесной воздух, наполненный одновременно запахом медоносных трав и прелой прошлогодней листвы. Причудливой формы кучевые облака, напoлзавшие с севера на синее покрывало неба, обещали к ночи дождь. Зашептали обласканные пробежавшим ветерком повислые ветки тонкоствоЛЬНОЙ березы. Засквозили пронизанные солнечными лучами густые кроны широкоплечих кленов. Земля взбугрилась, пошла проплешинами. Взойдя на один из бугорков, Сверчок вскарабкался на еловый выворотень и... обомлел. Прямо перед ним чудесным образом разворачивалась необыкновенной красоты картина. Внизу открывался широкий плоский распадок, живописно покрытый травами и полевыми цветами, напоминавший своими красками убористый деревенский ковер, сотканный умелой рукой мастерицы.

Недалеко впереди, высоко поднимая колени и нелепо раскачиваясь из стороны в сторону, точно цыганский болванчик на резинке, торопливо шел Матюшин. Полицай упорно продвигался на Север.

«Откуда только силы берет?» – усмехнулся Сверчок. В воздухе остро почувствовался запах прелой травы и стоялой воды. Снова под ногами запружинил суглинок. Обходя поросший ползучей болотной травой участок, он краем глаза

заметил, как полицейай скользнул в небольшой загустелый осинник, где притаился. Из осторожности Сверчок шмыгнул за старую сосну, одиноко стоявшую посреди высоких трав. В нос ударил резкий запах живицы, крупной янтарной слезой выкатившейся из пораненного ствола. Не поднимая руки, он припал к толстой солнечной капле ртом и стал отдирать ее вместе с кусочками коры. Смола оказалась твердой, как раз такой, какую любил жевать в детстве.

Детство! Как давно оно было. Кажется, в какой-то другой, далекой и светлой жизни. Там остались дорогие его сердцу люди. Здесь же только он и враг, и междуними – смерть.

Опустившись коленями на толстый ковер из порыжелых от времени сосновых иголок, Сверчок стал смотреть на запутавшееся в кроне солнце. Устав бегать за полицейаем, он думал, как поступить. Проще всего было пристрелить Матюшина. Но поможет ли это снять с него подозрение в измене? Ничего не решат и документы убитых полицейав. Мало ли где он их раздобыл. Вспомнив в очередной раз комиссара, Сверчок до боли прикусил грязный кулак: «Не поверил! Мне не поверил». Он не мог понять, почему командир не сказал ничего своим помощникам, Строжевскому и Вовку, о его задании? Забыл? «А может, я чего-то недопонял?» Сверчок лег на спину, на мгновение закрыл глаза. «Только бы дожждаться встречи с командиром!»

Немного передохнув, Кондрат, крадучись, пересек залитую солнцем полянку, невольно потревожив пчелиный рой, и исчез в зарослях мелкокошья. Недовольно загудев, неутомимые собиратели нектара серой тучкой перемахнули на

соседнюю полянку.

Над местом, где скрылся полицаи, громко заверещав, взметнулась стайка птиц. Сверчок подскочил, прижался к стволу. Немного покружив над верхушками деревьев, пернатые снова спрятались в кронах. Очередной порыв ветра донес до слуха едва уловимое журчание ручья. «К воде идет!» – догадался юноша, с трудом делая первый шаг. Короткий привал сил не прибавил. Лишь немного отпустила стеснявшая грудь обида на политрука.

Бесшумному охотничьему шагу его еще в детстве обучил отец. Чтобы ни одна ветка не «вскрикнула» под ногами, не спугнула птицу или зверя. «В лесу иначе ходить нельзя», – говаривал старший Цвирко. Многому еще мог бы научить его отец, да не успел, ушел на войну. Вспомнив родителей, Коля сглотнул вязкую от живицы слюну.

В отряде отца ему заменил дед Захар, обучивший всему, что могло пригодиться для выживания в лесу. Как разжечь бездымный костер, содрав с сухостоя кору и мох; из каких лесных трав приготовить ароматный чай, предварительно очистив болотную воду с помощью золы, песка и глины, как поставить ловушки на птиц и мелкого зверья – всему научился он у Степаненко. И сейчас мог бы легко обеспечить себя едой, если бы не пришлось следовать за противником.

Сверчок представил, как стянет с себя просоленную от пота рубаху и с удовольствием освежится в холодном роднике. Рука невольно коснулась кожаной ладанки с вшитой в нее молитвой «Живый в помощи Вышняго Бога...». Ее Колю обязала носить мать. Воровито оглядевшись по сторонам,

точно опасался, что кто-то может подсмотреть, Коля приложил ладанку к губам и трижды коротко перекрестился. В последний раз он осенял себя крестом перед тем, как вступил в комсомол.

Это случилось прошлой осенью. Принимали их с Сашкой Довгунцом в торжественной обстановке, перед всем строем. Афанасий Петрович лично вручал выполненные из сложенного вдвое куска картона временные комсомольские билеты с настоящей печатью. Навещая всякий раз после этого мать, кашеварившую в партизанском отряде командира Кручени, Коля обязательно вешал на шею вырезанный из дубового сучка крестик и кожаный мешочек. Знал: мать проверит. В душе новоявленный комсомолец посмеивался над ее дремучестью, но огорчать не хотел. Со временем страх перед смертью подвинул атеизм в сторону, уступив место вере в Господа.

Впереди послышался хруст, будто кто-то неосторожно наступил на сухую ветку. Инстинктивно отпрыгнув в сторону, за небольшой валун, оказавшийся неподалеку, Сверчок вскинул оружие и нажал на курок. «Стрелять на хруст», на звук его научил все тот же дед Захар, как и следы замечать «лисыим хвостом», а также «волчьей пасти» – проведению молниеносной атаки. Сердце юного партизана заколотилось, когда вслед за выстрелом он услышал глухой стон. Неужели попал? Плохо, если насмерть. Лучше бы подранил, чтобы полицай мог самостоятельно передвигаться. Чертыхнувшись с досады – не переть же теперь труп на себе! – юноша замер в ожидании. От хитрого Матюшина всего можно было ожидать.

Время шло, а со стороны невидимого врага не

доносилось ни звука. Выроненная им винтовка сиротливо валялась на виду. Подобрав небольшую деревяшку, высушенную до стеклянной звонкости, Сверчок стал маячить ею над головой, привлекая к себе внимание. Реакции со стороны противника не последовало. Осмелев, партизан осторожно приподнялся над камнем. В ту же секунду раздался выстрел...

8

После целого ряда побед Красной армии стало очевидно, что задуманная Гитлером победоносная война захлебывается. Забуксовала «непобедимая» немецкая военная машина. Временами гитлеровцы еще одерживали незначительные победы на отдельных участках широкого фронта, но к лету сорок четвертого года советские войска стали все решительнее теснить их к западным границам СССР.

Отступая, враг не оставлял после себя ничего, что могло бы способствовать быстрому продвижению Красной армии, разрушая инфраструктуры аэродромов, уничтожая вокзалы, взрывая мосты. К этому фашисты активно привлекали и местных полицаев. Одной из задач, поставленных Москвой перед партизанскими соединениями, было всячески препятствовать этому. Разрозненные отряды собирались единым кулаком ударить по фашистам, чтобы на разных участках подготовить коридоры для наступающих регулярных частей. Отряду Федора Чепракова предписывалось захватить и удерживать важный в стратегическом плане железнодорожный узел на западе городка.

Получив задание, Коля Цвирко вместе с товари-

щем Сашей Довгунцом выдвинулись к условленному месту на встречу с представителями городского подполья. Местные антифашисты хорошо знали все подступы к станции, и партизанам предстояло уточнить некоторые детали. Встреча была назначена на окраине города у старой мельницы, разрушенной в начале войны во время вражеского авианалета. О том, что с ними на связь выйдет сам руководитель подполья Скобцев, Сверчок не знал.

Еще подростком Вадим по неосторожности сломал ногу, которая неправильно срослась. С тех пор он сильно прихрамывал, из-за чего не был призван в армию. Не взяли его и на фронт, когда началась война. Покидать родной город молодой патриот не захотел, решив, что бороться с врагом сможет и на месте. Со временем ему удалось собрать вокруг себя полтора десятка человек, готовых пожертвовать своими жизнями во имя освобождения родной земли от фашистских захватчиков.

Вначале их группа не имела возможности активно противодействовать гитлеровцам. Не хватало ни сил, ни средств. Но и за ту помощь, которую подпольщики оказывали населению, укрывая и переправляя в леса уцелевших пожилых коммунистов, евреев, семьи местных партийных деятелей, которых коллаборационисты не успели сдать немцам, руководители партизанского движения были им благодарны.

Первыми на связь с группой Скворцова вышли партизаны Чепракова. Важнейшей задачей для них была добыча сведений о перемещении немецких частей по проходящей через город железной

дороге. Позже, вместе с партизанами, подпольщики не раз принимали участие в операциях по уничтожению вражеских составов, перевозивших орудия и боеприпасы.

Собираясь на встречу, Вадим не знал, что за несколько дней до этого немцам удалось раскрыть подполье. Получив от завербованного агента имена активистов, гитлеровцы не стали торопиться с их арестом. Извещенные о тесных контактах группы Скобцева с партизанами, они надеялись через них выйти на неуловимого Федора Чепракова. Этот красный командир, руководивший небольшим, но весьма маневренным отрядом, больше всех остальных доставлял им хлопот.

Стемнело, когда Вадим и два его товарища вышли к небольшому пятачку перед входом в полуразрушенное здание мельницы. В этот момент он и заметил слежку. Времени, чтобы предупредить ожидаемых с минуты на минуту партизан уже не было. Единственное, что оставалось – открыть огонь по врагу. Он же первым и выстрелил в мелькнувшую в лунном свете тень.

В этот самый момент Сверчок, только что покинув лес, вышел к мельнице с тыла. Застигнутый врасплох, он был немедленно обезоружен ожидавшими в засаде полицейскими. Следовавший чуть поодаль Довгунец еще мог скрыться, но делать этого не стал. Поспешив товарищу на выручку, юноша открыл огонь из автомата. Сраженный несколькими выстрелами, он упал замертво, успев застрелить двоих бежавших в его сторону полицейских.

Едва короткий бой закончился, бездвигательно Николая бросили в кузов подъехавшего грузо-

вика. Спустя полчаса партизан был доставлен в старинный купеческий особняк в центре города, в котором располагалось районное полицейское управление.

Это двухэтажное приземистое здание с нелепыми широкими пилястрами, хмурыми окнами и глубокими подвалами давно имело у местного населения дурную славу. Еще со времени окончания Первой мировой войны в нем, сменяя друг друга, располагались различные структуры армий тех государств, которые посягали на местные земли. Литовцы, поляки – кто только не мечтал завладеть богатыми территориями, пока по специальному соглашению они не перешли Польше, оставаясь в ее владении до тридцать девятого года. С началом Второй мировой и захватом Польши Германией, земли эти отошли молодой Белорусской республике, к тому времени уже находившейся в составе СССР.

Под камеры в полицейском управлении был отведен большой подвальный этаж. Николая заперли в крохотном помещении без окна, освещенном единственной лампочкой, висевшей под потолком за пыльным плафоном, защищенным металлической оплеткой, чтобы арестованные не могли умертвить себя током. Воздух в камеру проникал из коридора через узкую щель между железной дверью и каменным полом.

Сверчок боялся встречи с гестаповскими дознавателями. Слышал, к каким изощренным пыткам те прибегают во время допросов. Чтобы не думать об этом, юный партизан заставил себя переключиться на воспоминания о Лиде.

К этой девушке Коля с недавних пор испытывал самые светлые чувства, на которые способен влюбленный юноша. В отряде о молодой подпольщице знали немногие. Федор Иванович доверял связь с группой Скобцева лишь нескольким бойцам. Впервые Коля повстречался с Лидой этой весной. К тому времени девушка уже не первый месяц работала в немецкой столовой. Место, куда ее устроили кухрабочей, оказалось подходящим для сбора полезной информации. Столовая состояла из двух блоков. В большом, где начинала работать, питались солдаты. Затем ее перевели в другой. Здесь столовались офицеры. По форме и шевронам гитлеровцев Лида быстро научилась определять, какие немецкие части передвигались к фронту через их район.

Первое общение молодых людей едва не закончилось ссорой. Приняв невысокого худощавого паренька с белесыми непокорными вихрами и застенчивой улыбкой за подростка, девушка возмутилась.

– Повзрослее никого не нашлось? – не решаясь доверить новому связному ценную информацию, проворчала она раздраженно.

– Сама-то давно оторвалась от мамкиной титьки? – придав голосу «низов», буркнул обиженно Коля, и, глядя, как недовольство на ее лице сменяется удивлением, совсем по-взрослому добавил: – Выкладывай поживее, чё надо нашим передать! Некогда мне тут лясы точить с малолетками!

«Малолетке» на тот момент шел семнадцатый год. Поначалу Лида вызвала в нем отторжение, показавшись высокомерной. Юноша не сразу

понял, что это обычная защитная реакция девушки на молодых людей. Скоро события на фронте и усилившаяся деятельность партизан вызвала необходимость в их частых встречах.

– Так это тебя Сверчком кличут? – расплывшись в улыбке, спросила при их очередном деловом свидании Лида. – Я думала, что ты совсем еще мальчишка, а ты, оказывается, храбрец!

– Мальчишка? Хм. Между прочим, я на целый год старше тебя! – негромко возмутился Сверчок, с трудом отрывая взгляд от ее красиво очерченных губ. К этому времени он уже понял, что увлечен девушкой.

– Ой, никак интересовался, сколько мне лет? – захлопала ресницами Лида, кокетливо наклонив голову набок. – Зачем?

Русоволосая, стройная, с печальными глазами, она стояла перед ним во всей своей природной красе. Ее мягкий грудной голос обволакивал юношу, уносил в заоблачные дали, а белоснежная улыбка кружила голову. Чувствуя, как предательски заалели уши, Сверчок мысленно одернул себя: «Эко тебя понесло! И ничего-то в ней нет особенного. Девка как девка...»

– Очень надо было интересоваться, – промолвил он, стараясь не смотреть ей в глаза, чтобы ненароком не выдать своих чувств.

Девушка, напротив, открыто рассматривала его.

– А ты и в самом деле похож на сверчка!

Ожидая подвоха, Коля скривил губы:

– В каком смысле?

– Шустрый больно! Бегаешь быстро. Скачешь, словно сверчок. Видела однажды, как ты через

забор сиганул. – Лида вдруг залилась коротким смехом: – А ты умеешь петь?

– Чего? – Все больше распаляясь, Коля нахмурился. – Я те чё, артист какой, чтобы петь?

– Жаль! Сверчки красиво поют. – Девушка протянула сидор, наполненный чем-то тяжелым. – На, держи! Тут немецкая сгущенка для раненых. Будь осторожен! – предупредила она. – В мешок вшита записка для вашего командира!

– Не впервой, – процедил сквозь зубы молодой партизан.

Пора было расставаться. Потоптавшись на месте, Лида нерешительно поинтересовалась:

– Все хотела спросить тебя: какой он, Федор Иванович? В городе легенды складывают о нем. Женщины рассказывают – молодой, красивый!

Коле с трудом удалось скрыть свое разочарование. Острой иглой вонзилась в сердце ревность. «Ишь ты, командира ей подавай!»

– Ага, красивый! – только и оставалось ему согласиться. – На белом коне по облакам скачет! Увидишь – влюбишься! В него даже старушки влюбляются.

Улыбка сошла с пунцового лица девушки.

– Вот дурак! Ладно, иди! Мне возвращаться пора...

В тот раз Сверчку показалось, что Лида, несмотря на то, что обозвала дураком, как-то по-особому посмотрела на него.

На закрайке леса его поджидали.

– Ну што, встречался со своей синеглазкой? – вырос вдруг перед ним дед Захар.

От неожиданности Сверчок резко отпрянул в сторону. В следующую секунду в его руке блеснул

короткоствольный наган. С таким малозаметным оружием ходить в город было сподручнее. Старик одобряюще похлопал ученика по плечу:

– Добре, молодца!

– Чё добре, деда?! А ну как пристрелил бы тебя! – дрогнувшим голосом проворчал юноша.

– Це вряд ли. Я ишо не так погано двигаюсь, як ты розумиешь. – Задрав широченный рукав рубахи, поверх которой зимой и летом носил стертую от старости цигейковую безрукавку, Захар Петрович продемонстрировал пятизарядный обрез. – Шмальнуть да враз застелиться на траву ишо сумею, не сомневайся. Ну, так як там твоя востроглазая поживае? – напомнил он.

– Нормально, наверное, я не спрашивал. Только не моя она! – воскликнул юноша, невольно окрасив последние слова нотками тоски. Спрятав револьвер обратно за пояс, он показал на котомку за спиной. – Вот, сгущенка раненым...

Обмениваясь короткими фразами, словно перекидываясь картами, Захар Петрович не забывал поводить глазами по сторонам: не привел ли молодец хвост за собой.

– А я гляжу: идешь, мурлычешь себе под нос. Ну, думаю, ранила девка парнишку в самое беззащитное место, в сердце.

– Еще чего. Не то время. Война идет.

– И што? – Кучерявившиеся брови деда Захара приподнялись. – Война, хм! Эка невидаль. Война – дело проходящее, а любовь вечна. Так и в Библии сказано. Правда, зараз и не вспомню, у каком месте, но то и неважно.

– Не знаю, не читал.

– Ну, давай, откройся по дружбе! Так, мол, и так,

Захар Петрович, влюбился, дескать, и вся недолга. Дай людям порадоваться чужому счастью!

– Да не влюбился я!

– Ну и дурак! Мал, значит, ишо. А может, не доверяешь? – Сделав вид, что удручен, старик опустил глаза. – Что ж, бывает. Я-то к тебе со всей своей откровенностью, а ты вона как ко мне? Не доверяешь.

«Что за день сегодня? Второй раз за час дураком называют!» – нахмурился Сверчок, но заметив, как старик неумело изображал обидчивость, невольно засмеялся:

– Ладно, есть немного! Только давай сменим тему.

– Што, взаправду влюбился? Вот славно! – обрадовался старик, успев подумать про себя: «Будет о чем с мужиками погутарить, а то скучно как-то живем! Все хоронимся от немца да его же и бьем. А тут – лю-бо-вь! Понимать надо».

– Только ей наш Федор Иваныч нравится, – обронил Сверчок. – Говорит: в городе о нем легенды складывают.

– Легенды? Легенды – это хорошо! Значит, правильно бьем фашистов. А про то, что командир наш нравится... так это в ней женская сущность заговорила. Бабы героев любят. Вот моя жинка, к примеру...

Сверчок оборвал его:

– Не герой я, чего уж?! Ладно, что в отряде?

– В отряде все нормально. Тишь да гладь, как утречком на Кубани-реке. Я тебе про другое скажу, а ты послухай. – Они торопливо шли по старой проселочной дороге, тянущейся вдоль чащи, спеша как можно дальше уйти от города. – Любовь

для нас, мужиков, ежели подумать, хуже всякой хвори будет...

Юноше слушать старика не хотелось, но делать было нечего. Дорога в отряд им предстояла долгая.

– Пристанет, ничем не отдерешь. Лидка хоть и годочками мала пока, да есть в ней женские чары. Трохи подождать – и распустится жар-птица. Туточки твоя погибель окончательно и настанет, верно говорю. – Дед Захар вдруг неожиданно остановился, погрозил кулаком: – Тока смотри у меня, Николай! Ежели шуры-муры какие надумал, вмиг нагайкою отстегая! Я скотства не потерплю!

– Какие еще шуры-муры? – отмахнулся юноша.
– Сказано же: командир ей нравится.

Сорвав с его спины ношу, Захар Петрович достал из кармана небольшой перочинный ножик и ловко вскрыл им днище старого, в многочисленных заплатках вещмешка. Вынув на свет небольшой листочек вощенной бумаги с процарапанным текстом, тотчас сунул его в карман штанов.

– Так-то лучше будет, – заметил он и, словно не останавливаясь, продолжил: – По правде сказать, ваши бульбашки – девки справные, не спорю. Только с нашими казачками ни в какое сравнение не идут. Нет, не идут. Помню, шагаешь по станице, а навстречу красавишна! Ка-ак поведет бровью, да ка-ак колыхнет тяжелой грудью, что ты! Враз душа из тела выскакивает. Я так полагаю, что породистости наших казачек степь была помощницей. В ваших лесах да болотах таких сдобных фигур не встретишь.

Коле льстило, что старик разговаривал с ним на взрослые темы. Только что ему до кубанских

казачек? Он их и в глаза не видел, знать не знает, как выглядят. Завел тут разговоры про их черные брови да «убивающий наповал» взгляд, понимаешь. Для него краше девушки, чем русоволосая Лида, нет.

Сегодня она была особенно хороша в своем стареньком ситцевом платице с туго стянутыми в толстую косу волосами. Коля больше не сердился на девушку за строптивый характер. Оправдывал: «С нами, мужиками, иначе нельзя». Корил себя за грубый тон. Чувствовал, как где-то в глубине души, к зарождающемуся волнительному чувству влюбленности присоседилась липкая, как болотная грязь, ревность. «Героев им подавай! Вот женщины!..»

Заметив, что Сверчок не слушает его, старик прервал набежавшие воспоминания о старой, давно забытой холостяцкой жизни, в которой было полно самогона, случайных женщин и кровавых драк. Годы своей молодости Захар Петрович называл в шутку «кое-как пробежавшими на скаку».

Окинув в последний раз цепким взглядом проселочную дорогу, старик потянул юношу в чашу...

При очередной встрече, вскоре случившейся, Коля решил не показывать Лиде, что увлечен ею. Даже взял за афоризм слова деда Захара: «Мужчине следует быть твердым, как лесной орех, а не киснуть простоквашей при виде юбки». Впрочем, это не удержало его от капитуляции, стоило лишь девушке разок улыбнуться.

Он пытался ухаживать. Неловко, несмело, по-юношески трогательно. То вытянет из кармана

увядший тощий букетик скромных полевых цветов, собранных по пути в лесу. То мятую открытку подарит из прошлой, довоенной жизни, подобранную на заброшенном хуторке, где иногда приходилось отсиживаться перед тем, как пробраться в город.

Поначалу девушка не принимала ухаживаний, отмахивалась: «Вот еще придумал! Баловство это». Коля не отступал. Упорства ему было не занимать. В какой-то момент Лида сдалась, стала брать подарки, смущенно опуская глаза: «Придумал же, будто я барышня какая...»

Теперь всякий раз, когда прощались, строго наставляла, словно старшая сестра, отправляя несмышленного братца в школу:

– Смотри, по дороге ни с кем не задирайся! Ходи сторонкою, чтобы на немцев не напороться. Любите вы, мальчишки, отважничать, героев из себя строить.

Коля усмехался в нерастущие усы, ворчал для порядка:

– Хм, мальчишку нашла!..

Он-то давно себя взрослым считал. Тому и подтверждение имел на руках – боевое оружие, доверенное старшими товарищами. Недорослю кто бы дал?! Радовало Колю, что Лида ни разу больше не упоминала имя их командира.

Гулко цокая металлическими набойками по каменному полу, двое полицаев вели Николая по узкому длинному коридору. С каждым шагом волнение все больше охватывало его. Он не сомневался, что будет бить, но не знал, сможет ли высто-

ять, выдержать физическую боль. Кроме перелома руки в раннем детстве, другой боли никогда не испытывал. За все время участия в боевых действиях даже легко ранен не был.

Его втокнули в большое прокуренное помещение, где так же, как и в камере, не было окна. Воздух поступал из коридора через открытую настежь дверь и небольшую вентиляционную решетку в стене под потолком. У дальней от входа стены, за старым конторским столом, покрытым истрепанным зеленым сукном, сидели светловолосый молодой офицер в форме капитана полевой полиции и мужчина лет шестидесяти, одетый в гражданское платье. За спиной капитана у самой стены стоял плотного телосложения унтер-офицер.

– Меня зовут Томас Рюитель, – представился мужчина в гражданском, поправляя на носу очки с круглыми стеклами. – Я буду вашим переводчиком. Сейчас капитан Хойер будет задавать вам вопросы. Советую отвечать на них честно.

Арестованному предложили сесть на табурет, наглухо привинченный к полу в двух метрах от стола. Офицер с любопытством разглядывал щуплого паренька, принимая его за подростка.

Рюитель коснулся носовым платком вспотевшего лица. Николай обратил внимание на его акцент. Подобный был у одного эстонца, приезжавшего к ним в село до войны по каким-то надобностям. Придав лицу озабоченный вид, юноша ответил:

– Да, конечно! Я готов отвечать.

Хойер расплылся в улыбке:

– На гут! Ошен карашо!

За время пребывания на Восточном фронте, капитан успел немного изучить язык противника. Он решил прибегнуть к своей излюбленной манере ведения допроса. Играя роль доброго самаритянина, начал с посула, обещая «карошему киндеру Николаусу», заблудшему и обманутому «ужасней марксист унд коммунист Сталин», всяческие блага, ожидающие его, если расскажет, где находится их партизанский отряд, руководимый Чепраковым.

Услышав фамилию командира, Сверчок насторожился. Сам он ее не называл. Откуда же немцы могли знать, с какого он отряда?

Не дождавшись ответа, переводчик напомнил:
– Советую отвечать на вопросы!

Коля решил представиться простачком, не зря же участвовал в школьной самодеятельности.

– Если вы про партизан спрашиваете, господин главный офицер, – раскрыл он рот в улыбке, – так про то всем известно: в лесу они прячутся! Только я к ним никакого отношения не имею, – развел он руками. – И фамилию, какую вы назвали, прежде никогда не слышал. Как его там, Чапарков, Чепурков? Нет, не знаю такого.

Глаза капитана сузились.

– Как же ты оказался у мельницы? – перевел очередной вопрос Рюитель.

– Случайно.

Офицер обратил его внимание на стол, на котором лежали ППШ и наган, найденные при нем во время задержания.

– А, это! – Коля старался казаться спокойным. – Это я в лесу нашел, когда по ягоды ходил, – ответил он, стараясь быть как можно убедительнее. –

Могу и место показать. Есть у меня знатные места, поделюсь.

– А домой зачем нёс? Хотел в германских солдат стрелять?

– Что вы, боже упаси! Так закон же есть такой, господин главный офицер! Я знаю, я читал! Кто оружие найдет – обязан сдать его властям. За это и вознаграждение полагается. Разве нет? Вот я и подумал: отнесу в город, в комендатуру. Мне денег дадут. Да только патруль сам на меня вышел. Денег-то дадите? – расплылся юноша в улыбке. – По вашему закону полагается! – напомнил он.

– Денег хочешь заработать?

– Было бы неплохо. Я тут штаны решил себе новые купить. На рынке видел. Старые-то прохудились.

– Любишь деньги?

– Кто же их не уважает?! Деньги – это сила! С ними че хошь можно купить.

– А ты по какому адресу проживаешь?

Только сейчас Сверчок понял, какую допустил ошибку, затеяв игру с опытным противником. В этом городе он даже родственников не имел. Впрочем, будь они у него, вряд ли стал подвергать смертельной опасности.

Заметив замешательство на лице юного партизана, капитан Хойер осклабился, откинувшись на спинку кресла.

– Отпираться бесполезно, – заметил Рюитель, отложив в сторону шляпу, которую теребил своими тонкими, как у музыканта, пальцами. – Нам известно, кто ты и как зовут твоего командира. Итак, где находится ваш отряд? Где Федор Чепраков?

Сверчку стало окончательно ясно: их кто-то

предал. Отпираться дальше, действительно, не было смысла. Оставалось только тянуть как можно дольше время.

– В лесу, где же ему еще быть, – опустил он плечи.

Из коридора донеслись шаги, и в помещение тяжелой поступью вошли два человека. Один из них остался стоять у входа. Второй прошел за спину Хойера и встал рядом с унтер-офицером. В табачном дыму Сверчок не сразу разглядел в нем того самого человека, который два года назад допрашивал его мать. Сердце юноши сжалось: «Матюшин!» Как же долго он искал с ним встречи. Но не о такой мечтал.

По знаку капитана унтер-офицер убрал со стола оружие и разложил полевую карту. Арестованному велели подойти ближе.

– Где в лесу? Сможешь показать место?

«Кароший югенд Николаус» отрицательно замотал головой:

– Нет, не смогу. Не обучен картам. Да и смысла в этом нет никакого. Партизаны – что ветер! Поди, узнай, где они нынче скрываются.

Зная манеру Хойера долго изображать из себя доброго дядюшку, Матюшин не стал ожидать, когда закончится этот спектакль. В последних боях с партизанами его взвод сильно поредел и вицефельдфебель жаждал мщения.

– Герр капитан, дозвоьте мне самому поговорить с этим недоноском! – подступил он. – Дозвольте! Мне эта большевистская сволочь все расскажет.

В душе Кондрат посмеивался над слизняками из полевой жандармерии, не способными грамотно

вести допрос. Другое дело – сотрудники гестапо. Он несколько раз сталкивался с работой дознавателей из политической полиции рейха, когда доставлял к ним в Гродно особо важных арестантов. Гестаповские офицеры действовали ничуть не хуже большевистских следователей. Бывший директор рынка еще помнил, какими методами те выбивали из него показания, прежде чем упечь за решетку.

Взглянув на циферблат подаренных супругой в день их свадьбы наручных часов, капитан нерешительно махнул рукой.

– Я, Матюшин, битте! – Выйдя из-за стола, офицер бросил осуждающий взгляд на юного партизана и покачал головой: – Ду ист нихт гуд киндер! Мм... Ты ест никароший малщик! Тепер каспадин Матюшин будет тебя сперва пабит, патом расстреляйт!..

Дождавшись, когда оба немца и переводчик покинули помещение, Кондрат снял китель, аккуратно повесил его на спинку кресла и велел стоявшему у входа второму полицаяу прикрыть дверь. Оглянувшись, Сверчок узнал Власенко. Это он помогал Матюшину допрашивать два года назад его мать. Тогда им обоим посчастливилось избежать наказания.

Подвернув рукава рубашки, Кондрат приблизился. Встретив звериный взгляд полицая, юноша невольно вжался в табурет. Матюшин бить не стал. Велев – к немалому удивлению Сверчка – открыть рот, он сначала для чего-то заглянул в него и только после этого спросил с нескрываемым раздражением:

– Так что, расскажешь, где твой отряд?

– Я уже говорил офицеру, что не знаю, где

сейчас может он нахо...

Не дослушав, полицейай громко хекнул и резко опустил тяжелый кулак на голову юноши. Кладнув зубами, тот обмяк и повалился на пол. Последовавший удар ногой отбросил его к стене.

Страшно было только первые минуты. Позже, когда тело почти перестало реагировать болью на удары, куда-то исчез и страх. Всякий раз, когда Коля падал с табурета, крепкие руки Власенко подхватывали его и водружали обратно. Задышавшись, юноша хватал наполненным кровью ртом воздух, отчего начинал мучительно кашлять. В висках громко застучали молотки. Уже теряя сознание, Сверчок вспомнил родной дом, где тепло и уютно, и никто там не причинит ему боль...

11

Кондрат ошибался, полагая, что руководитель районной полиции слизняк. Клаус Хойер хорошо знал свое дело. Но если в начале военной карьеры, слепо следуя инструкциям, был всего лишь дисциплинированным исполнителем спускаемых сверху директив, то в последнее время стал по-другому воспринимать свою роль на этой чертовой войне. Этому способствовала складывавшаяся не лучшим образом для Германии обстановка на фронтах. Армии Вермахта стремительно отступали. Стало приходить понимание, что рано или поздно война будет проиграна. Масло в огонь подливали и письма из дома, в которых супруга сообщала, что жить стало тяжелее. Германия еще сохраняла силы, а немецкий народ надежду на перелом, но упорство, с каким русские продвигались к границам Европы, не оставляло шансов на

лучший исход. Многие в их офицерской среде рассчитывали хотя бы на почетную капитуляцию.

Клауса больше не прельщали идеи вождя нации о Тысячелетнем рейхе. Идеологи национал-социализма ошибались, утверждая, что нищий и оболваненный большевиками советский народ с радостью сдастся просвещенной Германии. Капитан видел обратное – русские дрались ожесточенно, и все чаще задумывался над тем, как остаться в живых в этой мясорубке. Уволиться с военной службы в условиях войны он не мог. Лучшим выходом было бы попытаться перевестись в Германию, ближе к своей любимой Адалинде. Впрочем, это могло ее сильно разочаровать.

Выросшая в небогатой семье, его «благородная змея» не терпела бедности. Провожая на войну, женщина мечтала увидеть супруга преуспевающим в чинах и финансово обеспеченным. Очень уж ей хотелось стать видной фрау.

Не меньшего ожидал от сына и старший Хойер. Владелец небольшой фермы, Зигфрид поначалу не помышлял о военной карьере для своих сыновей, полагая, что растит себе смену. Приход к власти лидера национал-социалистической рабочей партии Адольфа Гитлера внес радикальные поправки в жизнь их семьи. Поддавшись пропаганде о новой арийской эре для германского народа, Зигфрид, как и многие их знакомые, посчитал, что армия в данный момент – это именно то место, которое способно проложить обоим его сыновьям широкую дорогу в будущее. Старший Хойер стал готовить отпрысков к военной службе.

Пройдя проверку на благонадежность по линии гестапо, Клаус сдал экзамен по физической подго-

товке и попал в молодежную организацию «Юнгфольд». Затем юный поклонник фюрера окончил курсы «Гитлерюгенда», после чего поступил в военное училище. Обучение было многоэтапное. Каждые шесть месяцев будущих офицеров отправляли в боевые части, где они на себе должны были испытать все тяготы солдатской жизни, а заодно набраться командирского опыта. Так что, к моменту получения лейтенантских погон Клаус уже успел надышаться порохом. И не где-нибудь в тире, а на переднем крае. На восточный фронт он попал, прослужив некоторое время в тихой и спокойной Европе, почти без сопротивления легкой под немецкий сапог.

За время службы Клаус сумел подняться по служебной лестнице до звания капитана. Его карьера росла, обещая дальнейший взлет. Но к лету сорок четвертого года он решил, что с него хватит. Фронтовые вши достаточно испили его арийской крови. Пусть теперь другие воюют, кто поглупее. А он лучше продолжит хоть и небольшое семейное дело, но останется в живых, чем в погоне за жирным куском получит девять граммов русского свинца и бесплатно несколько кубометров чужой земли.

Кроме перевода в Германию, задумывался Клаус и о другом сценарии, навеянном недавними разговорами со знакомыми офицерами из штаба округа. Многие опасались, что в случае поражения им не останется места в будущей Германии, где их непременно осудят как военных преступников. Один из армейских товарищей шепнул Клаусу на ухо, что уже сейчас необходимо озаботиться о новых документах. «С другим именем ты всегда

сможешь скрыться, например, в Латинской Америке, – посоветовал он. – Говорят, там можно арендовать или прикупить участок земли и построить домик...»

Клаус решил внять совету. В конце концов, какая разница, где выращивать бычков? «Главное, чтобы рядом была моя ненаглядная Адалинда» – мечтал он.

Но пока что служба продолжалась и капитан был обязан выполнять функции начальника районной полиции.

Донесения о диверсиях партизан Хойер получал регулярно. Иногда по горячим следам им удавалось настигнуть ту или иную группу. За время службы на белорусской земле его подразделение, совместно с частями СС, уничтожило не один десяток отрядов. Несколько раз выходили и на группу Чепракова, но ликвидировать ее все никак не удавалось. Осуществив очередную диверсию, партизаны, словно лесные духи, тут же исчезали в неизвестном направлении. Не помогла в борьбе с ними и авиация, несколько раз поднятая в воздух с местного аэродрома. Сброшенные бомбы падали на ложные базы, устроенные на болотах.

До определенного времени партизанами занималось гестапо. Однако в последние месяцы политическая полиция отдала часть полномочий полевой жандармерии, разрешив самостоятельно проводить расследования их деятельности. Клаус верил: удача не может постоянно сопутствовать неприятелю. Однажды ему должно повезти. И фортуна не подвела, улыбнулась самым неожиданным образом.

Несколькими днями раньше охраной железно-

дорожного узла был задержан человек, пытавшийся пронести взрывчатку в мастерские, где ремонтировались локомотивы и разбитые вагоны. Установить его имя не составило труда, а стоило лишь припугнуть расстрелом, и к своему немалому удивлению, уже во время первого же допроса задержанный сознался, что является активистом хорошо замаскированного местного подполья. Для капитана Хойера это был поистине кайзеровский подарок, ведь о существовании в городе законспирированной организации советских борцов никто не догадывался. Следующим сюрпризом оказались полученные сведения о связях подпольщиков с партизанами, и в частности, с Чепраковым. Хойер воспрянул духом, полагая, что у него наконец-то появился реальный шанс добраться до неуловимого командира. Он не сомневался – это принесет ему заслуженные награды и, что более важно, даст шанс перевестись в Берлин. А уж там он и документы сделает и много чего другого сможет.

Однако Хойер был расстроен, когда узнал, что новый информатор понятия не имеет, где базируется отряд Чепракова. Немного успокоился, когда подпольщик рассказал о готовящейся очередной встрече их руководства с партизанами.

– Хорошо бы свести самих руководителей, – потребовал Клаус.

– За Чепракова не ручаюсь, – честно признался задержанный. – Нам диктовать условия партизанам не приходится. А вот Скобцева, думаю, сумею убедить, – пообещал он, уверяя, что имеет некоторое влияние на своего руководителя.

Чтобы не вызвать подозрений в долгом отсут-

ствии, подпольщика отпустили, предупредив, что отныне за его близкими будет установлено круглосуточное наблюдение.

– Это на случай, если решите сбежать из города, – предупредил капитан.

Новому агенту Шпале – такое оперативное прозвище было ему дано – разрешили пронести и установить в мастерских взрывчатку. Правда, перед этим взрывотехники из особого отдела поработали с ней, так что большой опасности она уже не представляла. Легкий взрыв не причинил бы особого вреда.

Шпала заранее известил Хойера о месте встречи Скобцева с партизанами. Капитан не надеялся на присутствие на ней самого Чепракова, поэтому решил проследить обратный путь партизанских связных до их лагеря. Для этой цели Клаус даже вызвал опытных солдат из полковой разведки. Однако все пошло не так, как было запланировано. Заметив слежку, подпольщики открыли огонь. В ответ полицейские также применили оружие, нарушив приказ в случае неудачи брать всех живыми.

Захватить удалось лишь одного. Арестованного незаметно показали Шпале, и тот признал в нем бойца Чепракова по прозвищу Сверчок, которого видел пару раз с их подпольщицей, работавшей в немецкой столовой.

Хойер был удручен. Срывалось все, о чем мечтал. Красный командир по-прежнему скрывался в лесу, наверняка готовя очередную диверсию. Руководитель подполья убит. Опасаясь, что, узнав о гибели Скобцева, подпольщики разбегутся, капитан отдал приказ задержать всех, чьи адреса

были известны Шпале. Кутру камеры в следственном изоляторе были заполнены. Несколько человек немцы задерживать не стали. Это было сделано с целью не засветить информатора.

Допрос подпольщиков ничего не дал. Вадим Скобцев умело оберегал своих товарищей от излишней информации. Никто из них не знал, где базируются партизаны.

Хойер не собирался отступать. Еще оставалась надежда сломить сопротивление попавшего в плен юного партизана, чья стойкость удивляла и в некоторой степени восхищала его. Вызвав в кабинет Матюшина, капитан приказал:

– Времени у нас мало. Делайте что хотите, но расколите этого безумца. Если будет упорствовать – повесьте на его глазах кого-нибудь из людей Скобцева. Для устрашения! Нам они все равно больше не нужны. Если и после этого будет молчать – повесим и его.

Хойеру подпольщики без руководителя, действительно, были не нужны. Доказать их причастность к сопротивлению он не смог бы даже с помощью Шпалы. В штабе могли решить, что капитан, желая выдвинуться в звании или получить награду, решил выдать обычных граждан за борцов с новой властью. Такое однажды уже случилось в одном из соседних районов. Клаус помнил, чем закончилось то дело для участников подлога. Офицеров разжаловали до рядовых и отправили на передовую в штрафные батальоны, где вскоре все они погибли. Рисковать капитан не хотел.¹

¹ Продолжение следует.

Судьбою посланная вестъ

В мире шумном, заполошном
Глупо думкой богатеть.
Выпить, что ли, на дорожку
И махнуть, не глядя, в степь?

К звёздам, тлеющим в бурьяне,
Как миров незнакомых дань,
К тем ложбинам, где буянит,
Атаманит глухомань.

Там, за Манычем-Гудилой,
За Калаусом-рекой
Не она ль со мной водила
Камыши на водопой?

Не она ль меня Олегом
Прежде мамы нарекла,
Чтоб к хазарам, печенегам
Кровь моя не утекла?

На миру претерпевая
Искаженье бытия,
Свет земной родного края
Где бы ни был, вижу я.

Раньше думал: Север ближе,
Сердцу дорог Енисей,
А теперь полынь увижу –
Не могу расстаться с ней

**ОЛЕГ
ИГНАТЬЕВ**

Поэзия

Вместе с Манычем-Гудилой
И Калаусом-рекой,
Где она в село входила
Просто, как к себе домой,

Лунной стёжкой, женским взглядом,
Соловьями на реке,
Что свистали близко, рядом,
В неумолчном ивняке.

За городом, то с горки, то на горку,
Катила степью летняя страда,
И, завершая хлебную уборку,
Про отдых забывала, как всегда.

Комбайны шли к загонке от загонки
И грейдер не спешил забыться сном,
Когда зерном гружённые трёхтонки
Пылили с драгоценным багажом.

Дорога их вела на ток сначала,
Затем на элеватор и назад.
Работало село и уставало
Не только ради денег и наград.

Страна мечтала стать страной богатых,
Здоровых, сильных - телом и душой.
Чтоб все её рассветы и закаты
Залогом стали радости людской.

Сверчки и неужённые цикады,
Играя – каждый на своей струне! –
В полях, лугах, в укромных палисадах
Слагали гимны сельской стороне.

Я слушал их земные оркестровки
И всматривался в даль до забытья,
Хотя уборка шла без остановки,
Без передышки, как и жизнь моя.

И жаворонок им задорно вторил,
Являя миру певческий запал
В зените лета, в солнечном просторе,
Где я с дружкой солону скирдовал.

Поэт

В его стихах - пионы и шмели,
И сад осенний с лиственным пожаром.
Он говорил, как сущий от земли,
Мешая дым табачный с Божьим даром.

И правду с ложью путал, что скрывать?
Своей рубашкой душу укрывая,
Он верил в жизнь, как верят в благодать,
С рождения до гибельного края.

Молился на неё, и на себя
Смотрел с усмешкой, чувствуя усталость,
Когда листва в начале сентября
Его любовью к миру загоралась.

Извечно затираемый толпой,
То горестно-угрюмою, то пылкой,
Казалось, шёл дорогой столбовой,
А вышло, что стоял перед развилкой.
Качнёшься влево – дома, как в гостях,
Пошаришь справа – нет руки по локоть.
Подруги тоже нет! Он холостяк,
Ненужный людям, как сорочья склока.

Уж, коль решил пропасть, так пропадай
Для власти, что дурачить подрядилась,
Вот и будил его собачий лай,
Чтоб грешная душа опохмелилась.

Его приветил май, и пожалел,
И за руку увёл в обитель света,
Оставив лист бумаги на столе
Для будущего, видимо, поэта.

Завихлял июнь под горку
Отскочившим колесом,
Вместе с пылью на задворках
И занозистым репъём.

Вместе с выводком хохлатки,
Пирамидой кизяков.
Степь всегда жила в достатке
Пусть не хлеба, так сверчков.
Да и мы живём не хуже,
После драки – забытё.
С воробьями в сельской луже
Сердце плещется моё.

У девчонок губы пахнут
Мёдом липовым, хмельным.
Летний день свою рубаху
Изорвал на ленты им.
Оттого, знать, под гармошку
Обступая мой закут,
Мальвы тянутся к окошку,
На мысочки привстают

Рядом с пыльным палисадом
И калиткой в палисад,
Где любовь дразнила взглядом
Тыщу лет тому назад.

Благословен Кавказ от первых дней,
Благословен во славу Божьей воли,
Которую здесь чувствуешь верней,
Как чувствуешь укол сердечной боли.

Здесь век за веком бурно протекал
И Крест Христов явился миру в силе,
Его горизонталь и вертикаль
Духовный мир с земным соединили.

Святая Нина сродников своих
Крестила виноградною лозою,
Чтоб вера православная для них
Сияла, как свеча пред аналоем.

Благая весть текла, как с гор вода,
И ею утолила жажду света
Алания, а после Кабарда,
Чтоб вечное царило в душах лето.

Благословен Кавказ от первых ран,
Омытых кровью Нового Завета.
Его народы в братстве христиан
Противились ученью Магомета.
Но орды шли, жестокость возлюбя,
Безумие и злобу утверждая,
Иное подминая под себя,
Будь это даже Истина святая.

Не успевали кости истлевать
В земле отцов по взгорьям и низинам,
Как вновь чума войны стелила гать
И смерть несла аланам и грузинам.

Слаб человек, живущий на земле,
Когда её он любит больше Бога,
Забыв в самодовольстве и тепле,
Куда ведёт дорога от порога.

И, словно указуя путь ему,
Стоят кресты на горных перевалах,

И солнца луч пронизывает тьму,
Чтоб лишний раз душа не горевала.

Благословен Кавказ в надежду нам,
Сияющий, вершинный, многоглавый,
Что весь он станет как соборный храм,
Увенчанный одной Христовой славой!

Как цветок на алом шёлке,
Что видать издалека,
Принесла заря в кошёлке
Золотого петуха.

А душа была намереди
В стороне родных могил,
Где с утра просёлок летний
Травы пылью притрусил.

Я прошёл лесною чащей
И увидел за версту:
Всё земное преходяще,
Оставляет пустоту.

Путь ко Господу не гладок,
Тяжело душе моей,
Уязвимой для нападок,
Отбиваться от страстей.

За родных прошу, любимых,
За себя, за всех молю:
Защитите, серафимы,
Землю русскую мою.
Этой ей на алом шёлке,
Светозарна и тиха,
Принесла заря в кошёлке
Золотого петуха.

Машина у крыльца притормозила,
Бибикнула, и захотелось вдруг
Рвануть на юг, причём с такою силой,
Как будто кто смыкает жизни круг.
Рвануть на юг! Туда, где луговиной
Бежит полынь на зов солончака
И колетса репейная щетина,
Как августа небритая щека.
Там солнце по округе расплескалось,
Кипит на черепице и листве,
И даже память окропило малость,
Которая с душой моей в родстве.
Там раньше дождь на балалайке тренькал,
Гуськом водил по лужам детвору,

А лето, становясь на четвереньки,
Возило их на собственном горбу
И ни копейки не брало за это!
Да и зачем копейка в пору ту,
Когда ребячий смех звенит монетой,
Упавшей на железную плиту?
Вот где судьбы моей исток и корни,
И первые страницы книги той,
Что ангел жизни пишет в мире горнем,
Учитывая всё до запятой.

Всю жизнь люблю дыхание лета
И ту земную благодать,
Когда от солнечного света
Степную даль не оторвать.

Когда с перепелиным боем
Встаёт за лесополосой
Трава июньского настоя
С её сверкающей росой.

Идут прокосы полукругом,
Цветут ромашки вдоль села,
Где мы с тобой бродили лугом,
А ты венок себе плела.

Моя душа рыдать не хочет,
Она отплакала своё,
И по утрам соседский кочет
День выкликает для неё.

И что ему до преисподней,
Когда он сам из этих мест
И так даёт дрозда сегодня,
Что глохнут пажити окрест.

И пусть бежит за мной вдогонку
Судьбою посланная весть,
Люблю родимую сторонку!
Ведь хочешь, нет, а только здесь,

Забыв про жимолость и пижму,
Упорно глядя в глубину,
Луна в пруду стоит недвижно
И ловит звёзды на блесну.

Я всегда любил дорогу
В летних травах поутру
И при ней, как у порога
Сельской кузницы, ветлу.

Раньше всех она, бывало,
Поднимала над землёй
Солнца красный оковалок
В окантовке золотой.

Стадо шло – встречала стадо,
Грозы шли – внимала им.
В жизни было всё, как надо,
Близким, чудным, дорогим,

Радостью зеленоглазой
Перелесиц и садов...
Не забыть вот так вот, сразу,
Громкий бой перепелов.

Разноцветные туманы,
Балки, ерики, ручьи...
Плясовая речь баяна
До сих пор во мне звучит.

Может, где и дал я маху,
Но зато в степи родной
По сей день закаты пахнут
Богородичной травой.

Крымский приказ (отрывок из романа)

Они вышли из здания аэропорта. Теперь нужно было искать такси. И такое быстро нашлось. Ну, не то чтобы совсем такси. Потрёпанная «пятерка» с водителем бравого вида, который согласился довезти до Евпатории за смешные деньги.

И так ломанулся по разбитому шоссе, что даже Евгению стало страшновато.

– Да ничего, – сказала водила.
– Я – бывший танкист!

– Но ведь твой «жигуль» не танк, – резонно заметил Миرون.

– Да? – удивился экс-танкист.
– А мне кажется, похоже.

И еще придавил «на газ». Как они никуда не влетели – одному богу известно. Но до Евпатории доехали. И даже нашли нужный санаторий. Довольно приличный, сохранившийся с советских времен. И номер, который им отвели, был выдержан в европейских традициях.

Наташка тут же начала бегать и оформлять процедуры, а Евгений, заявив, что ему это все по барабану, завалился на

**ИГОРЬ
БЕРЕГ**

Проза

кровать и вознамерился заснуть. Не вышло. Наступило время обеда.

Кормили не то чтобы обильно, но сытно. За столиком оказалась пара – мать и сын аж с Камчатки. Приехали на какой-то фестиваль.

Евгению с налета подарили заламинированную карту Камчатки с изображением медведя и надписью «Здесь начинается Россия». Миронов умилился.

Он вообще был как-то благостно настроен. Все вокруг зеленеет и цветет, невдалеке шумит море, люди ходят неспешно и ни у кого не наблюдается того безумного отблеска в глазах, который присущ жителям крупных городов. Причем спокойны не только курортники, но и местные жители. Это он отметил, когда они с Наташкой отправились в экскурсию по городу, с целью, так сказать, ознакомления. Не сидеть же весь отпуск в санатории!

Бегали трамвайчики, легкий ветерок носил пыль по улицам. Но в целом город был чистенький, уютный и мирный. Это в противовес воплям «либералов» о том, что в Крыму разруха, люди голодают и рвутся обратно в объятия Украины.

Если приглядеться повнимательнее, то можно было заметить, что Украина и впрямь ничего для Крыма не делала. У многих домов обшарпанные фасады, битый асфальт, выщербленная тротуарная плитка.

Но, кажется, жителей города это нисколько не угнетало. Ни одного хмурого, озабоченного лица Евгений не увидел. Люди как люди, занимаются своими делами, и улыбаются вполне себе добродушно.

Набережную украшали какие-то каменные разноцветные шары – в стиле Сальвадора Дали.

Кому это в голову пришло их сюда прикатить? Евгений сел на лавочку между шарами, закурил и подставил лицо солнечным лучам. Настроение и впрямь было благостным.

Благости добавила появившаяся супруга, сообщившая, что, кроме всяческих лечебных процедур, им предстоят еще и разнообразные экскурсии, в том числе в Севастополь и Феодосию.

– Морские? – лениво поинтересовался Миронов.

– Ну, а как же? Не по здешним же дорогам трястись?

– Это хорошо, – глубокомысленно заявил Евгений. – Морские прогулки – это полезно.

Жена с подозрением глянула на него. Прожив с Мироновым много лет, она привыкла к тому, что такой вот тон предвещал что-нибудь необычное, а порой и экстремальное.

– Только смотри у меня – никаких приключений, перестрелок и погонь! А то знаю я тебя – куда ни приедем, везде ты какое-нибудь веселье найдешь.

И добавила негромко:

– На свою голову.

Это она верно, в общем-то, сказала. Но не в данном случае. В этой поездке Миронов был настроен вести совершенно курортную жизнь: валяться на пляже, плескаться в волнах, поедать шашлыки, запивая их легким сухим вином, покупать магнитики на холодильник, любоваться видами природы. Да, вот еще хобби у него появилось – тарелки! Не те, из которых едят, а те, которые вешают на стену. Декоративные. Из всех мест, где они вдвоем побывали, он обязательно привозил тарелку с местным пейзажем и укреплял ее на кухонных стенках. Сожалел лишь о том, что во времена молодости, когда его носила служба по

всему свету, не было у него возможности приобретать подобные сувениры. Иной раз было не то чтобы до сувениров, а лишь бы шкуру свою спасти, да ноги унести... Сильно бы его коллекция пополнилась.

Ну, да что об этом жалеть? Дела давно минувших дней.

– Чем займемся? – спросил он у жены.

– Процедуры начнутся только завтра. А сегодня спокойно можем скататься в Севастополь. Я узнавала – экскурсия через полчаса.

– Ну, поехали, – сказал Евгений, поднимаясь с лавочки.

И они поехали. Вернее, поплыли. В морских судах, что в маломерных, что в крупнотоннажных, Миронов не разбирался абсолютно. Но катерок, на котором им предстояло добраться до города-героя, ему понравился. Аккуратный, чистенький с «гордым» именем «Виола». «Финский плавленный сыр так назывался» – вспомнилось Евгению. И сам удивился такой ассоциации. При чем здесь сыр? Может, это девичье имя такое

Катерок набился полностью. В основном, мамыши с детьми. Дети вопили от восторга и норовили свеситься за борт, потрогать бегущую мимо волну. Мамаши крепко держали их за рубашки.

Вообще-то, детей Миронов любил. Но в определенном количестве и определенный отрезок времени. Сейчас же он начинал чувствовать, что этот плавающий детский сад начинает его потихоньку раздражать. Внуков им с Наташкой Кирилл не подарил, даже еще не женился, полностью отдаваясь службе. Поэтому никаких дедовских чувств в душе у старого воина не имелось.

К счастью, катер шел ходко и вскоре завидне-

лись серые громадины военных крейсеров (или эсминцев?) и одинокий столб памятника погибшим кораблям. Они были у цели.

Сошли на пирс. Набережная была заполнена гуляющей разноцветной толпой. Как будто Севастополь существовал не как военно-морская база, а функционировал в качестве обычного крымского курорта. Шорты, рубашки и платья самых фантастических раскрасок. И ни одной бескозырки или фуражки!

Впрочем, нет, бескозырки были, но на лотках многочисленных торговцев сувенирами. Вот здесь присутствовало все, чего душа туриста пожелает.

Миронов уже нацелился прикупить понравившуюся тарелку, но Наташка потащила его прочь: «На обратном пути возьмешь!» Он повиновался. Действительно, чего руки занимать, когда еще столько увидеть надо? Успеется...

И тут произошло то, что по всегдашней логике событий должно было произойти. Проходя мимо очередного лотка, ухо его уловило знакомый басок:

– А я тебе говорю, хватит эту дребедень рассматривать! Мало тебе в Германии сувениров!

На что второй, такой же знакомый голос ответил:

– Как ты не понимаешь? Это же Севастополь!

Не веря своим ушам Миронов медленно повернулся, уже не обращая внимания на тянущую его за руку жену, и уставился на две спины: одна пошире, другая поуже. Потом откашлялся (горло внезапно пересохло) и неуверенно спросил:

– Портос? Боря?

Ну, разумеется, это были они!

– Командир! – завопил Толик Монастырев, он же Портос, и кинулся обниматься. Борис Оруджев

отодвинулся, чтобы не попасть под мощный порыв Портоса, и только широко улыбался.

Сзади послышался стон Наташки:

– Я так и знала!

Ее можно было понять. Каждый раз, когда случайно или нарочно старые боевые товарищи встречались, происходило что-то из ряда вон выходящее. Они воевали, уничтожали врагов, добывали какие-то сокровища, в общем, начиналась нормальная мужская работа. Куда от нее денешься?

К досаде Наташки, об экскурсии было забыто напрочь. Тут же разыскали более-менее приличное кафе со свободным столиком, заказали крымского (а какого еще-то?) вина (Толик по-прежнему спиртного не употреблял, взял минералки), легких закусок и принялись делиться новостями.

Ну, после испанских приключений у Миронова новостей особенных и не было. Так, мелочи.

– А вот как вы тут оказались, барбосы? – с неподдельным интересом спросил он. Действительно, живут себе люди в Германии, можно сказать, превратились в добропорядочных бургеров и – нате! Срываются с места и едут аж в Крым! Даже где-то подозрительно.

– Да это акция протеста! – начал объяснять Оруджев.

– В каком смысле?

– Ну, у нас там сплошная вонь в прессе и по телевидению насчет Крыма. Оккупация, дескать, ущемление прав коренного населения и прочая брехня. Дошло до того, что на полном серьезе в ихнем бундестаге выдвигают предложения штрафовать тех, кто осмелится поехать в Крым. Хоть на отдых, хоть с деловым визитом.

– А еще, – вмешался Толик, – здесь на каждом углу военные патрули стоят и бдительно следят, чтобы никто протестовать не вздумал или «жовто-блакытным» флагом размахивать не стал. Тут же хватают и в кутузку. Ну, а дальше известно – Сибирь, лесоповал, урановые рудники.

– И армии тут, – продолжил Борис, – не протолкнешься! Весь полуостров нашпиговали ракетами. Так что сидели мы с Портосом как-то в бирштубе, разговаривали и вдруг решили – а поехали! Пусть нас после этого попробуют оштрафовать! Мы им такое судилище устроим – прятаться будут!

– Да заодно и на родине побываем. Сколько лет уже Россию не видели, – пригорюнился Толик.

Наташка, несмотря на свою разъяренность от поломки планов, с участием посмотрела на них. Жалко стало парней, ведь она их хорошо знала.

– Ну и как впечатление? – спросил Миронов без ехидной нотки в голосе.

– Да ты что, командир! – возмутился Борис. – Мы и так знали, что все брехня! Чего нам убеждать-ся? Живут люди мирно и хорошо живут. Не так богато, как в Германии, конечно. Но это все вопрос времени. А в том же Дойчланде разве жизнь? Манная кашка и пиво по вечерам. Правда, пиво хорошее.

– Если все там так тоскливо, чего не возвращаетесь?

Оруджев пожал плечами.

– Да привыкли уже как-то. Возраст не тот, чтобы что-то кардинально менять. У Толика, вон, сын родился.

– Да ну? – поразился Евгений. – Поздравляю! А жена кто?

– Окрутила меня наша бывшая хозяйка, –

засмутился Монастырев. – Ты ее должен помнить.

– А как же! Достойная женщина.

– Главное – не пилит, принимает меня таким, какой есть. Я для нее – русский медведь! – с некоторой гордостью сказал Портос.

– Оккупант! – поддел его Оруджев.

– Ну и это немного, – согласился Толик.

– Весело вы живете, ребята, – похвалил Миронов. – А тебя, Боря, еще не окольцевали?

– Нет, я пока птица вольная. Но подкаты уже есть. Глядя на товарища, могу и не устоять, – рассмеялся он.

– Ну, плодитесь и размножайтесь! Во славу русского оружия! – благословил Евгений друзей, поднимая бокал.

Все выпили, поддерживая. Вино было действительно превосходным. За одно это стоило присоединять Крым к России.

– Кстати, об оружии, – посерьезнел Борис. – Нам тут уже кое-что предлагали.

– А вот с этого места поподробнее, – заинтересовался Миронов. Наташка ощутимо напряглась. Знала она, чем подобные разговоры кончаются. Но Миронов решил не обращать на ее реакцию внимания. По опыту прежних лет можно было быть уверенным – на какую-нибудь ерунду его боевые товарищи внимания не обратили бы.

– Мы тут уже несколько дней, – начал Оруджев. – И вот некие личности, узнав, что мы из Германии, стали подкатываться к нам с предложениями о поставках оружия. Для начала – стрелкового. А там – как пойдет.

– То есть, они вам или вы им?

– Естественно, мы – им! Причем доставку они берут на себя. Значит, есть каналы.

– И кто же эти личности?

– Как мы поняли – кое-кто из местных татар и украинцев. Похоже, есть у них здесь тайная организация. Более подробно сказать ничего не можем. Мы просто обещали подумать.

– Да откажем, конечно! – прогудел Толик. – Оно нам надо?

– Погоди, погоди, – остановил его Евгений. – Не так быстро. Эти суки, прости Наташ, к чему-то готовятся. Вот им оружие и требуется.

В нем зашевелился авантюрный червячок. Что, в самом деле, за дела? Живут люди мирно, счастливо, а какая-то сволочь хочет это все порушить? Крымские татары еще во время войны с немцами сотрудничали изо всех сил, за что Сталин их всех и выселил отсюда. Жалко, Никитка вернул. Да еще и Крым «ридным хлопцам» придарил, кукурузник. Вот они сейчас и дерут глотки, что полуостров всегда им принадлежал.

Интересно, куда ФСБ смотрит, если тут какое-то подполье действует и оружие собирается за границей покупать? И почему у немцев, а не у американцев? Те бы с радостью, даже бесплатно дали, лишь бы нам насолить.

В общем, что-то назревает и в этом он просто обязан поучаствовать! Сейчас идея лениво валяться на солнышке и поглощать шашлычки под винцо уже не казалась ему такой привлекательной. Застоялся, старый конь, а теперь встрепенулся, словно при звуках боевой трубы.

Наташку жалко. Ей так хотелось именно понежиться на пляже, попринимать разные процедуры (здесь, говорят, грязи хороши), вообще отрешиться от московской суеты и напряженки.

А, впрочем, кто ей мешает? Он будет заниматься

своими делами, а она – своим здоровьем! Пусть, действительно, расслабляется, принимает свои грязевые ванны и что там еще.

Только ведь знает он ее. Станет изводиться и нервничать: как бы с ним чего не случилось!

Да что с ним, старым битым волком может случиться?! Ну, максимум, поцарапает немного. Так в первый раз, что ли? Все, решено, вписываемся в это дело!

Так он ребятам и сказал. Они дружно заржали. Евгений непонимающе уставился на них.

– Что это вы, жеребцы, развеселились?

Сквозь смех Оруджев выдавил:

– Да мы два часа назад говорили между собой: «Вот был бы здесь командир, он бы порядок точно навел и эту сволоту к ногтю прижал!» Как в воду глядели!

– В воду Черного моря! – добавил, давясь от смеха, Монастырев. – Простите, Наталья Даниловна! – обратился он к сидевшей со скорбным лицом Наташке. – Мы, правда, не уводим вашего мужа! И ничего опасного не будет. Поинтригуем немножко, выявим этих террористов, сдадим властям – и все!

– Знаю я ваши интриги, – со вздохом сказала жена. – А потом стрельба, кровь и прочие удовольствия! Что я, с вами первый год знакома?

Но видно было – она уже смирилась с тем, что весь план курортного отдыха полетел к черту.

– Ребята, погуляйте с полчаса, – попросил Миронов. – Мы тут обговорим бытовые подробности.

Мужики (парнями их уже было не назвать – возраст) согласно кивнули, встали и отошли в сторону. Минут пятнадцать он убеждал Наташку в том, что все, что сказала эта «сладкая парочка»,

чистейшей воды правда. Хотя сам, конечно же, был в этом совсем не уверен. Наконец жена вздохнула еще раз и махнула рукой.

– Все равно ведь сделаешь, как захочешь! Чего я буду сопротивляться? Только чтобы моему отдыху не мешать!

Он клятвенно прижал руки к груди:

– Да ни Боже мой!

– Тогда вот тебе совет мудрой женщины. Вы бы сначала выяснили, не занимаются ли уже этими террористами местные службы. А то полезете в чужой огород, вам по рогам и надают!

Миронов хлопнул себя по лбу:

– А ведь верно! Как я раньше не сообразил? Старею, ума лишаюсь. Спасибо тебе, мудрая женщина! Что бы я без тебя делал?

– Да получал бы по рогам постоянно, вот и все, – довольно улыбнулась Наташка.

Он махнул рукой, подзывая мужиков, изложил им идею жены. Они тоже сначала оторопели от осознания очевидного, потом заспорили между собой: кто виноват в таком глупом просчете? И наконец пришли к выводу, что виноваты оба. Приятное единодушие.

– Ладно, – сказал Оруджев, – есть у меня здесь какой-то очень дальний родственник, лет десять не виделись. Так вот он, кажется, с безопасниками как-то связан. Попробую с ним встретиться и осторожно все выведать.

– А не проще будет ему все сообщить и не лезть самим? – подала голос «мудрая женщина».

– Да вы что, Наталья Даниловна! – возмутились «старые кони». – Как можно? А мы на что?

– Ну, поступайте, как знаете, – не стала спорить Наташка. – Играйте в своей песочнице. Ты сегодня

вернешься?

– Это уже мужу вопрос.

– Не знаю, как дело пойдет.

– Тогда я поехала, катер скоро отходит. Экскурсия короткая, обзорная.

Она чмокнула его в щеку и направилась к пирсу, где стояло их прогулочное судно. А они остались сидеть за столиком в глубоком раздумье.

– Ну что, господа-товарищи, – сказал наконец Миронов. – Как действовать будем? Когда вы с этими террористами встречаетесь?

– Сегодня, ближе к вечеру, – сообщил Монастырев. – Собирались им отказать. Но, видишь, как ситуация повернулась.

– Надо время потянуть, хотя бы на день, два. За это время постараемся разобраться в обстановке и решим, что предпринять, потому что просто так такое дело оставлять нельзя ни в коем случае. СОБовцы мы или нет, хоть и бывшие.

– Бывших СОБовцев не бывает, – неожиданно прозвучал чей-то очень знакомый голос у них за спиной.

Все резко обернулись, потому что сидели, в основном, спиной или боком к морю, чтобы вид пестрой гуляющей публики не отвлекал от серьезных размышлений.

– Ленья? – ошарашено произнес Оруджев. – А тебя-то каким ветром сюда занесло?

– Попутным, Боря, попутным! – усмехнулся их старый приятель по группе «Туриста», а ныне какая-то большая шишка в системе безопасности страны Ленья Шишов.

– Ну, теперь только Мишки не хватает, и вся команда будет в сборе, – подал голос наконец пришедший в себя Портос.

– Мишку из его Абхазии теперь и лебедкой не вытащишь, – сказал, подсаживаясь к столу Шишов. – Заматерел, дети, хозяйство, то, да се. В общем, не надейтесь.

– А жаль, – погрустнел Толик. Штефырцу он очень любил.

Между тем Миронов молча прикидывал в уме вероятность такого совпадения. И выходило, что никакое это вовсе не совпадение, а очередная комбинация того же хитроумного Лени Шишова. Интересно, в каком он сейчас звании? Ведь после операции с испанским золотом, кроме ордена, и в должности наверняка повысили. Но вслух ничего не произносил, сидел, щурясь на солнышко, и потягивал вкусное крымское вино.

Шишов – это его многозначительное молчание, конечно же, заметил и обратился к нему:

– Ну, с этими обалдуями все ясно. А у тебя, командир, как дела?

– Можно подумать, ты не знаешь! – фыркнул в бокал Евгений. – Гораздо интереснее – как ты здесь оказался? Отдохнуть и подлечиться приехал?

– Все во благовремение, командир! – успокаивающе поднял ладонь Леня. – Всем все объясню. Но сначала несколько вопросов.

Ну, так он и знал. Ох, неспроста они здесь собрались, совсем неспроста! Ладно, послушаем, что нам расскажут.

А Шишов продолжал:

– Ну, то что вы, два «немца», вдруг решили на родину рвануть, хотя бы и как туристы, тут моей вины нет. Я, когда узнал, здорово обрадовался. Да вы еще и ухитрились в самое змеиное гнездо почти сразу же влезть.

А вот с тобой, командир, посложнее дело. Честно

сознаюсь – поработали мы в этом направлении. Как – не спрашивай, но результат, как видишь, налицо. Ты здесь. И это очень здорово, потому что мы, нашей старой командой (ну, с некоторой посторонней помощью, естественно), таких дел сможем наворотить, что ого-го!

И он потряс в воздухе кулаком. Остальные смотрели на него в некотором обалдении. Несвойственны были Лене такие слова и жесты. Всегда спокойный, раздумчивый, расчетливый, сейчас он был похож на дедушку-ветерана, который, сидя перед телевизором и смотря выпуск новостей, бормочет: «Ух, я бы этим америкашкам!»

– Лень, у тебя как с температурой? – заботливо спросил Монастырев. – Не перегрелся на крымском солнышке?

Шишов замер, полуоткрыв рот, взгляд его на мгновение стал совершенно бессмысленным. Евгений даже испугался – уж не припадок ли какой у товарища случился?

И вдруг все прошло. Глаза вновь стали ясными, взгляд острым. Лень шумно выдохнул, провел по лицу рукой, словно стирая что-то и хрипло рассмеялся.

– Что, испугались? Это, ребятки, у меня такие странные последствия малярии. Подхватил, будь она неладна, в последней командировке. Какой-то новый тип. Вылечить-то вылечили, но пока иногда подобное случается. Врачи говорят, скоро пройдет. Меня даже списывать не стали.

Теперь понятно, подумал Евгений, почему Лень в Крыму теперь действует, а не где-нибудь, как ему положено, за границей. Плохо, конечно, но не смертельно. К тому же, основной противник здесь – Украина. А она ведь теперь за граница?

– В общем, так, – продолжил Шишов, как ни в чем не бывало, – то, что на вас эти хлопцы вышли – просто замечательно. Мы никак к ним подходы найти не могли. Теперь еще командира залегендировать и будет полный ажур. Идеи есть?

– А давай я испанцем буду! – неожиданно даже для себя предложил Евгений. – Русский испанец, уехал давно, живу в Барселоне, торгую оружием и прочей военной ерундой.

– Неплохой ход, – одобрил Шишов. – Под эту историю много лапши можно им навешать.

– Только вот как с документами быть? – озабочился Миронов.

– Пусть вас не волнуют этих глупостей, – процитировал Бабеля Леня. – Не знаешь ты возможностей нашей конторы. Завтра будут тебе документы – пограничники не отличат от настоящих.

Ну, насчет возможностей – это он зря. Во время эпопеи в Ставрополе кто спецоборудование (да какое!) предоставил? Вот то-то.

– Ребята, вы сегодня с этой бандитвой встречаетесь? – спросил Шишов у Толика с Борисом. – Когда?

– Вечером, – хором ответили они.

– Вот и отлично! За вами, конечно, будут присматривать на всякий случай, но незаметно, не пугайтесь. Тяните время и, как бы между прочим, расскажите про приятеля, торговца оружием из Испании. Дескать, большие возможности и даже доставка в нейтральные воды. Постарайтесь выяснить, где они базируются, что конкретно им надо из оружия, сроки поставок. Ну и остальное по мелочи, тут каждый фактик важен, не мне вас учить.

Монастырев с Оруджевым согласно кивали. Вот они и снова в деле, есть конкретные задачи и

никакой самостоятельности. В случае чего, спины им действительно прикроют.

– Все, расходимся, – хлопнул ладонью по столу Шишов. Встреча здесь завтра в это же время. Тебя подвезти? – Миронову.

– Было бы неплохо, – согласился тот. – А то катер ушел и как добираться до Евпатории, я пока не знаю.

– Тогда поехали. Пока, ребята!

В машине Евгений спросил:

– Кир, случайно, не здесь, с тобой?

– Нет! – рассмеялся Леня. – Сын твой теперь в другом отделе, сейчас в Мексике прохлаждается. Растет парень, весь в отца.

– Ну, да «прохлаждается»! Учитывая тамошний климат...

– Ничего, он мужчина крепкий, выдержит. Нам бывало, хуже приходилось!

И Миронов вынужден был согласиться. Мексика еще райская страна по сравнению с какой-нибудь Боливией. Пришлось им как-то по джунглям там побегать, в очередной раз уходя от погони. Страна-то была уже известная, бывали, как же. Но тогда их загнали в совершенно дикий уголок, и до границы, за которой можно было бы скрыться, оставалось километров пятьдесят, а на пути стояли заслоны местных гвардейцев. Жара удушающая, влажная, одежда промокла насквозь, потому что с неба все время моросит мелкий теплый дождик. Земля под ногами раскисла, ноги то и дело проваливаются в эту бурю жижу чуть не по колено. Сумасшедшее количество змей, и очень внимательно смотреть сразу во все стороны, чтобы не свалилась эта гадость сверху, не напала сбоку, не попала под ногами. При этом приходится прору-

баться сквозь заросли, беспрестанно размахивая мачете. Зеленый ад, короче. Как выбрались – одному Богу известно. И мимо солдат ухитрились проскользнуть, и даже добытые сведения принесли. Миронов тогда получил «Красную звезду», а остальные члены группы «ЗБЗ» – медали «За боевые заслуги». Долго после этого ворчали: «Того, кто представление на награждение подписывал – да туда бы!» Но потом как-то все забылось. Случились новые задания, с ними – новые приключения. Главное – потерь в группе не было за все время ее существования. Все были живы и практически здоровы. Разве что Портоса один раз подстрелили при штурме секретной лаборатории в Анголе. Да вот теперь Леня Шишов малярию подхватил какую-то странную...

А служили они тогда в СОБ – Службе общей безопасности, секретной организации, которая выполняла деликатные поручения за пределами СССР. Группа Миронова была ориентирована на Латинскую Америку. Вот там, в основном, и действовали, хотя, как-то раз пришлось и в Африке повоевать. Евгений так тогда и не понял, почему туда, в Анголу, отправили их группу. Единственным объяснением могло быть то, что работать пришлось с кубинцами. А они ведь, как известно, тоже испаноязычные.

Потом Союз развалили, СОБ распустили, и все подались кто куда. Некоторые остались служить в армии, но в дальних гарнизонах, другие, как, к примеру, Миронов, ушли в запас. Евгений занялся бизнесом. Нельзя сказать, что очень уж разбогател, но его небольшая компания прочно держалась на плаву и приносила стабильный доход.

Группа «Туриста» (боевой псевдоним Мироно-

ва) естественно тоже распалась. Но с завидной регулярностью судьба сводила их вновь и вновь, и тогда начинались новые приключения. Пару раз они отметились в Германии, повоевали в Абхазии, нашли спрятанное золото республиканцев в Испании. Государство довольно щедро оплачивало их участие в операциях, правда, не без нажима Евгения.

Вот и сейчас он совсем не удивился, когда Шишов сказал, как бы между прочим:

– Значит так. Тебе и твоим ребятам по пятьдесят штук евро после окончания операции. И не торгуйся, больше не дадим!

Миронов и не собирался торговаться. Более того – в разговоре с ребятами и речи не заходило о каких-то деньгах. Голый патриотизм, просто не хотелось, чтобы эту прекрасную землю, наконец-то опять ставшую российской, погнали какие-то сволочи. Но раз дают, почему не взять? Тем более, что риск вполне может случиться.

Поэтому он только утвердительно наклонил голову. И спросил:

– Так что известно об этих террористах?

– Практически ничего. Знаем, что есть такая подпольная организация, довольно разветвленная из здешних аборигенов. И затевают что-то очень масштабное.

– Я телевизор, как ни странно, смотрю. И показывают, что тут то и дело ловят украинских шпионов А экстремисты из татар им помогают, взрывают вышки электропередач.

– А-а, – махнул Леня рукой. – Все это так, мелочи, непрофессиональная работа. В этот раз готовится нечто масштабное. О серьезности говорит хотя бы то, что уже двое наших людей, пытавшиеся

к ним внедриться, пропали без вести. Никаких следов не осталось!

Евгений поежился. Совсем ему не хотелось «пропасть без вести» на этом цветущем полуострове. Ну, да ничего, где наша не пропадала! «И там пропадала и тут пропадала» добавил он мысленно и развеселился. Действительно, ему ли бояться «крымчаков» и ошалевших от своих майданов украинцев?

– Разберемся! – твердо сказал он. – Со всеми разберемся!

Шишов покосился на него, но ничего не сказал. Знал он, как Миронов и его ребята могут «разбираться». Сам таким был в свое время. Он ведь действительно выполнял с группой все задания, которые ей давали.

Так незаметно и доехали до Евпатории. Машину Леня остановил метров за сто до санатория и категорически отказался подняться в номер, поздороваться с Наташкой, отговорившись тем, что сегодня у него еще много работы. Интересно, откуда он мог узнать, что с некоторых пор жена бывшего командира его недолюбливает?

Это и вправду было так. Евгений подозревал, что из-за того, что после испанской эпопеи и благополучного обнаружения республиканского золота все члены группы получили по орденку, а ей, как человеку сугубо гражданскому, хоть и принявшей непосредственное участие в операции и даже застрелившей одного из стражей, не дали ничего. Евгений тогда в утешение вручил ей свой, который теперь красовался на почетном месте в серванте. А Миронову было совсем не жалко, ему и прежних наград хватало.

Они распрощались, Евгений напомнил насчет

испанского паспорта, Леня заверил, что все будет в порядке. Миронов покурил на лавочке, заглянул в номер, супругу там, естественно, не обнаружил и отправился на поиски. Хотя с большой степенью уверенности мог предположить, где Наташка обретаётся.

Как всегда, оказался прав. Скажите, зачем ехать в Крым, если не валяться на песочке пляжа, подставляя тело лучам уже начавшего клониться к закату солнца? Говорят, вечерний загар самый прилипчивый. Наташке предстояло проверить эту гипотезу на практике.

– Хорошо-то как! – вздохнул Евгений, присаживаясь рядом и стаскивая рубашку. Может, и сам хоть чуть загорит?

Не открывая глаз, Наташка спросила:

– Все порешали?

– На сегодня – все, – осторожно ответил Миронов.

– То есть, – уточнила супруга, – приключения продолжаются?

– Судьба такой, такая фатум, – притворно вздохнул муж.

– Не поеду я больше с тобой никуда!

– Это почему же?

– А куда ни приедем, тут же появляются твои друзья и начинается черт знает что!

– Ты бы предпочла, чтобы я сидел около твоей юбки и делал только то, что угодно тебе? Или чтобы друзья все-таки появлялись, и мы с ними надирались в зюю? А потом выясняли, кто кого уважает!

– Упаси Бог! Только этого мне не хватало!

– Вот тогда и смирись. Ты все-таки жена военного, хоть и бывшего. Знала, за кого выходила.

– Думала, что ты с годами остепенишься, – в голосе Наташки послышались жалобные нотки. – А все хуже и хуже становится!

– Чего же хуже? Мы с тобой где только не побывали! Вон, ты даже Америку посмотрела!

Это было правдой. Как-то Евгений закрытил небольшое дельце с американской фирмой. Вот и пришлось туда слетать. Недолго думая, он и супругу прихватил с собой.

– Ну и не понравилась она мне! Жлобы одни. И негры!

– Афроамериканцы, дорогая, афроамериканцы.

– Как в «Брате» сказано – нас в школе учили, что негры!

Вот такой получился маленький семейный скандалчик. Обычно даже и такого не случалось, но сейчас Наташку можно было понять. Она так надеялась провести тихий безмятежный отпуск на берегу теплого моря, а тут опять... Муж неизвестно где будет шляться, наверняка подвергать себя опасностям, а она должна будет принимать грязевые ванны, ходить на массаж и прочие процедуры. И переживать за него. Пойдет ли при таком раскладе лечение на пользу? Ведь сказано: все болезни от нервов!

Потом подошло время ужина, крайне невкусного, потому что диетического. Миронову остро захотелось мяса, и он предложил прогуляться по вечерней Евпатории. Жена с опаской поинтересовалась, а не встретятся ли опять его бывшие подчиненные, на что муж ответил, что они сейчас тихомирно выпивают в Севастополе.

– Портос ведь не пьет! – сказала внимательная жена.

– Ну, значит, один Боря надирается, а Толик его

охраняет, чтобы не обидели.

– Его обидишь, как же! – фыркнула Наташка. Но в город согласилась идти.

Более того, когда им по пути подвернулась шашлычная, она с аппетитом съела целый шампур сочной жареной баранины. И призналась:

– С такой санаторной кормежкой совсем можно отощать!

Ну, до отощания ей было, конечно, далеко, хотя имела она фигуру стройную, почти девическую, поэтому Евгений только ухмыльнулся на ее слова.

В подвальчике, где они сидели, подавали и спиртные напитки. Миронов, выпив сегодня уже достаточно вина, ничего брать не стал, только бутылку минеральной воды.

А вот компания из четырех человек, сидевшая в углу, в горячительном себе не отказывала. И по мере поглощения горилки их широкие морды становились все краснее и краснее. Что-то оттуда доносилось о «ватниках» и «колорадах». Миронов удивленно поглядывал туда. Надо же и здесь украинцы гулеванят! И укоро́та им никто не даст! Остальные посетители шашлычной делали вид, что ничего не слышат.

Наконец один из компании встал и пошел по залу, направляясь, видимо, в туалет. И тут случилось неожиданное. Он вдруг остановился у столика Мироновых, уставился на Наташку и заплетающимся языком заявил:

– О, какая лялька! А пошли к нам за столик? Посидим, поговорим!

И громко заржал.

Наташка напряглась, а Евгений спокойно, но сквозь зубы сказал:

– Ты куда-то шел? Вот и вали!

Пьяный уставился теперь на него. Был он широкоплеч, харя, как говорится, чуть не трескалась (отъеденная на украинском сале).

– А ты вообще заткнись, москаль! Мы вас скоро на фонарях вешать будем!

Все еще стараясь обойтись без применения силы, Евгений теперь уже громко сказал:

– Тебе сказали – проваливай? Ну?

Мордоворот наконец понял, что ему бросают вызов. Сжав здоровенный кулак, он замахнулся и... больше ничего не успел сделать, с грохотом обрушившись на пол. Увидев такое дело, его товарищи, такие же амбалы, начали неуклюже выбираться из-за столика.

Через две минуты они все присоединились к своему товарищу. Можно было управиться и быстрее, но уж больно долго они готовились к «битве».

Миронов оглядел «поле боя». Особых разрушений не было, только один столик немного покосился. Он аккуратно расплатился с официантом, не забыв про щедрые чаевые.

– А за поврежденную мебель пусть эти обалдуи платят. Это ведь их задницами перекосило.

Те посетители в зале, которые слышали слова Евгения, заплодировали. Раскланиваться он не стал, просто взял Наташку под руку и повел к выходу.

На улице жена сказала огорченно:

– Ну не можешь ты без приключений!

На что он хитро сощурился и сказал тоном мордоворта:

– О, как наша лялька заговорила! Пойдем еще куда-нибудь посидим?

Наташка рассмеялась, потом прижалась к его

плечу:

– А ты у меня еще очень даже ничего!

– Да ну, – заскромничал Миронов. – Понимаешь, возмутило, что он меня на фонаре вешать собрался! Во-первых, неэстетично, а во-вторых – кому это понравится, когда его на фонаре вешают?

– Балабол! – только и сказала супруга.

В общем, вечер удался. Спать они легли сытые и довольные.

Утром, после завтрака, у Наташки до процедур оставалось свободных полчаса, и они решили сходить на море, посмотреть, как там водичка. К сожалению, ничего хорошего они не увидели. Поднялся небольшой, но прохладный ветерок, на пляж набегали волны, невысокие, но с белыми барашками, и вода была довольно прохладной.

Наташка огорчилась:

– Так хотелось сегодня искупаться!

– Ничего, – утешил ее супруг. – У тебя сегодня все равно весь день процедурами забит, некогда будет в волнах плескаться, аки русалка. Потерпи. Тут погода переменчивая, авось, завтра все будет в порядке.

– Да уж, придется потерпеть, – вздохнула Наташка. И отправилась принимать процедуры. Какие именно, Евгений не вникал.

Но вот чем ему занять время до вечера, до встречи с друзьями? Он решил сходить в номер, взять электронную книжку и, пристроившись где-нибудь на бережке, просто почитать.

Не получилось. Как только он вошел в номер, зазвонил телефон. Миронов даже вздрогнул от неожиданности. До сих пор он считал допотопный аппарат с дисковым набором просто предметом интерьера. Ан нет, оказывается, эта массивная

штука работает!

Он вспомнил, что видел такой же на сталинской даче, что расположена у берега озера Рица, усмехнулся, поднял трубку и, подделывая грузинский акцент, сказал:

– Сталин слушает!

На другом конце провода шутку приняли, ответив:

– Товарищ Сталин, это Берия. Необходимо решить кое-какие вопросы с документами.

– Ох, Лаврентий, – продолжая игру, вздохнул Евгений. – Даже на отдыхе от тебя покоя нет! Расстреляю я тебя, наверное.

– Как вам будет угодно, товарищ Сталин! – согласился Шишов и, перейдя на свою обычную манеру, добавил: – Спускайся, я тут кое-что привез.

Миронов отложил книжку и вышел из номера. Леня сидел на лавочке у входа.

– Ты как мой номер узнал? – поинтересовался Евгений.

– Делов то! – фыркнул Шишов. – Дежурная у вас болтливая. Все выложила. Даже доложила, что Наталья – не жена тебе, а любовница!

– Это с какого барабана? – подивился Евгений.

– Уж больно нежные между вами отношения. Супруги так себя не ведут.

– Ничего себе выводы! Ладно, черт с ней, пусть думает, что хочет, лишь бы в замочную скважину не подглядывала. Выкладывай, что у тебя?

– Пошли в машину.

Автомобиль у Шишова был не то, чтобы очень роскошный, обычный «УАЗ-Патриот», но почти новый и для местных разбитых дорог – то, что надо.

– Вот, получи, как и обещал, – сказал Леня, доставая из портфеля и протягивая бордовую

книжечку с испанским гербом и какой-то загогулиной на обложке. Миронов с интересом раскрыл. Имя и фамилию ему оставили прежними, только написаны они были латинскими буквами. Фотографию, видимо, взяли из личного дела, потому что выглядел он немного моложе, чем сейчас. Полистал страницы. Несколько виз в разные страны Европы и Азии, въездная российская. Сам паспорт выдан пять лет назад, а потому выглядит несколько потертым. Все правильно, хозяин носил его по этим странам в кармане, вот и потерялся. Адрес не указан – паспорт заграничный.

– Ну, у вас и скорость! – поразился Евгений.

– А ты думал! – подмигнул Шишов. – Контора солидная, веников не вяжем!

– Тут точно все нормально? – для порядка спросил Миронов.

– Обижаешь! С этим документом ты даже в Испанию можешь въехать. Или в любую другую страну Евросоюза. Надеюсь, не воспользуешься?

– У меня свой есть! – буркнул Евгений. Он понимал, что слова Лени – всего лишь шутка, но стало как-то неприятно на душе

Шишов это почувствовал.

– Ну, не обижайся, прости, неудачно пошутил. Полночи не спал, вот и плохо с чувством юмора. Пойдем куда-нибудь, выпьем?

– А пойдем! – согласился Миронов. И действительно: до вечера еще уйма времени, надо же как-то его убивать?

По дороге он поведал о вчерашнем приключении.

– Наглеют, суки! – прокомментировал Леня. – На фонарях они вешать будут! Точно что-то готовится. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Они там, в Киеве, совсем сдурели! Думают, что вот так придут и запросто вернут себе Крым!

– Да что-то пока не решаются пробовать...

– Так, булавочные уколы, диверсионные группы. Даже агитацию среди местного населения не пытаются проводить. Понимают, что пустая трата времени. «Вот если Америка да Европа скажут свое веское слово, то Россия как миленькая полуостров вернет». Да они западникам на фиг не нужны! Америкосы собирались здесь свои базы поставить, но не успели. Вот и лютуют сейчас, санкциями гадят. А Европа, естественно, делает то, что «старший брат» прикажет. Но все это впустую. Крым никогда уже никуда не вернется. Приплыл к России – точка.

Удивительно, но, несмотря на относительно раннее время, винный погребок они нашли сравнительно быстро. Их вообще в этом городе было в изобилии.

– А говорят: детский курорт, детский курорт!»! – съехидничал Миронов.

– Дети детьми, но и взрослым где-то отдыхать надо, – резонно заметил Шишов.

Они вошли в прохладный каменный подвальчик, заказали кувшин сухого белого вина и расположились в весьма удобных креслах. Жалко, что курить здесь, как и повсюду в России, было нельзя, для этого нужно было выходить на улицу.

– Как там ребята поживают? – вздохнул Евгений.

– В порядке с ними все, – сообщил Ленья. – Встречались они вчера с одним человечком. Разошлись довольные, мне уже доложили.

– Ну, вот и отследили бы этого человечка, взяли и потрясли, как следует – возмутился Миронов.

– Рано, – сожалеюще вздохнул Шишов. – Спугнуть боимся. Операция еще только в самом начале. Нам их гнездо накрыть надо. А за человечком, естественно, «хвост» пустили. Ничего особенного, живет в домике на окраине, мелкий предприниматель, пара ларьков у него. Ничего сверхъестественного. Не за что его пока брать, разговоры об оружии не есть доказательство.

– Бюрократы! – проворчал Евгений и припал к бокалу. Вино, как обычно, было вкусным.

– Паспорт ты получил, а легенду сам придумаешь. Думаю, фантазии тебе не занимать, – сказал Ленья. – Но рекомендую (заметь, только рекомендую) что-то типа эмигранта, который давно уже в Испанию перебрался и вот таким бизнесом занимается. Испания сейчас ни с кем не воюет, а оружия навалом. Вот излишками и приторговывают. То есть, конечно, на государственном уровне. Но ты с этого своих омаров с устрицами имеешь. Этим хлопцам, как я понял, миллионные поставки не нужны, тысячные сгодятся. Да ведь, и ты не такая уж большая шишка в этом деле, не оружейный барон.

– Ладно, ладно! – поднял руку Миронов. – Господин учитель, можно сказать? Или это вы на контакт с террористами собрались выходить? Тогда зачем я нужен?

– И правда! – опомнился Шишов. – Чего это я разболтался? Ученого учить – только портить. Конечно же, сам все придумаешь и сыграешь! Да, вот тебе на всякий случай!

И он откуда-то из-под пиджака достал небольших размеров машинку – «вальтер РРК».

– Обойма, извини, одна.

– А если меня с ним местная полиция повяжет?

– Не бойсь, отмажем! Но лучше, конечно, не попадаться.

– Да понятно...

– До Севастополя удобнее автобусом добираться. Или на попутке. А то если катером – отследить могут. Когда в контакт войдешь, за тобой точно «хвост» повесят. И перебрался бы ты на какую-нибудь частную квартиру – чтобы Наталью не подставлять. Она в этом деле – слабое звено. То есть, конечно, женщина она отважная, но через нее на тебя воздействовать можно. Да ты вообще тут один, приехал экзотикой полюбоваться и клиентов искать. В зонах конфликтов всегда найдется тот, кому оружие требуется.

– А мне могут заявить, что им и российского оружия хватает! Зачем еще какое-то испанское или немецкое?

– Ну, оружия всегда МНОГО не бывает. А потом это там, за перешейком, оружия навалом, а здесь – не разгуляешься. Очень много у местного населения выгребли поначалу. И доставить на полуостров проблематично, таможенники не зря свой хлеб едят. Думаешь, не было попыток привезти? Навалом! Но, насколько я знаю, практически все они провалились. Так что нужда в оружии у них есть. Вот размеры этой нужды пока неизвестны. Озвучат цифры – станет ясен масштаб готовящегося выступления.

– Ох, что-то вы мудрите, – покачал головой Евгений. Ну откуда взяться масштабному выступлению, если подавляющее большинство в свое время проголосовало за присоединение к России?

– Ты забываешь о татарских экстремистах! Они мало того, что с фашистами сотрудничали во время оккупации, так еще и зло затаили, когда их высели-

ли отсюда. Они спят и видят Крым татарским, под крылышком Турции. Не представляешь, что тут творилось в украинские времена! И русских гнобили, и земли захватывали. Да много еще чего!

– Что-то я такое припоминаю, – задумчиво сказал Евгений. – Ладно, хватит меня агитировать за советскую власть! Во сколько встреча?

– Ну, мы с ребятами договаривались часов на пять. Я пока не знаю, как у них переговоры прошли. Они в любом случае должны были о тебе рассказать. Мол, не конкурент, а в какой-то степени компаньон. Давай в четыре в том же кафе. Меня не будет, естественно, а ты пока легенду свою продумай и прикинь, что «покупателям» предложить сможешь. Оружие испанское знаешь? И подбрось что-нибудь об испанской армии, такое всегда производит впечатление.

– Не учи ученого! – буркнул Миронов, поднимаясь. – Разберусь. А сейчас у меня кое-какие дела образовались. Да и Наташку успокоить надо. Очень она расстроится.

– Да ненадолго все это! По-быстрому разберемся с этой шайкой-лейкой, возьмем их – и будешь свободен!

– Уж мне-то не ври! – сказал Евгений, глядя в глаза Шишову. Если бы это была просто, как ты выражаешься, шайка-лейка, то мы бы тебе не понадобились и по пятьдесят штук евриков ты бы не платил. Вот так!

Он повернулся и пошел к выходу, оставив Лене право расплачиваться за вино. Ничего, не обеднеет!

Итак, ему предстояло найти для себя жилье. Тут Шишов был прав – Наташку подставлять было нельзя. И он пошел к автовокзалу. Заодно и расписание рейсов до Севастополя узнает.

Все прошло на удивление легко. У выхода из здания автовокзала крутились несколько бабок с рукописными табличками: «Жилье. Недорого». Он выбрал одну, почище и поаккуратнее прочих, подошел к ней. Договориться удалось сразу. Баба Валя жила одна в аккуратном домике из четырех комнат. Дети разъехались кто куда. Деньгами, конечно, помогали, но ведь их, окаянных, много не бывает? Домик находился, как говорят в рекламных объявлениях, «в шаговой доступности» от моря. На деле это означало полтора – два километра. Но море сейчас Евгению и не нужно было. Дворик был весь увит виноградом. И комната (с отдельным входом) была чистой, правда, скудно меблированной. Цена более чем приемлемая.

Насчет питания он бабу Валю попросил не беспокоиться, сказал, что в Евпатории и других крымских городах у него будет много дел, он сюда не отдыхать приехал, так что найдет, где перекусить. Старушка огорчилась: питание – это дополнительные деньги. Но ненадолго. Постоялец ей понравился: аккуратный, обходительный. В общем, положительный.

Даже испанский паспорт не произвел на нее негативного впечатления. Евгений наплел какую-то душещипательную историю, а поскольку говорил он правильно, безо всякого акцента, то бабуля и приняла всю эту сказку за чистую монету.

Так что, дав задаток за неделю вперед, Миронов отвалил, пообещав вечером вернуться, но уже с чемоданом.

В санаторий он явился как раз к обеду. Наташка уже ждала его в номере. Следующие процедуры у нее назначены были через два часа.

Тут он ей все и вывалил. У супруги на глазах тут

же появились слезы. – Так я и знала! – сказала она. – Ты меня совсем не любишь!

В общем, почти час ушел на то, чтобы доказать обратное. В итоге чуть не опоздали в столовую. Кормили, как всегда, обильно, сытно, но невкусно. Евгений даже в душе порадовался, что покидает санаторий. И пожалел Наташку – ей-то здесь и дальше питаться! Стоской вспомнились рестораны при испанских отелях. Уж там-то выбор был, да еще какой! Ну, ничего, со временем и здесь все образуется. Нет, по-своему, все эти блюда были полезны. Но для детей! А взрослым становилось скучновато.

После обеда Миронов прихватил чемодан, простился с супругой, пообещав звонить каждый день по несколько раз, и отправился на жилье к бабе Вале. Дежурная с длинным языком притворно удивилась:

– Что, уже уезжаете? Не понравилось? А жена остается? Слово «жена» она выделила интонацией. Вот же гадюка!

– На пару дней по делам съездить нужно, – сказал Евгений нейтральным тоном. – А у жены еще масса процедур. Так что она вам еще надоест. Она у меня очень капризная!

И, оставив дежурную сидеть с открытым ртом, пошел к выходу.

Сбросил чемодан в теперь своей комнате, покурил на крылечке и пошел на автовокзал. Подходило время очередного рейса на Севастополь. Собственно, автобус шел и дальше, но в городе-герое была остановка.

До условленного времени он побродил по набережной, присмотрел на будущее пару декоративных тарелок, съел два маленьких шашлычка-

сувлаки и ровно в четыре сидел за тем же столиком, потягивая легкое вино.

Через полчаса появились Боря с Толиком. Он рассказал им о своей встрече с Шишовым, продемонстрировал испанский паспорт. Они, в свою очередь, поведали о вчерашних переговорах. Все вроде бы шло, как надо. В пять должен был появиться представитель местного подполья, которому они накануне много чего вкрутили, в том числе и об Евгении и его «бизнесе». Представитель заинтересовался, попросил свести. Ему было обещано. Миронов вкратце пересказал друзьям придуманную легенду, чтобы они ненароком не прокололись на какой-нибудь мелочи.

И тут он появился. Не сказать, чтобы этот человек очень походил на татарина. Но и «майданщик» из него получался не очень. Так, что-то среднее. Даже семитский нос имелся. Коктейль, одним словом. Говорил по-русски чисто и вполне грамотно. Но пара случайно проскочивших слов ясно показала знающим людям: эта личность сидела. Непонятно, какой срок, но что сидела – это точно.

– Серж, – протянул он руку Евгению, и тому пришлось пожать сухую жилистую ладонь. – Разрешите ваш паспорт? Сами понимаете, в нашем деле очень важна осторожность.

Миронов пожал плечами и достал бордовую книжицу. А сам подумал: «Хрен ты в ней чего разглядишь! Спорить могу, что ты испанского паспорта в жизни не видел!»

Серж очень внимательно пролистал страницы, поднял глаза:

– Но тут не указано, где вы проживаете в Испании?

– Это заграничный паспорт, – сухо сказал

Евгений, в нем такие данные не указываются. А вообще-то я живу в Барселоне. И это не Испания, а Каталония.

– Как же так? – поразился террорист. – А ваши друзья говорили, что вы испанец!

– Ну, во-первых, они мне не друзья, а просто компаньоны по бизнесу. Во-вторых, я не коренной испанец, а лишь наполовину. И в-третьих, Каталония – это провинция Испании, которая уже много лет борется за независимость. Удовлетворены?

– Ах, как интересно! – воскликнул Серж. – А можно поподробнее?

– Извольте, – все так же сухо ответил Миронов, прекрасно понимая, что начался настоящий допрос.

– Отец у меня из тех детей республиканцев, которых во время гражданской войны вывезли в Советский Союз. Там он воспитывался в семье инженера, окончил школу и университет. Когда умер Франко, появилась возможность вернуться на родину. Он и уехал, а потом вызвал нас с матерью. Так и жили. А Каталония, в отличие от басков, добивается отделения от Испании мирным путем: референдумы, акции протеста и прочая чепуха. Никто в это по-настоящему не верит, развлекается так народ. Что-то еще интересуется?

– Скажите что-нибудь на испанском!

Евгений чуть не расхохотался вслух! И сказал:

Bete para pinga!

И что это значит? – спросил заинтересованно Серж.

Вообще-то, значили эти слова: «Пошел ты на...», но Миронов перевел по-другому: «Вы неплохо выглядите!» Серж приосанился, ему понравилось.

– Почему вы занялись таким опасным бизне-

сом?

– Жить ведь на что-то надо? Да и бывшую семью содержать. По нашим законам после развода я обязан не только платить алименты на сына, но и выделять средства жене.

– Вы разведены?

– При моем образе жизни никакая женщина долго не выдержит. Постоянные разъезды, сомнительные личности, что приходят в дом...

– А откуда вы берете свой товар?

– Вообще-то, это тайна, и о ней распространяться не следует. Но, так и быть, вам, как своему потенциальному покупателю, расскажу. Испания является одной из крупнейших европейских стран – членом НАТО. Естественно, ее вооруженные силы также являются одними из крупнейших в регионе. Испания имеет довольно развитый военно-промышленный комплекс, способный производить боевую технику почти всех классов по собственным проектам или по иностранным лицензиям.

Все эти сведения и многие другие Евгений беззастенчиво стырил в Интернете, посидев накануне пару часов за ноутбуком. И вот сейчас пришло время показать свою компетентность.

– Но в связи с общей тенденцией сокращения военного потенциала и с тяжелой экономической ситуацией армия становится меньше, склады завалены оружием. Даже единственный авианосец «Принц Астурийский» стал обузой и его наверняка куда-нибудь продадут. Вам авианосец не нужен?

Вопрос был задан в шутку, чтобы немного разрядить чересчур серьезную атмосферу, но Серж отнесся к вопросу более чем серьезно. Он задумался на минуту, а потом сказал:

– Может быть, в дальнейшем и пригодится этот ваш «Принц».

«Ничего себе запросы у дяденьки!» – подумал Миронов. «Они что, всерьез собрались Крым захватывать? Вот уж фигушки!»

Покупатель продолжал удивлять.

– Скажите, а ядерную бомбу реально достать?

– У Испании нет ядерного оружия! – сказал начинающий совсем обалдевать Миронов. Это какими же средствами они располагают, если бомбу могут купить?!

– Ну, бог с ней, с бомбой! – махнул рукой покупатель. – Понадобится – найдем. А что конкретно вы можете предложить и в каких количествах?

– Количество зависит от заказа. Что конкретно? Весь спектр стрелкового оружия: от гранатометов до пистолетов. Естественно, боеприпасы к ним.

– А конкретнее? Я плохо знаком с испанским оружием.

– О, испанское оружие – одно из лучших в мире! Например, гранатомет «Инсталаца М 65». Великолепная игрушка! Танковую броню, самую совершенную, прошивает навывлет!

В голосе Евгения появились нотки торговца, расхваливающего свой товар перед покупателем.

– Или взять универсальный пулемет СЕТМЕ Амели с коробкой на двести патронов. Автоматическая винтовка СЕТМЕ L с рожковым магазином. Автоматические пистолеты серии «Астра». Они немного похожи на швейцарские модель 75 или Зиг-Зауер Р 220. Но это только внешняя схожесть. На самом деле, испанские надежнее и дешевле. В общем, много чего имеется.

– Интересные предложения. А как с доставкой?

– Морем до нейтральной зоны, а там уже ваша

забота. Или самолетом до Турции. Потом – тоже вам вывозить.

– Осталось только договориться о цене и количестве. Но тут уже другие люди будут решать. У вас есть прайс-лист?

– Да, пожалуйста. – Он протянул визави неприемную флешку, которую получил вчера от Шишова. Флешка была с секретом. Всегда можно было засечь ее местоположение. А поскольку Серж обязательно понесет ее руководству, соответствующая служба отследит местоположение этого руководства.

Миронов не сомневался в том, что человек, пришедший с ним на встречу – всего лишь пешка, которой не жалко пожертвовать в случае провала. А ему нужна головка этой затаившейся змеи.

– Ну что же, господа, – обращаясь сразу ко всем трем собеседникам, двое из которых не проронили за все время ни слова, – надеюсь наша встреча была плодотворной и повторится еще не раз. О времени и месте я сообщу заранее. Позвольте откланяться.

Он коротко наклонил голову и через минуту скрылся в толпе гуляющих по набережной.

Только тогда Портос обрел голос.

– Ишь ты, аристократа из себя корчит! «Позвольте откланяться!» Дерьмо собачье! Если бы не дело – скрутил бы ему башку и весь разговор!

– Ты у нас такой! – улыбнулся Евгений. – Я бы и сам с удовольствием это проделал. Но, сам понимаешь – дело прежде всего. Может, еще представится такая возможность. Вы поняли, что он – «шестерка»?

– Чего уж тут непонятного? – сказал Борис. – Причем сидевшая «шестерка». На подобные встречи таких и посылают. В случае чего – отвер-

тится. Мол, пошутить хотел с иностранными туристами. «Крым не сдается! Мы вернем его Украине!» Авось туристы какую-никакую денежку подбросят «настоящему патриоту».

– Ты тоже заметил, что этот Серж – блатной? – спросил Миронов.

– На лбу крупными буквами написано. Только накрутили его перед встречей, политесу обучили. Раньше он развязнее был. А ты для них – крупная птица, вот и решили, что надо повежливее, деликатнее.

– Так! – припечатал ладонь к столешнице Евгений. – Что дальше-то делать будем?

– А ничего пока делать и не надо, – раздался за их спиной голос Шишова. – Маршрут его по флешке уже отслеживают. Думаю, тянуть он с визитом к своим шефам не станет. До ночи дома посидит и по темному времени отправится. Вряд ли у него компьютер дома имеется. Не того полета птица. Вот и посмотрим, куда он пойдет. А вы на сегодня свободны. Можете развлекаться. Кстати, – это уже лично Миронову, – к супруге ни ногой! Не надо ее подставлять. Это на тот случай, если за тобой слежку установили. Веди себя, как холостой иностранец в практически чужой стране. – И не удержался, съязвил: – Наполовину испанец, дитя республиканца! Но, в принципе, легенда получилась убедительная! Молодцом!

– Служу Отечеству, гражданин начальник! – хмуро ответил Евгений. Очень ему не понравилось такое панибратство. Дружеские разговоры – это одно. Но вот то и как сказал сейчас Ленья, попахивало хамством. Очень он не любил, когда ему хамят.

Ленья и сам понял свой прокол. Прижал ладонь к груди и сказал умоляющим тоном:

– Ну, прости, командир, зарвался! Честное слово, больше не буду!

– То-то же! – буркнул Евгений, отмякая сердцем.

– И вот еще что, ребята, – продолжил, как ни в чем не бывало Шишов. – Получите в собственность. Расписки не требуется, но хорошо было бы их сохранить до конца операции в целости и сохранности.

Он достал из кармана три пластиковых круглых жетона небольшого размера, каждый на цепочке.

– Поняли уже, что это такое? Вот и ладно, а то мало ли что может случиться? Купаться с ними можно, загорать тоже. Каждый жетон помечен первой буквой имени, не перепутаете. С этого момента вы все под контролем. В случае самой серьезной опасности его надо сильно сжать между пальцами и на пульте пойдет сигнал тревоги.

– Как табличка на собачьем ошейнике, – негромко сказал Оруджев, но Леня услышал.

– Фи, Боря, как у тебя только язык повернулся такое сказать? О ваших жизнях заботимся! Ну ладно, мне пора. Извини, командир, сегодня подвезти не смогу – дела.

– Ничего, я уже освоился, сам доберусь.

– Ну, чао!

И Шишов словно растворился в воздухе.

Портос повертел головой, пытаясь разглядеть его след, не нашел и предложил:

– Будем разбирать?

На одной стороне жетона, доставшегося Миرونору, и впрямь была вытеснена маленькая буква «Е». Жетон весил какие-то малые граммы, так что, надев цепочку на шею, он его почти не почувствовал. Через какое-то время совсем перестанет

ощущать. А что, правильный ход. Куда бы они ни попали, оператор будет знать, где находятся подопечные, и поднимет тревогу, если поступит сигнал.

– Чем займемся? – спросил он у товарищей.

– Черт его знает! – беспечно отозвался Оруджев. – Вода после вчерашнего волнения еще не прогрелась, холодно вато купаться. На экскурсиях мы везде уже были. Довольно жуткое зрелище, но патриотическое. Здесь ведь каждый сантиметр кровью пропитан. Еще с Первой крымской войны, когда с англами дрались.

– А поехали в «Ласточкино гнездо»! – неожиданно предложил Толик. Там, говорят, ресторан нехилый.

– Дорого, наверное, – усомнился Борис.

Тут им Миронов и выдал насчет пятидесяти штук евро наградных после окончания операции.

Настроение поднялось, хотя Монастырев заметил:

– Мы, вообще-то, за идею впрягались!

Но тут же нашел выход:

– Если за идею еще и платят, то почему бы не взять? Ну что, поехали?

Они поймали какого-то «левака» и тронулись в путь. Услышав, куда они собрались, водитель посмотрел на них странно. В его взгляде читались интерес и скепсис. Только вот откуда этот скепсис?

Все стало ясно, когда их веселой компании с ходу дали от ворот поворот, объяснив, что «здесь только по записи!»

И ничего не помогло. Ни то, что они, по сути, иностранцы, ни попытка «сунуть на лапу» швейцару. Разочарованная троица отошла в сторону.

– Вот же собака водила! – выругался Толик. – Наверняка ведь знал, как тут дела обстоят! И ни

слова не сказал!

– Кому же захочется богатых клиентов терять? – резонно возразил Борис. – Ты ему вон, какие щедрые чаевые отвалил!

– Я и говорю – собака!

Миронов осмотрелся по сторонам. Вниз, к берегу, вела длинная лестница. А в конце ее находилось... кафе!

– Не бойсь, орлы, трезвыми не останемся! – провозгласил он. – За мной! – и указал на лестницу.

Они запрыгали вниз по ступенькам.

– А вот как мы будем назад карабкаться? – философски заметил Боря.

– Что-нибудь придумаем, – с оптимизмом в голосе ответил Портос.

Кафе под навесом на открытом воздухе, да еще почти у самой воды имело достойное меню и приличную винную карту. Монастыреву, как обычно, досталась минеральная вода с каким-то татарским названием. Кстати, он давным-давно перестал рефлексировать по поводу своей невозможности употреблять спиртные напитки, но с удовольствием наблюдал, как это делают другие. Евгений же с Борисом себя не ограничивали, словно решив перепробовать все крымские вина.

– Хорошо, – сказал Оруджев, что в горбачевские времена не все виноградники здесь вырубить успели!

Помянули недобрым словом «минерального секретаря». А потом нашли для разговоров темы повеселее и поинтереснее. Тем более, что к вину полагались свежие шашлыки и разнообразные салаты.

Народа в кафе было немного, изредка подплы-

вали экскурсионные катера, туристы, опрокинув по бокалу вина, фотографировались на фоне «Ласточкина гнезда» и ехали дальше.

«Вот и транспорт нам будет, чтобы по лестнице не карабкаться!» – подумал Евгений. И обратил внимание на компанию, сидевшую в углу веранды.

Как это было ни смешно, но наблюдалась та самая четверка, с которой Миронов уже один раз столкнулся в евпаторийской шашлычной. И опять они шумели и были, что называется «в дребадан». Из угла слышался даже призыв: «Москаляку на голяку!».

Потом, как и в прошлый раз, один из них встал и отправился в туалет. Синие кабинки стояли неподалеку. Проходя мимо столика друзей-соратников, он вдруг резко тормознул и впился взглядом в лицо Евгения.

– Десь я тебе бачив, хлопец! («Где-то я тебя видел, парень!»)

Потом присмотрелся повнимательнее и воскликнул:

– Ну, постривай! («Ну, погоди!»)

Видимо, не так уж пьян был в прошлый раз, больше куражился, раз узнал.

А мордоворот, повернувшись к своим, заорал:

– Хлопці! Тут наш ворог-москаль! («Парни, тут наш враг-москаль!»)

За дальним столиком началось движение.

– Ребятки, – сказал Миронов, – сейчас будет межэтническое столкновение!

Портос с недоверием глянул на подступавших и потирающих кулаки украинцев.

– Это с ними, что ли, сталкиваться? Командир, можно я сам разберусь? Только вы не вмешивайтесь, размяться хочется!

Помня о результатах прошлого поединка, Евгений молча кивнул. Ох, и не завидовал он этим «хлопцам». Вроде на вид – кровь с молоком, а удар не держат. А как бьет Толик, он хорошо знал.

Все получилось по тому же сценарию. Только Монастырев рекорд Миронова побил – уложил всех четверых за полторы минуты, Евгений специально засек по часам. Оруджев, откинувшись в кресле с бокалом вина, откровенно наслаждался картиной «спора славян».

Портос, даже не вспотевший, вернулся за столик. Противники его лежали недвижно, но были живы.

– Таким вот образом, – прокомментировал происшедшее Борис. – Ты их не поубивал насмерть?

– Нет, очухаются через какое-то время. Но болеть кое-что у них долго будет.

Тут к столику подлетел официант с подносом, на котором стояло три бокала вина.

– За счет заведения!

И добавил, понизив голос:

– Спасибо вам! А то это было здесь всем так надоело! Нажираются, орут, даже иногда мебель крушат. А сказать что-то против них никто не решается. Уж больно здоровые.

– Можно вас попросить об одном одолжении? – Миронову кое-что пришло в голову.

– Все, что угодно!

– Тут экскурсионные катера останавливаются. А на обратном пути, в Севастополь?

– Бывает, но редко.

– Так вот нам бы хотелось на такой катер попасть. А то карабкаться по этой лестнице...

– Никаких проблем! Я просто посигналю, первый же катер и подойдет!

– Огромное вам спасибо!

Все случилось, как и обещал официант. Когда вдали появился катер, он поморгал в море каким-то фонариком, и судно послушно повернуло к берегу. Отдав капитану несколько купюр, друзья с удобствами расположились в креслах и подставили лица свежему морскому ветерку.

Толик вдруг рассмеялся.

– Ты чего? – обернулся к нему Борис.

– Да эти «незалежники» скоро как нас завидят, сами будут в море прыгать. Как пираты в «Астериксе и Обеликсе». Те только корабль галлов увидят, так сразу свой крушить начинали.

– Нет, – не согласился Миронов. – Эти упертые, так и будут по мордасам получать. Национальная идея у них такая.

Почти стемнело, когда они прибыли в Севастополь. Распрощавшись, Евгений отправился на автовокзал и успел на последний автобус, проходивший через Евпаторию.

Баба Валя, взглянув на состояние своего «квартиросъемщика», только пробормотала вполголо-са: «А говорили, иностранцы совсем не пьют!»

На что, расслышав ее бормотание, Евгений преувеличено вежливым тоном возразил:

– Но я ведь только наполовину испанец!

– Это как? – поразилась старушка.

– Как-нибудь расскажу. А сейчас спать, спать!

И прошел в свою комнату. Ему даже хватило сил разобрать постель и раздеться.

Удивительно, но наутро голова не болела, несмотря на солидное количество выпитого накануне. Миронов и раньше замечал этот феномен: выпивка на море проходила обычно без последствий. Не то что, к примеру, в Москве. Что было тому

причиной: свежий воздух или расположение на уровне моря, а не выше его, ему было неизвестно. Но радовало.

Сегодня они решили встретиться пораньше, ближе к обеду. Направляясь на автовокзал, Миронов усмехнулся про себя: «Уже как на работу хожу!»

Парни ждали его все в том же кафе. Они успели позавтракать, поэтому Евгений заказал яичницу с помидорами и кофе и с аппетитом стал уплетать свой завтрак.

– Что, и не похмелишься? – с хитрой улыбкой спросил Оруджев.

Евгений с удивлением посмотрел на него.

– Не испытываю никакой нужды. А тебе что, хочется?

– Ты знаешь – нет! И это удивительно! Вина здесь такие хорошие что ли?

– Тут много факторов, – авторитетно заявил Миронов. – Но все же чересчур налегать на спиртное не стоит!

– А мы и не налегаем! Отвыкли уже за годы в Германии. Там, в основном, пиво хлещут. Тем более, Портос вообще не пьет, если ты не забыл.

– Кстати, насчет Германии. А расскажите-ка бывшему командиру, как там ваша жизнь протекает?

Оказалось – ничего особенного. Поначалу действительно перебивались с сосисок на пиво. А потом, после известных приключений, немного разбогатели. Очень помогла эпопея с ангольскими алмазами. Добавила средств история с испанским золотом. Короче, ведут они жизнь добропорядочных рантье, живут на проценты со своих капиталов. И очень скучают по прежним временам.

Хотели перебраться в Аргентину, но потом эта задумка увяла как бы сама собой. Монастырев женился на своей немке, очень ей доволен.

В последнее время стало похуже. Слишком много наехало эмигрантов из Африки и Ближнего Востока.

– Ведут они себя совершенно по-хамски! – возмущенно говорил Борис. – Еще хуже, чем наши абреки! Те хоть деньги добывают или по лесам воюют. А эти получают пособие от государства (и не хилое, заметь!) и в ус не дуют! Зачем им работать, когда денежка капает, К немкам пристают, а то и вовсе насилуют, на хозяев страны плюют и сами себя уже хозяевами начинают чувствовать.

– И что немцы? Они же всегда были воинственной нацией!

– Сдулись немцы, только утираются, когда им в рожу плюют. Толерантность, мать ее ети! Геев, то есть, гомосеков развелось немеряно. Одни эти гей-парады чего стоят! А дашь такому в рыло – все, ты уже гомофоб и неприятности тебе обеспечены. Дошло до того, что родители уже не папа и мама, а «родитель №1» и «родитель №2». В школах не мальчики и девочки, а что-то среднее. Дескать, подрастет – определится, какого он пола будет! И если родители против этого – их штрафуют. Министр обороны у них баба! Ну какой из бабы вояка?

– Иной раз задумываемся, а не свалили мы дурака, не уехав в Аргентину? – добавил Монастырев. – Только там, наверное, то же самое, но с национальным колоритом.

Они грустно посмеялись над подобной перспективой. Целая планета гомосеков! А размножаются исключительно с помощью пробирок. Представля-

ете: беременные мужики?!

– Но, в общем, все не так уж плохо, – подытожил рассказ Толик. – Вот еще Борьку женить и нормально! Но сопротивляется, подлец, хотя и кандидатуры есть подходящие.

– Вот еще! – возмутился Оруджев. – Учительницы да врачихи! Не хочу, чтобы мне дома лекции читали или хлоркой пахло! И детей в их школы отдавать не желаю! Пусть уж лучше неучами остаются!

– Так переезжайте обратно, в Россию, – просто-душно предложил Миронов, вскинув руку. – Здесь, если говорить откровенно, школы тоже еще те, но хоть пол детишкам выбирать не предлагают. Купите по домику где-нибудь в сельской местности и будете старости дожидаться в мире и согласии с природой и соседями.

Друзья отвели глаза.

– Да понимаешь, командир, – промямлил Портос, – привыкли уже как-то, тяжелые стали на подъем. – И жена моя не поймет. Она ведь до сих пор считает, что у нас здесь водку из самоваров пьют, и медведи по улицам свободно разгуливают. Знаешь, какое там одурачивание народа идет!

– И даже несмотря на это засилье эмигрантов, они все равно лучше нас живут! – с яростью сказал Оруджев. – Как первый раз Германию увидел, так не устаю поражаться. Мы ведь их победили, войну выиграли, хотя американцы да французы утверждают, что это они победили, а мы так, свечку держали. И все равно они лучше, богаче нас живут!

Евгений подумал о том, что в России американцев называют в просторечье или «америкосы», или «пиндосы». Накладывает страна пребывания потихоньку свой отпечаток.

– Хватит вам, – строго сказал он. – Начинаются вопросы риторические и философские. А мы к этому сейчас не расположены. Нам надо думать конкретными категориями и о сегодняшнем дне. На связь с вами не выходили?

– Пока нет, – ответил Оруджев. И тут же в его кармане затарахтел телефон. Звонок и впрямь был странный, очень похожий на квохтанье курицы. Оригинальничает Боря. Хотя сейчас каких только рингтонов не ставят. От «Вы позвонили в приемную кремлевской администрации», до «Товарищ генерал! Докладываю! Вам звонок!»

Оруджев немного послушал трубку, потом сказал: – «Договорились» и выключил мобильник.

– Нас ждут через час наверху Потемкинской лестницы

– Знаете, где это? – спросил Миронов.

– А то! Мы здесь все успели облазить и осмотреть. Интересно ведь.

Они еще немного посидели – время позволяло, а потом отправились к месту встречи.

Лестница была живописной. И очень похожей на одесскую с таким же названием, которая снята в «Броненосце Потемкине». Там еще коляска катится, подпрыгивая на ступеньках.

Размерами местная была, конечно, поменьше и упиралась не в порт. Да еще фуникулер отсутствовал. А так – впечатляла.

Посмотрев вниз, Портос тут же заявил:

– Если придется только спускаться – еще ничего, но если потом заставят подниматься – категорически против! Все засмеялись, и тут рядом с ними затормозила машина, обычная «Тойота – Камри». Из окна высунулся вчерашний связной:

– Садитесь быстрее, нас уже ждут!

Кое-как они втроем разместились на заднем сидении. В машине, на пассажирском месте, сидел еще один человек. Смуглый, с курчавыми волосами и в темных очках. Большого пока разглядеть не удавалось. Тем более, что за всю дорогу он не произнес ни слова.

Ехали минут сорок, все время петляя по улочкам, как будто водитель старался, чтобы они не запомнили путь. Кстати сказать, старания его были напрасны. Топографическим идиотизмом из троих друзей не страдал никто. Вот если бы заставили напялить на головы черные мешки, как это часто показывают в кино, тогда да, можно было бы и не запомнить путь, особенно не зная города.

«Но еще не вечер, – усмехнулся про себя Мионов. – Будут тебе и мешки, и страшные подземелья. Люди ведь к серьезному делу готовятся, как же без конспирации?»

Наконец подъехали к какой-то заброшенной пристани, уже за пределами города. У пирса слегка покачивался на волне довольно большой катер, сразу видно – морской, а не какая-нибудь речная плоскодонка. На корме белой краской было выведено название «Нимфа». Очень оригинально.

Но присмотревшись, можно было понять, что надпись свежая. Отсюда вывод – катер назывался иначе, это только в связи с их прибытием и в целях маскировки получил другое имя. А в действительности был каким-нибудь «Летящим» или «Зовущим».

– Проходите, господа, – Серж сделал приглашающий жест.

Они переглянулись и независимой походкой отправились к месту швартовки переименованного судна. Там их встречали. Матрос (а может,

капитан) сдержанно поприветствовал и предложил пройти в каюту. На борт поднялся также Серж. Незвестный в очках остался на берегу, в машине.

Катер негромко заурчал двигателями и плавно отвалил от пирса.

Каюта была небольшой, но уютной. Два дивана у противоположных стенок, посередине овальный столик. Иллюминаторы, света от которых вполне хватало, чтобы разглядеть двух человек, развалившихся друг против друга. На столе в специальных подставках стаканы и графин с чем-то ржавого оттенка, скорее всего – виски.

Добрый день, господа, – сказал один из сидевших, когда они появились в дверях. Серж остался на палубе.

Голос этого человека был глубоким, бархатным, как у актера, играющего роли помещиков в постановках провинциального театра.

– Что-нибудь выпьете? – повел он рукой над столиком. Выбор был невелик – то самое, что плескалось в графине. Но Миронов пить с этими людьми не собирался – мало ли какой гадости могут плеснуть, поэтому, взяв на себя руководящую роль, отрицательно покачал головой.

– Благодарим, но нет. Насколько мы понимаем, нас сюда пригласили не для морской прогулки с выпивкой.

«Актер» негромко рассмеялся.

– Вы верно понимаете. Оставим это на потом. Переводчик вам не нужен? Вы, кажется, все свободно владеете русским?

– В полной мере, – сдержанно ответил Евгений.

– Тогда давайте приступим. Николай, вы свободны!

Второй из сидевших послушно встал, склонил

голову и вышел, прикрыв за собой дверь. Видимо, это и был переводчик, от услуг которого они отказались. Черт, надо было с самого начала прикинуться настоящим испанцем, ни черта не понимающим по-русски! Может, что-то интересное и узнал бы сверх положенного. Ну, да что теперь в пустой след...

– Итак, – «Актер» положил крепкие ладони на столик. – Мы ознакомились с вашими предложениями, и они нас заинтересовали. Я просмотрел справочники. Да, действительно, такое оружие существует. Вопрос в том, насколько оно доступно вам? И в каких количествах?

Миронов вздохнул – пошел нормальный торг. А в этом он зуб проел, все-таки собственная фирма существует (и неплохо существует) уже много лет. Торговаться он умеет.

– Кх-м, - откашлялся он. – Простите, как прикажете к вам обращаться?

– Называйте меня, ну, скажем, Витязем. – А ваше имя?

– Евгений. Или если на испанский манер Эухенио. Я так больше привык. – В душе он чуть ли не хохотал в голос. Это надо же – Витязь! Да он точно из провинциальных актеров!

Лицо же его сохраняло совершенно нейтральное выражение. Дескать, нам по барабану, хоть Витязь, хоть Печенег, хоть Авдотья.

– Так вот господин... Витязь. Я серьезный бизнесмен, как и мои германские компаньоны (жест в сторону Толика и Бориса). И если мы что-то обещаем, а, тем более подписываем контракт, то мы выполняем условия точно и в срок. Или вы думаете, что это у нас такие национальные развлечения: наобещать золотые горы и, хохоча, исчезнуть в

безвестности? Так вы думаете?

Тон Миронова стал несколько угрожающим. Мол, не надо с нами играть, дядя, вываливай, все, как есть!

«Витязь» намек понял, поднял ладони, словно защищаясь.

– Что вы, господа! У меня и в мыслях такого не было! Просто хотелось узнать, насколько серьезны ваши намерения!

– Они очень серьезные! С деньгами у нас шутить не принято. Тем более, в нашей сфере бизнеса. Хорошо, я все-таки вам отвечу. Все, что есть в прайс-листе, имеется в наличии и практически в неограниченном количестве. Хватит на небольшую войну (позволил он себе немного пошутить, хотя это могло быть и не шуткой). Что еще вызывает ваше смущение?

«Витязь» не стал долго крутить, ляпнул прямо:

– Цена! Она несколько великовата.

– Великовата? – сделал большие глаза Евгений. – Скажите прямо – неприемлема! Тогда что мы здесь делаем? Уверяю вас, покупатели на такое оружие и в таких количествах найдутся быстро. Например, в Африке. И доставка товара туда обойдется покупателям и нам гораздо дешевле.

– Хорошо, – немного сдулся «Витязь». – Вот насчет доставки... Как вы ее планируете?

Миронов пожал плечами.

– Морским путем до нейтральных вод в Черном море. Дальше – ваша забота. С пограничниками России нам не хотелось бы встречаться.

– Крым – не Россия! – вскинулся «Витязь». – Это только временно оккупированная территория. И мы собираемся вернуть эту территорию по принадлежности – Великой Украине!

Кто бы сомневался. Иначе, зачем вам оружие, да много? А вы, батенька, фанатик! Ну, так не грех за свой фанатизм и заплатить, как следует. Дырку ты у меня получишь, а не скидки!

Вслух же сказал:

– Нам совершенно не интересны ваши внутренние разборки. Как хотите, так и считайте. Наше дело – продать товар. А как он дальше будет использоваться – нас не касается. И все же? Каков будет заказ? Если он будет, конечно. Да, совсем забыл из-за ваших лозунгов. Существует еще один путь доставки – по воздуху. Самолетами до Турции, а там уже думайте сами, как товар попадет в Крым. Турки хоть и очень жадная нация, но контрабанда через их территорию идет широким потоком. Так что выбирайте. И давайте договариваться насчет цены и количества товара.

«Витязь» пожевал губами, как бы в раздумье, потом поднял с пола и положил на колени черный кейс. Раскрыл его и достал пачку листов. Протянул Миронову.

– Вот наша заявка. Правда, общая сумма оплаты указана в расчете на то, что мы договоримся о некоторых скидках.

– С какой это стати? – удивился Евгений. – Мы и так указали минимальные цены, едва ли себе не в убыток. А вы хотите получить все чуть ли не задаром! Так не пойдет, и дела так не делаются! Я уже говорил, что на наш товар всегда найдутся другие покупатели, более щедрые. Если вы не согласны с нашими условиями, то мы тут же прерываем наши переговоры и расходимся в разные стороны, как будто ничего и не было. Не согласны? Тогда доставьте нас на берег!

– Не так быстро, сеньор Эухенио!

Улыбка «Витязя» стала зловещей.

– Здесь вы в полной нашей власти. И подпишете контракт на НАШИХ условиях!

– Ошибаетесь, господин хороший, – улыбнулся в ответ Миронов и легким движением извлек из-за спины тот самый «Вальтер РР», что вручил ему Шишов. Вот и пригодилась эта смертоносная игрушка. Передернул затвор и направил ствол прямо в лоб «Витязю».

Тот выпучил глаза. Обыскать гостей на катере как-то никто не догадался. Что подделаешь, не военные люди. И не ждали они такой подлянки от каких-то иностранцев, хоть и торгующих оружием.

Борис откровенно хихикнул. Улыбался и Толик, но улыбка его была очень грозной. «Витязь» ни секунды не сомневался в том, что и эти двое вооружены.

Минута прошла в молчании. Потом Евгений сказал:

– Мы ждем!

– Чего? – проблеял «Витязь»

«Уж не намочил ли он штаны?» – с тревогой подумал Миронов. «С такового станется!»

– Извинений ждем, – пояснил он. – А также договоренности о цене на товар. Вы что же думали, мы никогда не попадали в подобные ситуации? Желающих, как у вас выражаются, «кинуть» хоть пруд пруди. А в нашем бизнесе первая заповедь: «Не дай себя облапошить!» Итак?

– Я, конечно, приношу извинения, сорвался нечаянно, – забормотал «Витязь», но Евгений заметил едва уловимое движение и тут же скомандовал:

– Руки на стол! Боря, посмотри, что у него там!

Оруджев пошарил под столешницей, раздался

негромкий треск и на свет появился обыкновенный «Макаров» в кобуре.

– Даже не взведен! – с торжеством объявил он.

– Ты что же, крыса, надеялся невзведенной пукалкой нас напугать?

Миронов разозлился всерьез. Мало того, что на катер привезли в целях секретности переговоров, попытались угрожать, так еще и оружие припрятали, чтобы аргументы весомее были.

– Значит, сорвался нечаянно? – страшным голосом спросил он. – Какой ты «Витязь», паскуда? Ты максимум на слесаря тянешь! Вот и будет у тебя теперь кличка «Слесарь»! Возражения есть?

Новоиспеченный «Слесарь» подавленно молчал.

– Возражений нет, – удовлетворенно констатировал Евгений. – А теперь приступим к разговорам. Вопрос первый. Почему вы собрались покупать оружие за рубежом? Ведь гораздо проще взять его у вашей родной Украины. Давай, колись!

«Слесарь» поморгал, словно раздумывая, потом вздохнул и заговорил:

– Да, в Украине оружие взять проще, там с радостью дадут на святое дело. Но как его доставить? Пограничники лютуют так, что мышь не проскочит.

А второй аспект: если наши люди получают иностранное оружие, они будут уверены в том, что за граница нас поддерживает в стремлении освободить оккупированные территории. Это придаст им мужества.

– Идиотские мысли, – констатировал Евгений. – Да на Западе вы никому не нужны, кроме обывателей с промытыми мозгами. Здравомыслящие люди давно на ваш идиотизм рукой махнули. Это

таким, как я и мои компаньоны, вы еще нужны, потому что можно продать товар. Бизнес есть бизнес. А как вы его будете использовать – не наше дело. Хотя сами застрелитесь!

Монастырев радостно заржал. Ему эта идея пришла по душе.

А Миронов продолжал допрос:

– Так чем вам цена не понравилась?

– Нам она показалась высоковатой, – смущенно ответил «Слесарь». – Если мы заплатим столько, сколько вы требуете, у нас останется слишком мало средств на агитацию.

– А нам какое дело? – в который уже раз удивился Миронов. – Сократите заказ или агитацию. Тем более, что агитация ваша совершенно не работает. За все время здесь я не увидел ни одного хмурого лица, ни одной угнетенной личности. Подойдите к любому на улице и предложите переехать НА (он подчеркнул это «НА», потому что очень не нравилось ему порожденное дурацкой толерантностью «В») Украину! Так вам или в лицо плюнут, или полицию вызовут!

Он уже понял, что бывший «Витязь», а ныне «Слесарь», не является ключевой фигурой, есть люди повыше его. Просто поручили договориться.

– Короче, так. Забирайте свои предложения и хорошенько обдумайте их. – Он бросил на столик бумаги, полученные ранее. – С тобой мы больше встречаться не хотим. Разговаривать будем с твоим руководством. Надеемся, что они люди более серьезные и ответственные. И слово свое будут держать. А теперь доставь нас на берег и, как у вас говорится, разойдемся как в море корабли.

Сломленный «Слесарь» поднял трубку телефона и отдал соответствующее распоряжение. Двига-

тели зазвучали громче, катер накренился, вписываясь в поворот, и в этот момент «Слесарь» бросился на Евгения, стараясь выхватить у него пистолет.

И получил мощный удар в лоб. Портос был на чеку.

«Слесарь» все еще был без сознания, когда «Нимфа» мягко ткнулась бортом о пирс. Троица вышла на палубу.

– Ваш шеф изучает наши предложения, – сказал Миронов Сержу. – Попросил какое-то время его не беспокоить.

Серж понимающе склонил голову.

– А теперь отвезите нас туда, откуда забрали, – скомандовал Евгений. – Мы еще погуляем по городу. Связь по прежнему каналу.

Молчаливый водитель довез их до Потемкинской лестницы. Они вышли не попрощавшись. Когда автомобиль скрылся за углом, Портос, наконец, дал волю своим эмоциям. До этого оба товарища сидели с каменными лицами.

– Ну, ты его и опустил, командир! – хохотал Толик. – Даже на зоне так не опускают! Ишь ты, витязь нашелся! И чего ты его сантехником не назвал? Таким, как он, унитазы чинить, а не бизнесом заниматься!

– Еще раз попытается на нас наехать – станет сантехником! – авторитетно пообещал Миронов.

Борис широко улыбался. Он тоже был доволен состоявшимися «переговорами».

– Что же они нас за дураков держат? – как бы в пространство спросил Евгений. – Ведь сами тупые, как... Ну, я даже не знаю, что! А власть собираются брать, Крым освобождать!

Он вдруг помрачнел.

– Оружия им ни в коем случае давать нельзя! По

дурости своей столько народа покрошить могут!

– А у тебя что, оружие есть? – с интересом спросил Оруджев.

– Ну, ты же «Вальтер» видел?

– И все?

– Конечно. Зачем мне больше? Кстати, держи, – он протянул Борису трофейный «Макаров». Теперь и ты крупный торговец оружием!

– А мне? – ревниво спросил Монастырев.

– У тебя кулаки, как пушки, ты самый среди нас вооруженный, – польстил ему Миронов, и Толик сразу успокоился, поглядывая на свои и вправду мощные кулаки.

– Кстати, Боря, ты съемку вел?

– Обижаешь, командир!

Оруджев отстегнул замаскированную под пуговицу на жилете камеру. Это тоже, как и «Вальтер», было получено от Шишова. Надо будет ему отдать запись и получить чистую карту для дальнейшего использования.

Борис между тем вытащил из кобуры свой пистолет, сунул его за спину, под рубашку, запасную обойму опустил в карман, а саму кобуру забросил в кусты – она ему была не нужна.

Тут рядом почти бесшумно остановился УАЗ «Патриот» Шишова, и Леня с водительского сидения поманил их в салон. Очень удачно, не придется ноги бить.

– Как ты нас нашел? – спросил Монастырев.

– Дурацкий вопрос, совсем квалификацию теряешь! О медальонах забыл?

– Действительно! – Портос был сконфужен.

– Куда это вы в море плавали?

– Не плавали, а ходили, – отыгрался Монастырев. Сам знаешь, что плавает! Моряки – ходят!

– Тоже еще моряки нашлись! И все-таки?

– Да так, небольшая морская прогулка с приятной беседой.

И Миронов подробно рассказал обо всем, что с ними случилось. Развинтил пуговицу, микрокарту с записью отдал Лене, получив взамен чистую. Совершил процесс сборки и вручил готовую к работе камеру Борису.

– Молодцы, – похвалил Шишов после того, как Евгений закончил рассказ. Хорошо вы их раскололи. Теперь будем ждать развития событий. На этот раз есть вероятность, что вам все же организуют встречу с верхушкой подполья. Никаких активных действий. Только разговаривать, запоминать и снимать.

Он покопался в нагрудном кармане, достал три тонкие и короткие трубочки, один конец каждой был помечен красным.

– Раз уж вы оружие засветили, то при следующем рандеву у вас его могут изъять в целях безопасности. Это, – он показал трубки, – оружие одноразового действия. Просто направляете на противника и сильно сжимаете пальцами. Происходит бесшумный выстрел микрокапсулой с ядом. Летит она метра на три. Да больше и не надо. Яд мгновенного действия и смертельный, так что будьте осторожнее с этой стрелялкой, держите к себе, не перепутайте! Красной меткой к себе, эта сторона для того и помечена. Портос! Я сказал – красной меткой к себе!

Толик был счастлив. Наконец-то и он вооружен! Остальные, глянув на тайное оружие, равнодушно спрятали трубочки в карманы, а Монастырев все вертел свою в пальцах, разглядывал. Миронов начал уже побаиваться, что товарищ своими

сильными пальцами нечаянно сожмет трубочку и ... их станет на одного меньше!

– Зря ты ему эту хреновину дал! – сказал он Шишову.

– Да и сам уже вижу, – отозвался тот. И, не выдержав, рывкнул:

– А ну, спрятал немедленно, а то отберу!

Портос испуганно глянул на него и послушно убрал оружие. Все вздохнули с облегчением.

– Теперь продолжим, – как ни в чем не бывало, сказал Ленья. – Приманку они вашу заглотили, а дальше следует подождать, чтобы крючок глубже и понадежней засел. Придумайте что-нибудь. Цену, что ли, подымите «в связи с новыми обстоятельствами». Дескать, обиделись на хамское отношение и попытку шантажа. Надо еще потянуть время, пока мы всю сеть не выявили. Многовато их сюда набежало. И все с той стороны перешейка. Нет, есть и местные. Все никак, дуrolомы, не могут успокоиться!

– Ладно, что-нибудь придумаем, – пообещал Миронов. – Подождем, пока они на нас опять выйдут, и будем разбираться. Подбрось нас опять к набережной, а то что-то есть захотелось после морской прогулки.

Они сидели все в том же кафе, черпали ложками какой-то супчик и посматривали по сторонам. Но ничего подозрительного пока не происходило. В принципе, ничего и не должно было происходить. Пока этот «Слесарь» придет в себя, пока доложится начальству, пока начальство разберется, что к чему, пока решат, что делать – уйма времени уйдет на все. Раньше завтрашнего дня ждать результатов не стоит.

Он ошибался. Только поднес бокал с вином ко

рту, как ножка у того внезапно превратилась в мелкие стеклянные брызги. Объяснять, что произошло, им, опытным воинам, не стоило. Стреляли из винтовки с глушителем, целя в голову Евгения. Но стрелок был плоховатым снайпером, хотя чуть не попал, куда хотел. Объяснялось это, скорее всего, малым расстоянием от стрелявшего до них. Мгновение – и они все лежали на бетоне, скрывшись за парапетом.

А пуля, продолжив свое движение, все-таки куда-то попала. Слава Богу – не в кого-то. Отрикошетив от поверхности столика шагах в десяти от них, она ушла в сторону моря. Одновременно послышался визг шин по ту сторону парапета. Потом все стихло. Сидевшие за тем столиком, в который ударила пуля, даже не поняли, что произошло. Застыли в онемении, разглядывая внезапно появившуюся выбоину.

Друзья медленно поднялись с бетона, глянули за парапет. Естественно, никого там уже не было.

– А он мстительный, этот «Сантехник», – задумчиво сказал Миронов, опуская противника еще на одну ступень, как и обещал. Жестом, с извиняющейся улыбкой, попросил официанта заменить разбившийся бокал.

– Хорошо, что очередь не влупил, – глубокомысленно заявил Монастырев.

И все с ним согласились. На этот раз он был прав.

– И ведь не побоялся, собака, гнева своего начальства, – сказал Оруджев. – За это время он вряд ли мог сделать подробный доклад о нашей «морской прогулке». И вряд ли его начальство могло отдать приказ на наше уничтожение. Мы им нужны. Хотя бы до того момента, пока не поступит

оружие.

– А значит, действовал на свой страх и риск, ретивое взыграло.

– Ну, он у нас попляшет! – сказал Миронов. – Дайте только с его шефами встретиться!

– А как ты докажешь, что это был он? – резонно возразил Борис. – Мог ведь и другого кого-нибудь послать, а сам в это время алиби обеспечивал.

– Да ладно! – Толик был, как всегда, благодушен. – Найдем способ, как его наказать. Что мы – пацаны зеленые?

И опять он был прав. Уж насчет «наказать» они многое умели.

Не опасаясь повторного покушения, они продолжили обед, только смахнув салфеткой стеклянные крошки со стола.

После отличной отбивной со свежей зеленью, взяли еще по бокалу вина и стали придумывать, чем бы занять вечер. Идти никуда не хотелось, находились сегодня уже.

Неподалеку стояла кабинка аттракциона «Четырехмерное кино». Они посмотрели на нее внимательнее.

– Что-то я про такое слышал, – задумчиво сказал Борис.

– А пошли! – загорелся Толик.

Евгений, думая, что это как-то несолидно для взрослых людей – развлекаться, словно пацаны какие-то, все же последовал за ними.

Аттракцион не восхитил. Ну, неслись они по каким-то «американским» горкам, ну прыгали через пропасти, ну, пересекали какие-то водоемы. Все было в цвете, со страшными звуками, кресла наклонялись в разные стороны в соответствии с поворотами виртуальной тележки, летели в лицо

брызги холодной воды. В общем – скукота.

Так Миронов и сказал друзьям, когда сеанс закончился. Боря был спокоен, зато Портос пришел в щенячий восторг и требовал повтора. Объединенными усилиями его все-таки удалось оттащить на веранду и усадить за столик.

Тут Миронов рассказал, как он в Испании в парке «ПортАventura» катался на настоящих «американских» горках, самых высоких в Европе. И как пуля, выпущенная снайпером, перебила рычаг, удерживавший Наташку, и ему пришлось все эти повороты и «мертвые петли» прижимать ее к креслу, чтобы не вылетела.

– Вот это было приключение! – закончив свой рассказ, добавил он. А тут – киношка для детей дошкольного возраста.

Портос тут же обиделся. Себя он дошкольником не считал. Пришлось друзьям заверять его, что и они так не считают. Это у командира просто нечаянно с языка сорвалось.

В отместку Портос сам пошел на повторный сеанс, в одиночку. Вернулся какой-то задумчивый, на вопрос – что случилось, ответил вопросом:

– Помните, как мы к Амазонке по джунглям пробирались?

Друзья, конечно, помнили. Но при чем здесь «американские горки» и джунгли? Ничего подобного, кажется, там не было.

Оказалось, что Толик попал на сеанс совсем другого фильма. Там зрители неслись на «джипе» по джунглям со всеми их прелестями: лианами, змеями, обезьянами и прочей гадостью. Только тайного поселения фашистов не было. Вот и наваял Монастыреву этот короткий фильм их долгие странствия в джунглях.

Все помолчали, вспоминая. Потом решили выпить еще – за счастливо окончившийся поход. Ведь дошли, несмотря ни на что, отбиваясь от преследователей, разгромив колонию недобитых гитлеровцев, угнав подводную лодку! Эрго – бибамус! – как любил повторять один писатель, приятель Миронова.

Они выпили и тут же заказали еще. Уж больно вкусным было вино в Крыму!

«Баба Валя опять будет удивляться, – подумал Евгений. – Иностранец второй день надирается!»

Хотя вон, финны специально в Питер приезжают, чтобы назюзюкаться до пороссячьего визга. Их потом, как дрова, в автобусы грузят! И ничего, им не стыдно. А почему должно быть стыдно ему?

Свет павших

Живым сегодня скажу я дальше:

- Нет в преисподней в

сраженьях павших

За Русь седую. Одной дорогой

Ушли в святую обитель Бога.

В сиянье света не разглядеть их.

Но в День Победы нам души

светят.

Господним утром, длиною в

память,

Свет - неотступно - идёт

за нами -

В боях погибших: ушедших

больно

До зрелых вишен, до славы

стольной.

Идёт за нами, и в нас он светит

Длиною в память. Как тихий

ветер

Колышет славу России вечной.

Господним лавром тот свет

увенчан.

**ЮЛИЯ
КАУНОВА**

Поэзия

Казачьи гены

Ген дорогого предка,

Выдержав монолитность,

Хитрая прячет клетка:

Тайне присуща скрытность.

В памяти снов обрезки,

Дух нелегко настроить:
Прячется предок дерзкий
За вековой горою.
С зеркала взятки гладки:
Здесьняя неустроенность,
Внешние недостатки -
Это моя особенность.
Но почему нередко
Чувствую, что не скроюсь
От дорогого предка,
В дерзких поступках роясь.

Ушедшим больно посвящать стихи.
В каких мирах они должны слышать,
Что, оставаясь, мы без них - тихи,
И запоздало им признанья пишем?
Переживая заново в стихах
Возникший образ, голос и движение,
Мы словно растворяемся в мирах,
Сливаясь с ними в том стихотворенье.
Что мы, столкнувшись с горечью утрат,
Бежим всё дальше от любви и солнца.
И как же глупо, если жизнь - игра,
Что смерть тогда для тех, кто остаётся?

1991-й

Мира качели толкнув и расставшись со всеми,
Знать бы, зачем мы придумали новое время?
Чертик на левом плече веселится: «Свобода!»
Люди устали от мифа о дружбе народов.
Ангел на правом плече не торопится в стаю:
Вера в Создателя движется и нарастает,
Но в переменах глобальных в эпоху известий,
Всем россиянам мерещится западный ветер.

Наш парк вечером

Парк Кисловодска безмерно устроен:
К вечеру множится лиственный шёпот.
Смотришь с вершины – курортники роем
Односторонне петляют по тропам.
Сбросив остаток лучей на пещеры,
Прячется солнце за белой подушкой.
Вогнутый мир голубой полусферы
Краски терять начинает послушно.
Смотришь, с горой расквитавшись, с Востока
Вровень с прохладой на парк наползает
Призрачно-белый туман с поволокой
В серых глазах, с чернотой под глазами.

**Припозднившаяся
в лесу-парке Кисловодска**

Под горой хохочет птица-пересмешник.
На тропинке, обозначенной луной,
Перебежками крадётсЯ в гору леший:
Отливают его волосы золой.

Приказало ему нечто затаиться:
«Напугал: сиди за камнем, не морочь!»
Не показывает нежить людям лица.
Эти лица – не сама ли эта ночь?
Я сойду на свет огней с горы высокой
Без задоринки, без острого сучка.
Я спущусь с неё знакомою дорогой:
Встанут ели вековые по бокам.
И стянув с пути неоновые нити,
Заплывёт за гору чёрную луна.
«Закружил лешак бродяжку, посмотрите!» –
Пискнет мышью, исчезая, тишина.
В диком мареве, от ужаса опешив,
Посчитаю лапы елей за рога,
Но останется ни с чем проказник леший,
Лишь подступит город
улицей к ногам.

Голод на Ставрополье 1921-1922 гг.: продразверстка, людоедство и курай

Прошло сто лет с начала одного из самых страшных событий, произошедших на территории нашего края. Голод 1921-1922 гг. унес почти пятьдесят тысяч жизней ставропольских крестьян. Более ста тысяч человек покинули губернию в поисках куска хлеба. Такого наш край не знал за всю историю своего существования. Голод привел к случаям людоедства, самоубийства, вызвал массовый рост беспризорности и преступности. «Обезумевшие» от голода крестьяне убивали своих близких, чтобы как-то прокормить остальных. Такие случаи были официально зарегистрированы губернским статистиком Иваном Клушанцевым. Неофициально их было гораздо больше. Как писал Максимилиан Волошин, «душа была давно дешевле мяса, и матери, зарезавши детей, засаливали впрок».

Лето 1921 г. выдалось на Ставрополье чрезвычайно

**АЛЕКСЕЙ
КРУГОВ**

Краеведение

засушливым. Практически не выпало ни одного дождя. Пыльный горячий восточный ветер и нещадно палящее солнце быстро превратили поля в безжизненную пустыню. Засуха 1921 г. стала самой жестокой по сравнению с засухами прошлых лет. «Озимые почти все повыгорели и не возвращены даже семена, — отмечалось в сводке по Благодарненскому уезду. — Засуха с ветрами продолжается... В общем, уезду грозит полный неурожай со всеми его печальными последствиями». В неурожайный район Ставрополья вошли два самых крупных уезда губернии — Благодарненский и Медвеженский, 11 волостей Ставропольского уезда, а также Туркменский район. На этой территории проживала 661 тыс. чел.

О масштабах трагедии свидетельствуют следующие цифры: в 1913 г. валовый сбор хлебов на Ставрополье составил 143,5 млн. пуд. До Первой мировой войны наша губерния, житница России, ежегодно вывозила на европейские рынки десятки миллионов пудов зерна. В неурожайном 1920 г. собрали 27,5 млн. пуд, в 1921 г. всего 6,2 млн. пуд.

Призрак голодной смерти гнал людей с насиженных мест. Из неурожайных уездов началось повальное бегство. «Крестьяне забивают хаты, забирают скот, скарб, косилки с целью заработать на пропитание», — подчеркивалось в документах официальных властей. На Ставрополье опустело до 20 % крестьянских дворов, из них 15 % крестьянских семейств выехали в другие, более благополучные районы — на Кубань, Терек, в Горскую республику.

В феврале 1921 г. представитель наркомпрода на юго-востоке России М.И. Фрумкин получил телеграмму В.И. Ленина с требованием любыми мерами ежедневно вывозить 200 вагонов зерна. И забирали, и вывозили! Среди причин голода были завышен-

ные объемы продразверсток 1920-1921 годов, в результате выполнения которых ставропольские крестьяне лишились части посевных семян и необходимых для жизни продуктов питания.

Справедливости ради отметим, что продовольствие изымалось на протяжении 8 лет. В годы Первой мировой войны губерния являлась постоянной базой снабжения продовольствием Кавказской армии. Весной 1918 г. Ставропольская республика отправила в Москву 12 млн. пуд. хлеба, в Баку – 9 млн. пуд., в Туркестан – 6 млн. пуд. В июне послали еще 74 вагона с зерном и продовольствием. Миллионы пудов хлеба ушли на содержание Добровольческой армии в 1919 г. Из материалов губпродкома (губернского продовольственного комитета): «Запасы (хлеба – А.К.) совершенно отсутствуют. В течение двух лет в губернии обильно довольствовались белая и красная армии, затем 30 млн. разверстка... У населения были изъяты все запасы вплоть до семенных». Итог этой репрессивной политики был печальным. Если в декабре 1921 г., по сведениям губернской комиссии помощи голодающим (губкомпомгол), на Ставрополье насчитывалось 216,3 тыс. голодающих, то в мае 1922 г. их число выросло до 641,4 тыс. чел., что составляло более 2/3 населения, проживавшего тогда в губернии.

Согласно оценкам Американской администрации помощи, голодало свыше 766 тыс. чел, в том числе 140 тыс. детей. Гибель людей и распад семей вызвали небывалое на Ставрополье распространение детской беспризорности. Зимой 1923 г. в губернии насчитывалась 51 тыс. беспризорников, главным образом крестьянских детей в возрасте от 3 до 14 лет. Детские дома были переполнены, в них находилось порядка 15 тыс. детей, чьи родители

умерли от голода. Тысячи безнадзорных и бесприютных детей бродили в поисках съестного по городам и весям губернии, просили подаяние, промышляли воровством и разбоем.

Губернские власти четырежды возбуждали ходатайство перед правительством о признании губернии голодающей, но безрезультатно. Лишь в мае 1922 г. губерния была признана нуждающейся, а Благодарненский и Медвеженский уезды стали пользоваться льготами голодающих губерний.

В числе лиц, непосредственно организовавших голод в Ставропольской губернии, значился губернский продовольственный комиссар Захар Шуголь.

Из личного дела губпродкомиссара З.М. Шуголя: «Родился в местечке Сиротине Витебской губернии в 1892 г. Из мещан. Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Зарабатывал на жизнь, давая частные уроки и сотрудничая в газетах. Активно участвовал в Октябрьском перевороте. В ноябре 1917 г. был назначен на должность комиссара по снабжению и распределению Северной области. Продовольственных курсов не проходил. С 1919 г. находился на ответственной работе в продорганах Украины. В Красной Армии не служил, освобожден по болезни. С октября 1920 г. по май 1921 г. состоял членом коллегии Тамбовского губпродкома. В июле 1921 г. получил назначение на должность Ставропольского губпродкомиссара. На ответственных должностях проявил себя решительным и твердым работником. Член РКП(б), партийный билет № 45808. Взысканиям не подвергался. За заслуги на продовольственном фронте был награжден именными серебряными часами».

Из донесения З.М. Шуголя (осень 1921 г.):

«Заготовка в последние дни проходит в условиях величайшего напряжения ввиду огромного упорства, особенно в Ставропольском уезде... Мы приняли драконовские меры вплоть до приговоров к высшей мере наказания, конфискации и принудительному отчуждению... вовлекаем весь партийный, советский аппарат исключительно для выполнения 100 % налогов... никогда еще не испытывали такого упорства в выполнении налога, как в Ставропольской губернии. Я сам заготовку нахожу ничтожной... В самых богатых волостях, на которых строился расчет, брать нечего... Ваше негодование мне понятно, но учтите, что мы работаем в условиях полного недорода. Я приму все меры для выполнения всех ваших заданий».

Шуголь выполнил свое обещание. На «ударную» продработу в губернии были брошены части 2-й кавдивизии, продотряды, части особого назначения, милиция. И вся эта силища в союзе с едва ли лучшими элементами деревни обрушилась на ставропольского мужика. Кстати, продотряды были придуманы отнюдь не большевиками. Их применяло еще царское, а затем и Временное правительство. Но система тотального насилия в форме продовольственной диктатуры сложилась при советской власти. Хлеб у крестьян «успешно» изъяли, оставив их один на один с голодной смертью. Это привело к беспрецедентной катастрофе на территории некогда зажиточной и хлебосольной губернии.

Кошмарные дни. Голод стал трагедией для десятков тысяч ставропольцев. Газетная хроника и отчеты уездных комиссий помощи голодающим помогли воссоздать картину невероятных человеческих страданий.

Хроника голодного бедствия:

«Декабрь 1921 г. Голод на Ставрополье обостряется... Всюду тысячи, десятки тысяч голодающих. Эти цифры становятся привычными. Между тем за ними кроется непередаваемый ужас медленной агонии голодающих людей...

Ставропольский уезд. Село Птичье. В общественном питании нуждаются 6900 человек. Масса заболевших на почве голода и недоедания. Проституция несовершеннолетних (за суррогаты хлеба!), грабежи и кражи, учиняемые подростками, становятся обыденными фактами.

Январь 1922 г. Туркменский район. Общее количество голодающих 15000 человек. Столовых общественного питания нет... Ежедневно у исполкома стоят оборванные, голодные, босые туркмены, женщины с грудными младенцами... Идет распродажа последнего инвентаря, транспорт совершенно разрушен... Аулы пустуют... Туркменский народ вымирает.

Медвеженский уезд. В с. Павловском умерло голодной смертью 13 душ. Эвакуировано из уезда в Ставрополь 200 детей для размещения в детских домах.

Благодарненский уезд. В с. Николино-Балковском при общей численности жителей в 5000 душ больных до 1500 чел. Болезни все развились на почве голода. Село Овощи. Больше половины населения находится в ужасных условиях. Съедены все лошади... Наблюдается массовый уход крестьян на поиски хлеба.

Февраль 1922 г. Ставрополь. В городе комиссией помгол зарегистрировано 13,7 тыс. голодающих, из них 5 тыс. детей. 6 питательных пунктов, открытых в разных районах города, отпускают до 870

обедов в день. Горожане собрали 44,4 млн. руб. добровольных пожертвований для нуждающихся.

Туркменский район. Положение ужасное... Граждане едят не только падаль, но даже кошек и собак. По улицам валяются неубранные трупы... Собранные в группы туркмены умирают по дороге, не добравшись до Кубани. Аул Куликовы Копани. За день умирает 3-4 человека... Все поголовно голодают.

Благодарненский уезд. Село Дивное. Страшный голод охватил наше село. Жители употребляют в пищу чистый, без всякой мучной примеси курай, который по осени не доели черви. Курай кончается, приступлено к употреблению растущего на реке Маныч солончака, который не едят даже верблюды. Последний вызывает массовые заболевания... На почве голода появилось два врага: первый – это грабежи и убийства, второй – эпидемия тифа.

Медвеженский уезд. Село Ладовско-Балковское. Голодает 70 % населения... Предстоящая посевная без помощи со стороны невозможна. Рабочий скот или пал от бескормицы, или съеден. В с. Дмитриевском голод прогрессирует с каждым днем. Употребление в пищу кошек и собак стало обычным явлением. Село Летническое. Голод в селе принимает угрожающие размеры. Кладбище переполнено незахороненными трупами... Помощи ниоткуда нет.

Село Шишкинское. Голодает все население – 1200 человек, из них 610 детей. Село Кевсала. Голодающих 7950 душ, из них 3075 определенно обречены на голодную смерть.

Апрель. Ставропольский уезд. Село Московское, 75% населения голодает. Ежедневно умирает до 15 человек.

Медвеженский уезд. Село Медвежье. Более 70% жителей лежат опухшие, детей бросают на произ-

вол судьбы...»

Весной 1922 г. голод достиг своего апогея. Наступили кошмарные дни. Люди дошли до полного равнодушия к своей судьбе. По городам и селам Ставрополья бродили тысячи нищих. Просили милостыню – как водится на великой Руси – Христа ради. Старики готовили себе белые рубахи и ожидали «конца света».

Что ели?

Суррогатный хлеб стал основным продуктом питания голодающих людей. В Благодарненском уезде было зарегистрировано около сорока его образцов: хлеб из жмыха и курая, из кукурузных початков, мучной пыли с глиной, просяной половицы, золы. Такой «хлеб» содержал 60% крахмала, 20% минеральных примесей, особенно кремнистого песка. Голодающие Туркменского района употребляли в пищу курай пополам с отрубями. «Буханка» получалась совершенно черного цвета, была горькой на вкус и вызывала массовые отравления. В селе Киста крестьяне ели «измельченные стебли и зерна растений соломенного цвета», в Дивном – «хлеб» из костей. Весной 1922 года в пищу употреблялась трава, различные корни, листья, кора деревьев... «Едим все что можно и что нельзя, - отмечалось в одном из писем. – Кора тоже на исходе: почти все деревья стоят ободранные и как скелеты нагоняют еще большую жуть».

«В местах, где некогда тянулись нескончаемые скирды хлеба, ныне скирды курая, - указывалось в докладе губкомпомгола, - в амбарах, ломившихся от пшеницы, сейчас немного муки из того же курая».

В те годы ставропольский поэт и журналист Тихон Холодный написал стихотворение «Курай (хлеб голодных)». Вот отрывок из него:

Вы еще не слыхали, что значит курай?
Это – жесткий бурьян, обходимый верблюдами,
Но сейчас он сбирается целыми грудами
И в размолотом виде – идет в каравай.
Вы едали такой? При помоле стирается
Он в ошмётья и пыль, портя все жернова:
«Им бы в пору молоть, вот такая трава!» –
Шепчет мельник с досадой и крепко ругается...
В этом страшном краю сел не стало давно;
Мертво-голая степь, вся покрыта кочевьями,
Люди рыщут, как звери в кустах под деревьями,
Ищут пищи, еды ... а какой, все равно!
Скот иль сдох, или съеден... местами до падали
Люди падали...

По данным ЦСУ (Центрального статистического управления), в голодающих губерниях России калорийность питания равнялась в октябре 1921 г. 60 % нормы, в июне 1922 г. – 40 %. В крестьянских семьях Ставрополя в среднем на душу расходовалось около 2 фунтов различных продуктов, в т.ч. 0,5 фунта суррогатного хлеба или картофеля.

Не лучшим было положение рабочих. Многие предприятия губернии, находившиеся в ведении госсектора, бездействовали. Среди них мельницы, известные по фамилиям своих бывших хозяев – Гулиева, Ломагина, Суркова. Стояли обувная фабрика, кирпичный завод, крупорушка Груби. Главная причина – отсутствие сырья. Толпы безработных осаждали биржу труда, бродили по городу в поисках работы и хлеба. Работы не было, хлеба тоже. Лишенные каких-либо средств к существованию, люди стали воровать съестное. Увеличилась преступность. Самыми распространенными были кражи продуктов. Они принимали массовый характер. С мест поступали тревожные

сообщения о том, что пойманные воры подвергаются «самосудам и на месте убиваются».

Следствием голода явился рост заболеваемости среди сельского населения. Широко распространились специфические «голодные» болезни: алиментарная дистрофия, упадок сил, опухание, отравление суррогатами.

Изъятие церковных ценностей

В январе 1922 г. Президиум ВЦИК принял декрет об изъятии ненужных для богослужения ценностей церквей и монастырей, «могущих быть средством борьбы с голодом в Поволжье». Из письма В.И. Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления».

Из воззвания епископа Ставропольского и Кавказского Дмитрия: «Для оказания действительной помощи необходима не частичная раздача пожертвований, а основание по местам различных учреждений благотворительности, из которых первое место должно занимать открытие питательных пунктов для голодающих. Полезно было бы для облегчения нуждающихся открывать по местам чайные, ночлежные дома. Главным источником средств для таких великих целей должны быть сборы пожертвований деньгами в храмах». Для многих православных людей церковь после революции оставалась островком прежней жизни, напоминавшим о спокойных

дореволюционных временах.

Во многих церквях губернии, где были хоть какие-то средства и запасы продуктов, открывались благотворительные чайные, ночлежные дома. В апреле 1922 г. состоялось совместное собрание настоятелей храмов, прихожан с представителями губернской комиссии по изъятию ценностей. «Не может быть русского человека, который был бы против изъятия ценностей в помощь голодным, – говорил священник кафедрального собора В. Иванов – и все духовенство, безусловно, пойдет навстречу Советской власти в этом святом деле». В ходе изъятия настроение верующих оценивалось властями как «благожелательное, контрвыступлений не было».

В 1922 г. верующие Ставрополя собрали более 100 пуд. серебряных церковных ценностей, в Терской губернии – 15 пуд. Общая стоимость всех ценностей составила 100 тыс. золотых рублей. Практически вся эта сумма была израсходована на закупку продовольствия для голодающей губернии.

Американская администрация помощи

Для спасения населения была привлечена помощь иностранных благотворительных организаций, в частности Американской администрации помощи (АРА). Представительства этой организации были открыты в 38 губерниях РСФСР, в том числе и на Ставрополье. «Американская администрация помощи ... ставит себе только одну задачу: оказать посильную помощь русскому народу, главным образом голодающим, больным и особенно детям». На Ставрополье поступили тысячи пудов продовольствия из США. Представитель АРА в губернии господин Боуден заявил: «Все

продукты есть дар американского народа и выдаются безвозвратно». Помощь этой организации была бесплатной – местные губернские власти оплачивали лишь транспортные расходы и содержание столовых.

С мая по ноябрь 1922 г. на Ставрополье действовало от 10 до 124 столовых Американской администрации помощи, в которых питалось в общей сложности 214,6 тыс. чел. Под патронажем этой организации находилось 16 больниц. Кроме того, 4,5 тыс. детей получили от АРА одежду и обувь. Многие тысячи ставропольцев 1922 года рождения были спасены от голодной смерти благодаря АРА. По сообщению М.И. Калинина, Американская администрация помощи, возглавляемая Гербертом Гувером (в будущем 31-м президентом США), спасла от голодной смерти 10,4 млн. советских подданных. Чувство признательности за спасение этих жизней навсегда останется в памяти народной.

Из истории партии или как жили коммунисты в голодный год

«Настроение членов РКП неудовлетворительно-подавленное, – отмечалось в докладе губернского политотдела (март 1922 г.), – причины его ясны: голод. Голодный человек забывает все: убеждения, идеи и т.д. Все его мысли и думы сосредоточены на том, где бы достать кусок хлеба, вследствие чего в работе членов РКП хорошего ничего нет». По свидетельству Крустейна, в голодный год «многие члены и даже целые ячейки (в Благодарненском уезде – А.К.) поддавались нытью и добровольно выходили из партии под разными предложениями».

Доктор исторических наук А.В. Баранов: «Пока-

зательна затяжная борьба в Ставрополе между руководством губкома партии (В.В. Иконичким) и председателем губисполкома Ф.С. Лизаревым. Последний справедливо обвинял руководителей губернии в пьянстве и беззаконии, воровстве и зажиме критики. Им покровительствовал Белобородов и другие члены Кавбюро ЦК. Конфликт после вмешательства Ленина закончился чисткой парторганизации».

Если в августе 1921 г. губернская организация РКП(б) объединяла в своих рядах 7,2 тыс. коммунистов, то в январе 1922 г. их числилось всего 2,1 тыс. чел. Более 5 тыс. чел. вышли или были «вычищены» из компартии. Всего на Северном Кавказе были исключены 17,2 тыс. чел.

В голодный год партийный паек был гораздо сытнее рабочего. Так, рядовые коммунисты Александровского уезда были серьезно недовольны тем, что «ответственные партийные товарищи получают двойные пайки».

Секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов (август 1921 г.):

«Циркулярно. Секретно. Ставропольскому губпродкому.

Копия губкому, копия губисполкому.

В целях улучшения продовольственного положения партийных работников, занимающих ответственные должности... центральная комиссия постановила снабжать означенных работников пайком по усиленной норме № 1. Число пайков для вашей губернии не должно превышать 682... Правом на этот паек пользуются партийные работники губернского, уездного и волостного масштаба...». Комментарии, как говорится, излишни.

«Члены союза разбегались»

В результате голодного бедствия фактически самораспустились комсомольские организации Туркменского района и Медвеженского уезда.

Вот что писал секретарь Юго-Восточного бюро РКСМ Александр Мильчаков: «Работая в такой обстановке, комсомол на местах был подчас обречен на верную политическую смерть. Члены союза разбегались в поиске заработков, активные работники пухли от голода, всякая связь уездов с местами и центром прервалась». За период с октября 1921 г. по январь 1922 г. губернская организация РКСМ сократилась с 3,5 тыс. до 1,2 тыс. чел. Профсоюзные организации Ставрополя в голодный год покинули 28,4 тыс. чел. Вот такие цифры и факты. Они о многом заставляют нас задуматься.

И еще. Этот голод для нашей страны был беспрецедентным по своему масштабу. Он охватил огромную территорию от Урала до Черного моря. В первом издании Большой советской энциклопедии отмечалось, что от голода 1921-1922 годов пострадали 35 губерний с населением до 40 млн. человек. «Голод у нас не стихийный, а искусственный», - писал В.Г. Короленко М. Горькому летом 1921 года. По приблизительным оценкам, в нашей стране от голода и сопутствующих ему болезней умерло более пяти миллионов человек. Для сравнения: общие потери российской армии (убитыми и умершими от ран, болезней или отравления газами) с августа 1914 по декабрь 1917 года включительно составили 1,6 млн. человек. Таким образом, число погибших от повального голода втрое превысило величину безвозвратных потерь во время Первой мировой войны.

Путешествие из Ставрополя-Кавказского в Петербург, или рождение книжной серии «ЖЗЛ»

Прошло уже сто сорок лет с того холодного и полутёмного декабрьского дня, когда начинающий писатель Яков Васильевич Абрамов, только что приехавший из провинциального Ставрополя-Кавказского в столицу Российской империи, постучал в двери квартиры знаменитого писателя Глеба Ивановича Успенского. Недавний воспитанник Ставропольской классической гимназии и Кавказской духовной семинарии до этого памятного момента уже успел пройти один курс в Петербургской медико-хирургической академии, поучаствовать в народническом движении и распространении книг «преступного», то есть «противоправительственного», содержания, за что был привлечён «к дознанию политического характера» и почти два года провёл в родном Ставрополе, куда был выслан из Петербурга под надзор полиции... Страсть к литературному творчеству, проявлявшаяся ещё в отрочес-

**ВЯЧЕСЛАВ
ГОЛОВКО**

**Литературо-
ведение**

кие годы будущего просветителя России, неудержимо влекла его в Петербург – не только административную, но и культурную столицу страны.

У двери квартиры Глеба Успенского он оказался вовсе не случайно. Среди огромного количества книг, которые в детстве и юности «ставропольский мещанин Яков Абрамов» читал запоем, особое место занимали сочинения тех писателей, которые хорошо знали и показывали жизнь народа: крестьян-общинников, ремесленников, городской бедноты... Это были книги Нефёдова, Левитова, Решетникова, Слепцова, Николая и Глеба Успенских. Не охладил пыл юного литератора и тот факт, что автор книг, которые он «с усердием читал», жил «в одной из отдаленнейших окраин Петербурга — на углу Забалканского проспекта и Обводного канала, в одном из так называемых домов Сивкова», в самой дешёвой квартире под самой крышей многоэтажного дома... Неумолимо влекло его родственное чувство, которое он испытывал к создателю «Нравов Растеряевой улицы», несмотря на то, что никогда его даже не видел. Встреча оказалась не только памятной, но и знаковой в судьбе Якова Абрамова. Проговорили они несколько часов, а уже через три дня вместе ехали в Новгородскую губернию, где Глеб Успенский намеревался собирать материал для своей новой книги.

Абрамов явился к нему зимним декабрьским днём 1880-го года вовсе не с пустыми руками: в его карманах были рукописи нескольких рассказов и очерков, в которых нашли отражение все мучившие его сомнения, всё то, что «наболело тогда» в его молодой душе. Среди этих рукописей был и рассказ «Мещанский мыслитель», уже весной следующего года увидевший свет, благодаря одобрению Глеба Ивановича, на страницах недол-

го просуществовавшего журнала «Слово».

На главной идее это рассказа неожиданно сфокусировались надежды и планы трёх выдающихся личностей: Якова Абрамова, Глеба Успенского и знаменитого петербургского книгоиздателя Флорентия Павленкова. Результатом этого идейного и творческого устремления стало открытие единственного в своём роде книгоиздательского проекта, вошедшего в историю российской и мировой культуры под всем хорошо известным названием – «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ»).

Здесь мы прикасаемся, пожалуй, к особо привлекающему внимание, к самому интересному и до сих пор не прояснённом аспекту творческой истории издательского проекта «ЖЗЛ. Биографическая библиотека Флорентия Павленкова».

Дело в том, что у его истоков стоял знаменитый ставрополец, великий просветитель России, талантливый прозаик, публицист, литературный критик, один из самых оригинальных и крупных идеологов и теоретиков русского реформаторского (легального) народничества 1880-х – 1890-х годов Яков Васильевич Абрамов. Почему мы до сих пор не знали об этом? Более того, до последнего времени о самой павленковской серии «ЖЗЛ» почти не говорили. Загляните-ка, например, в «Современный толковый словарь»¹ или популярную «Википедию» и посмотрите, что там пишут об этой «биографической библиотеке»? Вам сообщат, что это «серия художественно-биографических книг, основанная по инициативе Максима Горького и выпускавшаяся в 1933–1938 годах “Журнально-газетным объединением”, а с 1938 года по настоящее время «Молодой гвардией». Ну, как не вспомнить Козьму Пруткува: «Не верь глазам своим!»».

¹ См.: <https://slovar.cc/rus/bse/470667.html>

В обновлённой статье «Википедии» недавно появилось уточнение: «Впервые [серия «ЖЗЛ»] выпускалась в 1890–1924 годах издательством Ф.Ф.Павленкова...», но это уже после того, как появились публикации об истории этой книжной серии в массовой печати и когда на самих книгах этой серии издательство «Молодая гвардия» вынуждено было – тоже совсем недавно! – указывать имя Павленкова.... Ведь только в 1933 году идея серии «ЖЗЛ» была подхвачена, заимствована Максимом Горьким, который даже редактировал книги этой серии вместе с Михаилом Кольцовым и Александром Тихоновым-Серебровым.

В советское время биографическая библиотека Флорентия Фёдоровича Павленкова не только не переиздавалась, но фактически была выведена за пределы общесоюзного культурного пространства. А Яков Васильевич Абрамов вообще оказался за рамками истории российской культуры. Опального писателя-просветителя ещё до недавнего времени практически не знали даже на его малой родине – Ставрополье... Впрочем, и сегодня в исторической части города Ставрополя нет ни одного дома, на котором была бы установлена мемориальная доска в память об этом великом историческом и культурном деятеле России, нет и стелы в его честь на аллее почётных граждан краевого центра... Оказывается, мы ещё очень плохо знаем историю своей малой родины.

В чём же причина такого странного забвения павленковской серии «ЖЗЛ» и всего того, что созидалось силой творческой мысли Якова Абрамова во имя России, Северного Кавказа и Ставрополья? Дело в том, что как идеолог русского народничества 80-х – 90-х годов XIX века он принадлежал к той части демократически настро-

енной интеллигенции, которая не разделяла революционных устремлений, порывов и программ. В советской историографии этот период общественного движения именовался временем «либерального народничества», которое упрекалось за отказ от революционных форм общественной борьбы, а его деятельность сводилась только к культуртрегерству и проповеди «малых дел». Абрамов был объявлен создателем и главным теоретиком «малых дел», а движение, им возглавлявшееся, получило пренебрежительное название «абрамовщина»... Что ж, великий просветитель, действительно, был серьёзным оппонентом российских «последовательных марксистов», которых, как выразился герой-повествователь его рассказа «Гамлеты – пара на грош», Карл Маркс, создатель научной теории социализма – если бы их знал! – «трижды проклял бы».

Не забудем, что к 1890-му году, то есть к тому времени, когда в издательстве Павленкова начали выходить первые книги-биографии серии «ЖЗЛ», Яков Абрамов был уже поистине властителем дум народнической интеллигенции, к которой он обращался с призывом «идти в народ» на «великую культурную работу» во имя «общего блага». Он пророчествовал о появлении человека нового типа, о преодолении нищеты и высвобождении творческих сил человеческой личности. Абрамов был ярким и самобытным мыслителем, создавшим программу «малых и великих дел», в которой воплощалась идея «постепеновства снизу», тезис о продуктивности эволюционных форм общественного прогресса.

Проповедь действенной «работы в народе», с которой народник Абрамов обращался к молодёжи со страниц самой популярной в 1880-е – 1890-е годы газеты «Неделя» и других массовых изданий,

находила благодарный отклик. На его призыв «работать в народе» отзывалась та образованная часть русского общества, которая стремилась помогать обездоленной части общества «в её трудной борьбе с доморощенным кулачеством и быстро нарождающейся... буржуазией», помогать в преодолении всех отрицательных сторон рыночной экономики, в равной степени очевидных и закономерных. «“Внешние условия” – это очень удобный термин для объяснения бездеятельности всех тех, кто предпочитает сидеть сложа руки вместо того чтобы работать», – писал он. Воодушевлённые идеями Абрамова тысячи молодых людей шли работать народными учителями, деревенскими врачами, акушерками, агрономами, техниками, библиотекарями и т. д. в малые города и деревни, реализуя таким образом первую часть абрамовской программы, вошедшей в общественное сознание как теория и практика «малых дел». Речь шла о скромной деятельности труженика – человека «среднего типа», не «героя» и не «тряпки». Этот важный исторический факт отмечался в «Русском биографическом словаре» Брокгауза и Ефрона ещё при жизни Якова Васильевича Абрамова.

Но вернёмся к истории издательской серии «ЖЗЛ». Да и как не вернуться, если она вошла в жизнь каждого образованного и культурного человека, если её огромное значение Дмитрий Лихачёв, страстный ревнитель русской культуры, усматривал в том, что «через историю личности она раскрывает всё богатство и многообразие культуры прошлого. Биографии людей, послуживших прогрессу человечества, – писал он, – несут в себе огромную воспитательную ценность». Такую запись Дмитрий Сергеевич Лихачёв оставил в книге почетных гостей издательства «Молодая гвардия».

Мысль о воспитательном значении тех примеров, каковыми являются жизни замечательных, выдающихся людей, ещё задолго до академика Лихачёва высказал Яков Абрамов в своём рассказе «Мещанский мыслитель».

В заготовке этого рассказа, с которым Абрамов появился у Глеба Ивановича Успенского в конце 1879 года, содержался замысел проекта, который спустя десять лет будет воплощён в издательстве Флорентия Павленкова в виде книгоиздательской серии «ЖЗЛ».

Здесь начинающий писатель зафиксировал саму идею массового издания и полезного чтения популярно-научных книг-биографий: им уже тогда продумывалась концепция-программа широкой просветительской работы, целью которой было помочь тем, у кого «мысль начинала работать».

Герой этого рассказа мещанин Востряков, наметив линию своего развития, начал с чтения произведений писателей-демократов 1860-х годов, выделив особо «Подлиповцев» Решетникова, но затем не стал читать «книги о жизни русского человека в деревне, на фабриках» и т. д., так как не находил в них ответа на вопрос «как нужно жить?», а изображавшуюся в этих книгах жизнь он и без чтения знал по собственному опыту.

Желание показать хороший пример служения людям, объяснить им, что надо «любить», а не «бить друг друга», вызвало у Вострякова потребность знакомиться с жизнеописаниями «великих людей». Герой Абрамова в процессе развития его мирозерцания начинает понимать: для уничтожения зла на земле надо развивать ум людей, укреплять нравственность, надо заниматься просветлением сознания каждого человека. Вот как повествует об этом писатель, освещая в этой исто-

рии роль гимназиста Ворохова, приятеля Вострякова, приобщавшего его к чтению, к знанию, к общечеловеческому культурному достоянию.

«Но как?... Как добиться того, чтобы все эти люди поняли, что нужно не драться, не резать, не обсчитывать, а любить?... Гриша не знал, как ответить на этот вопрос, но решил, что он должен, непременно должен додуматься до удовлетворительного ответа.

И он додумался. Однажды он пришел к Ворохову и спросил его: – Вот, вы мне читали и рассказывали про разные машины... Или вот – говорили, как какой-то ученый узнал про обращение крови... Прочитайте мне теперь или расскажите, – как жили они сами, кто выдумал машины, и кровообращение, и электричество, и железные дороги, и всё...

– С удовольствием, согласился Ворохов. – Только почему тебе захотелось узнать именно это?

– Да мне хочется знать, скоро ли им поверили...

– Ну, нет, брат, не очень-то скоро. Иной так и умирал, не добившись, чтоб ему поверили, и только после смерти об нём добром вспомнили. А иногда целую жизнь преследовали и даже заставляли отказываться от того, до чего он додумался...

– Вот, вот, это-то самое мне и почитайте!..

И они в течение нескольких недель занимались чтением биографий “благодетелей человечества”. Гриша с напряжённым вниманием слушал это чтение. Мысль о том, что только любовь может спасти мир, что об этом знает только он один, и больше никто, и что он в скором времени должен выступить с проповедью любви, возвышала его в собственных глазах и даже побуждала его считать себя равным тем великим людям, жизнеописания которых он слушал. <...> ...Гриша слушал чтение биографий с каким-то особенным, родственным

сочувствием: ведь и ему придётся перенести то же, что перенесли все эти изобретатели и мыслители, и он будет делать то же, что делали они.

Две черты особенно поразили Гришу во всех биографиях великий людей: постоянство и упорство, с которым они преследовали, раз намеченные цели, и страдания и преследования, которым они подвергались. Черты эти были общи всем биографиям и являлись чем-то необходимым в деятельности людей, вносящих новую мысль в мир. И Гриша решил подготовиться к предстоящей ему деятельности, выработав в себе, во-первых, умение вести дело проповеди любви, а во-вторых – способность переносить всякие страдания». В таких надеждах и целях укрепляло героя Абрамова и чтение Евангелия.

Когда рассказ «Мещанский мыслитель» был опубликован, автору было всего 22 года. Но к мысли об изучении биографий «благодетелей человечества» он пришёл значительно раньше, когда ещё с раннего детства целенаправленно занимался самовоспитанием и самообразованием. Что могла дать пытливому отроку провинциальная гимназия? Только умение, как он писал в своём дневнике тех лет, «склонять и спрягать латинские, греческие и немецкие слова». «Если это знание, – с горечью отмечал он, – то это и сила. На что же приложима эта сила? На то, чтоб под прикрытием этой силы смело развернуть любой словарь».

Сама идея полезного чтения книг-биографий о «благодетелях человечества», «замечательных людях», обогащавших своей мыслью и своими открытиями всё человечество, возникла в сознании юного Якова Абрамова вовсе не случайно. Всё, о чём он писал в разные годы, объединяет одно важное качество – реальная основа и личностное пережи-

вание изображаемого. Автобиографическое начало всегда хорошо просматривается в его художественных и публицистических произведениях. Вот и в «Мещанском мыслителе» запечатлена история его внутренней жизни, напряжённость духовных исканий, воссозданы картины быта и собственного бытия. Начинается, например, рассказ с описания случайного знакомства автора с его героем, состоявшегося при весьма неординарных обстоятельствах, свидетелем которых он стал, «шляясь по ярмарке родного города». Это случилось на Александровской, или по-народному – Базарной площади Ставрополя-Кавказского. В детстве и ранней юности к книге, к знанию Якову Абрамову приходилось пробиваться, преодолевая жёсткое сопротивление мещанской, невежественной, агрессивной среды. Он был четвёртым ребёнком в семье и единственным из пяти детей Абрамовых, кто обучался в гимназии. Судя по всему, отдавая его в гимназию, родители преследовали сугубо прагматические цели: получив образование, он мог приносить семье ощутимый доход. Детство Якова Абрамова очень напоминает историю Алёши Пешкова, будущего писателя Максима Горького... Круг интересов и круг чтения будущего российского просветителя был необычайно широк. Самого Абрамова в трудной жизненной борьбе за право на осмысленное существование, на осуществление своего призвания (а уже в те годы разносторонне одарённый подросток интуитивно угадывал в себе это призвание!) вдохновляли примеры «благодетелей человечества», сумевших, вопреки всем препятствиям и жизненным невзгодам, сохранить в себе высокую веру в собственное предназначение, сохранить и раскрыть в полной мере свой талант, свои творческие способности. Именно так в созна-

нии будущего российского просветителя ещё на пороге его взрослой жизни возникла идея необходимости создания книг-жизнеописаний замечательных людей.

Своими планами и мыслями создатель «Мещанского мыслителя» делился с Глебом Ивановичем Успенским, который и познакомил его с книгоиздателем-просветителем Павленковым. Успенский и Павленков были большими друзьями, много у них было общего, многим они делились друг с другом. И, конечно, знаменитый писатель рекомендовал Павленкову своего молодого друга как литератора, подающего большие надежды.

В издательстве Павленкова в 1884 году вышла первая книга художественной прозы Якова Абрамова «В поисках за правдой», в которую автор включил и рассказ «Мещанский мыслитель». Она сразу же была запрещена церковной цензурой... В этой книге немало страниц было посвящено изображению жизни сектантских общин на Юге России, в Ставропольской губернии и на «землях Войска Донского». Как позже писал Абрамов в своих воспоминаниях о Глебе Успенском, уже во время их первой встречи он заинтересованно расспрашивал его о «сектантском движении», «исследованием которого преимущественно занимался» Абрамов в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов, «расспрашивал о работах, уже выполненных» им, о тех вопросах и темах, на которых он «имел в виду остановиться в будущем». То, что тираж первой книги Якова Абрамова был полностью уничтожен прямо в издательстве Павленкова, Глеб Успенский переживал столь же тяжело, как и её автор. В письме к известному публицисту и редактору газеты «Русские ведомости» В. М. Соболевскому он писал в конце сентября 1884 года: «Павленков издатель вполне солидный,

но и его расшатывает цензура, на днях у него уничтожили два издания, Пругавина и Абрамова...». И в восьмидесятые, и в девяностые годы XIX века Абрамов сотрудничал с Павленковым, издавая у него не только свои книги в серии «ЖЗЛ», но и «Сельский календарь», популярные юридические брошюры, принимая самое непосредственное участие в составлении «Энциклопедического словаря издателя Ф. Павленкова», который выдержал пять изданий. О работе Я. В. Абрамова в этом «Словаре» до сих пор нет сведений даже в очень солидных библиографических описаниях.

Владимир Десятерик – один из немногих современных авторов, занимающихся историей издательской серии «ЖЗЛ», – недавно писал о том, что «сейчас не просто определить, кто побудил Флорентия Павленкова заняться биографическим жанром». Отдавая должное знаменитому ставропольцу Якову Васильевичу Абрамову, мы можем устранить этот пробел в истории нашей отечественной культуры.

Что объединяло Абрамова и Павленкова в планах и надеждах на серию «ЖЗЛ»? Оба они считали, что «Биографическая библиотека» «должна демонстрировать в сердцах читающей молодёжи веру в человека» (слова Флорентия Фёдоровича Павленкова).

Абрамов в годы работы в Петербурге (1879 – 1890) и в последующее время печатался в очень многих периодических изданиях, реализуя свою главную задачу – способствовать «просветлению сознания» народов России.

Проект «ЖЗЛ» стал одним из важных этапов в реализации такой задачи. Когда Салтыков-Щедрин и Григорий Елисеев, опять же при содействии Глеба Успенского, предложили ему в 1880-м году сотрудничество в самом лучшем в то время

демократическом органе – журнале «Отечественные записки», то не ошиблись в нём как «талантливом» писателе. Это оценка принадлежит автору «Истории одного города» и «Господ Головлёвых». Спустя четыре года Салтыков-Щедрин поручил Абрамову руководство отделом «Внутреннее обозрение» – одним из самых сложных и ответственных отделов этого журнала.

Уже в середине девяностых годов в своей программной статье «Малые и великие дела», написанной в Ставрополе, Яков Абрамов обозначил основные направления работы интеллигенции в народе, с позиций подлинного историзма определяя цели и пути реализации «задач человеческой цивилизации» в перспективе осуществления программы-минимум («малые дела») и программы-максимум («великие дела», то есть постепенное обновление самого «строя жизни», прогрессивное развитие всех сторон общественной, народной жизни – экономики, культуры, образования, науки, социальной сферы, медицины, государственного устройства, законотворчества и т. д.). Такое социальное содержание ничего общего не имело с тем представлением об «абрамовщине», которое с лёгкой руки экономиста и редактора многочисленных литературно-политических изданий Петра Струве в сознании оппонентов Абрамова закрепилось за этой программой. А в результате десятилетиями искажался подлинный облик народнического идеолога и писателя, «народного заступника», «искателя правды» и справедливости.

«Будущность России» Абрамов связывал с уяснением факторов развития народной жизни в условиях капитализма и усиливающегося расслоения русского общества, с познанием «силы и способности русского народного духа», «умствен-

ной деятельности русского народа», его способности «к творчеству новых форм жизни».

«Биографическая библиотека» – это, таким образом, часть широкой просветительской деятельности и Павленкова, и Абрамова. Как автор многочисленных книг, брошюр, статей, публикаций для самых широких читательских кругов, в которых популяризировались данные современной науки, анализировалось состояние экономики и социальных отношений, обобщался опыт работы земских учреждений и воскресных школ, Абрамов тоже реализовывал свои просветительские задачи. В течение многих лет на страницах журнала «Русская школа» он вёл хронику народного образования и библиотечного дела в России, доказывал необходимость открытия бесплатных народных библиотек и обновления всей системы народного образования. Такие выступления в печати оказывали мощное воздействие на общественное сознание, и к концу XIX века в России, например, народных бесплатных библиотек и читален, кстати, благодаря и благотворительной инициативе Флорентия Фёдоровича Павленкова, насчитывалось уже более трёх тысяч.

Книги самого Абрамова в серии «ЖЗЛ» начали выходить в 1891 году. Это были книги о жизни и деятельности знаменитого путешественника, исследователя Африки Генри Мортон Стэнли, мореплавателя, открывателя Америки Христофора Колумба, американского политического деятеля, изобретателя и писателя Бенджамина Франклина, российского государственного и общественного деятеля, учёного, инженера, просветителя, основателя Харьковского университета Василия Назаровича Каразина, английского физика-экспериментатора и химика Майкла Фарадея,

швейцарского педагога, одного из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII – начала XIX века Иоганна Генриха Песталоцци, английского инженера-механика, изобретателя паровоза Джорджа Стефенсона и американского инженера, создателя одного из первых пароходов и проекта одной из первых подводных лодок Роберта Фултона. Именно Абрамовым был создан жанрово-типологический канон популярно-научных биографий, именно его жизнеописания «благодетелей человечества» стали примерами классической образцовости книг серии «ЖЗЛ». Связь биографий «великих людей», составивших эту серию, с идеей героя рассказа «Мещанский мыслитель» подчеркивается тем, что в книге о Христофоре Колумбе открыватель Америки характеризуется определениями именно этого абрамовского героя: «В настоящее время, ввиду предстоящего (12 октября 1892 года) четырёхсотлетия открытия Америки Колумбом, готовится целый ряд чествований памяти этого благодетеля человечества». На такую связь указывает и тот факт, что о будущих героях своих книг-биографий – о Колумбе, Песталоцци, Фарадее, как и о первых поселенцах Северной Америки, – Абрамов много читал (причём, не только на русском языке) ещё в самой ранней юности, оставив в своём дневнике тех лет записи о том, сколь полезны для народа популярные книги о деятельности «замечательных людей». Так, закрывая последнюю страницу издания 1871 года «Истории солнечного луча» Фарадея – героя его будущей книги в серии «ЖЗЛ», – восемнадцатилетний Яков Абрамов записал в своём ставропольском дневнике: «Популярная книга, написанная живым, увлекательным языком, даёт очень обстоятельные сведения из оптики...». «Книга очень

полезная...», «Книга написана хорошо, горячо...», «Превосходное руководство и пособие...», «Книга даёт ясную и верную картину... жизни человека...» – подобные оценки научных и популярных изданий, которые читал юный Абрамов, часто встречаются на страницах его дневника 1876 – 1878 годов. «Великие люди», чьи труды он изучал с огромным интересом или о достижениях которых узнавал из всякого рода биографических описаний, были для будущего просветителя в числе тех, с кого можно было «делать жизнь».

И в своих книгах серии «ЖЗЛ» Абрамов, как правило, уже в самом начале повествования говорит о результатах деятельности своего героя, о том, чем привлекательна и поучительна история его жизни. «Франклин имел счастье оказать своей родине услуги, подобные которым удастся оказывать своему отечеству лишь немногим, – пишет он в преамбуле к книге-биографии этого американского изобретателя и писателя. – ... Но он работал не только для своей родины. Многое из того, что он создал в своем отечестве, сделалось достоянием всего цивилизованного мира...». Подобная установка определяет стратегию сюжетного развития: «Описание жизни Бенджамина Франклина представляет собою одну из самых поучительных биографий, – продолжает автор. – ...Каждому описание его жизни даст что-либо ценное, каждого оно научит чему-нибудь, а всем вообще покажет, как много может сделать человек, когда в нем к хорошим стремлениям присоединяются правильно настроенный ум и сильная, хотя и спокойная, энергия». В книгах-биографиях «благодетелей человечества» Яков Абрамов представлял читателю «замечательных людей» разных эпох и этнокультурных традиций, утверждая при этом

ценности общечеловеческого характера. Это был материал для «продолжительной работы мысли» людей думающих, ищущих, занимающихся саморазвитием и самовоспитанием. То, что героями его популярно-научных биографий являются люди как второй половины XV – начала XVI века (Колумб), так и современники автора (Стэнли), значило многое: писатель показывал, что любая эпоха может выдвинуть «благодетеля человечества», что человек не только зависит от среды и времени, но и сам, благодаря творческой деятельности, может оказывать огромное влияние на культуру и «порядок жизни».

Жизнеописания «замечательных людей» помогали формировать в сознании новых поколений идеал Человека. Сверхзадачу книги о Стэнли, например, Яков Абрамов видел не в описании его четырёх экспедиций вглубь Африки, а в том, чтобы показать «нравственные и умственные качества» своего героя, уникальность личности знаменитого путешественника, суть которой заключалась в том, что, с одной стороны, «своей блестящей карьерой» он был «всецело обязан исключительно себе, своей необычайной энергии, своим неординарным нравственным и умственным качествам», а с другой, – что «при всей практичности своей натуры» он мог «оставаться всю свою жизнь человеком идеи, борцом за человека и его достоинство, защитником слабых и противником угнетателей».

Книги серии «ЖЗЛ» продолжали выходить и после смерти талантливого издателя и редактора Флорентия Павленкова в 1900 году. Удивительный книжный проект «ЖЗЛ», который, благодаря поддержке и содействию писателя-демократа Глеба Успенского, стал реальным осуществлением идеи великого просветителя Якова Абрамова, продолжа-

ет выполнять свою культурную миссию и в наши дни. Это один из очень редких примеров «долголетия», воплощаемого в человеческой деятельности интеллектуального и творческого замысла.

Яков Васильевич Абрамов не надолго пережил своих сподвижников по реализации книгоиздательского проекта «ЖЗЛ». На смерть Флорентия Фёдоровича Павленкова он откликнулся статьёй «Завещание Ф. Ф. Павленкова», в которой откровенно говорил о том, что «другого такого бессребреника не видел» среди тех, кто занимался издательской деятельностью. А после ухода из жизни Глеба Ивановича Успенского Абрамов писал о нём в 1902 году как о «замечательном человеке», позже ставшим, как и Павленков, героем одной из книг этой нестареющей издательской серии. До конца дней Яков Васильевич Абрамов сохранил в своём сердце любовь и чувство благодарности этим подвижникам русской культуры. Так, в воспоминаниях о Глебе Ивановиче Успенском он писал о том, что такое чувство «только укреплялось с течением времени». «Одно присутствие... этого необычайно доброго, душевного человека», «человека “не от мира сего”... по чистоте души, по своей поразительной незлобivosti и прямо неземной доброте...согревало каждого», – такими словами Абрамов определил человеческую суть своего наставника и друга.

Российским городам Ставрополю и Петербургу, давшим союз трёх выдающихся личностей отечественной истории и культуры – Якова Абрамова, Глеба Успенского и Флорентия Павленкова, мы обязаны появлению и существованию книгоиздательского феномена «Жизнь замечательных людей», воспитательная, просветительская и эстетическая роль которого только возрастает в движении эпох.

Беседы о поэтическом мастерстве

I

Невольники вдохновения

Далеко не всякому человеку дан от природы талант поэта, однако сочинять стихи для себя и своих близких, как известно, никому не возбраняется. Жаль только, что многие сочинители не помнят о том, что не все стихи – поэзия и не каждый имеет право присваивать себе высокое звание поэта.

Поэзия – особая территория, недоступная для многих, как заоблачная вершина Джомолунгмы для паралитика, как солнечный колорит полотен Ван Гога для дальтоника, как изысканная музыка Вивальди для глухого.

Поэт – исследователь и воспитатель человеческой души. Он не может быть легкомысленным весельчаком-зубоскалом: тонкая душевная организация делает его вдумчивым и печальным, ибо тяжкий груз невзгод людских, вся скорбь чужих и собственных утрат ложится на плечи его.

**ИВАН
АКСЕНОВ**

**Литературо-
ведение**

Поэт – невольник вдохновения, налетающего неожиданно, подобно шквалу. Но одного лишь вдохновения мало: оно иссякает так же внезапно, как и возникло. Однако оно даёт властный импульс мысли и чувству. Остальное же – дело мастерства, умения шлифовать стихи с таким же терпением, с каким искусный ювелир обрабатывает алмаз, чтобы в итоге получился сверкающий разноцветными гранями чистой воды бриллиант.

К сожалению, даже многие маститые поэты этого делать не умеют или не хотят, удовлетворяясь тем, что в один их присест вылилось на бумагу, и скороспелые стихи эти благополучно кочуют из одного их сборника в другой, а неискушённые читатели думают, что это и есть образцы истинной поэзии, раз они освящены громким именем автора.

Трудно сейчас найти литератора, который не сетовал бы на то, что из-за мизерных тиражей книг только узкому кругу людей известны его стихи. Но на это с полным правом мог бы посетовать и сам Пушкин: при жизни его творчество знали в основном читатели Петербурга и Москвы, да и тех было не столь уж много, потому что образованными были только дворяне, но, как известно, далеко не каждый образованный человек любит поэзию. Не был слишком широким круг поклонников и у поэтов Серебряного века.

Конечно, можно позавидовать кое-кому из стихотворцев 60-70-х годов XX века, когда массовыми тиражами издавались литературные журналы, опубликовать в которых свои стихи означало враз приобрести всесоюзную известность. Но всё это осталось в прошлом, заронив в нашу память несколько громких имён. Ныне же, как и в Серебряный век, тиражи в 200-300 экземпляров стали

явлением рядовым, и поэт, даже очень талантливый, обречен на прозябание в безвестности.

Единственное утешение для него – сознание того, что поэзия никогда не имела массового читателя, как и классическая музыка – массового слушателя. Настоящий ценитель стихов – такая же редкость, как и настоящий поэт. Чтобы поэзия находила отклик в сердце, оно должно быть плодородной почвой, старательно возделанной целенаправленным воспитанием или самовоспитанием. Только при этом условии стихи врастают в сознание и сердце, подобно древесным корням, и питают самые тонкие, самые добрые чувства.

Удивительно то, с какой лёгкостью многие, едва научившись кое-как рифмовать, называют себя поэтами. Раньше были самозванцы, объявлявшие себя царями или царскими отпрысками, теперь же стало модно присваивать себе звучное имя поэта.

Особенно нелепо звучит это слово в применении к женщине. Некоторые из литературных дам заявляют категорически: «Я не поэтесса, я – поэт!» Такое впечатление, что они не сумели определить собственную половую принадлежность. А ведь в русском языке издавна принято было по отношению к представительницам прекрасного пола использовать слова: «принцесса», а не «принц», «баронесса», а не «барон», «актриса», а не «актёр», «поэтесса», а не «поэт». Были, разумеется, и исключения. Зинаида Гиппиус, наверное, считала себя поэтом, потому что писала стихи от имени мужчины, да и псевдоним у неё был мужской – «Антон Крайний». Почему же нынешние создательницы вполне женских стихов так хотят выглядеть мужчинами?

Можно себе представить, как были бы оскорблены талантливые поэтессы XIX века Каролина Павлова, Евдокия Растопчина, Юлия Жадовская, Мирра Лохвицкая, Ольга Чюмина, если бы их словом «поэт» приравняли к мужчинам: превыше всего ценили они в себе женственность.

Баснописец Крылов сказал как-то:

*Беда, коль пироги начнёт пекти сапожник,
А сапоги тачать пирожник.*

Почему-то многим людям кажется, будто стихи может писать каждый, в то время как делать хирургические операции или дирижировать симфоническим оркестром способен только специалист. Не обладая ни даром стихотворца, ни грамотностью и усидчивостью, они издают толстые сборники малограмотных виршей в гляцевых переплётах и гордо именуют себя поэтами.

*Молю у Музы огоньку,
Чтобы писать из уст Пегаса
Лишь чистокровную строку, –*

заявила одна дама, каждой строкой своей книги стихов показавшая читателям, что с русским языком она, как поётся в народной песне, «не в любви живёт, не в согласии», хотя искренне убеждена, что отмечена печатью могучего таланта.

У другой дамы «всё чаще скучная зевота исходит всеу от ланит» и «дни серебряным строем вериг разбегаются в одночасье». Неужели так трудно взять в руки толковый словарь русского языка, чтобы узнать, что лошадиный рот называть «уста-ми» не совсем грамотно, что «писать из уст» никак нельзя, так как рот не чернильница, что ланиты –

это щёки и зевота исходить из щёк не может, а вериги не могут разбегаться «серебряным строем», ибо это ржавые цепи и гири, которые в старину носили на себе фанатики-юродивые?

Поэт всегда сомневается в своём таланте, графоман – никогда. «Литературный энциклопедический словарь» даёт такое определение графомании: «...болезненная страсть к сочинительству, не подкреплённая природным дарованием. Графомания обычно возникает на почве наивного представления о лёгкости и доступности писательского труда, а также в результате переоценки собственных творческих возможностей».

Поэт Андрей Белый сказал: «Талант, вдохновение – вздор. Без работы на них далеко не уедешь. Талант не поможет, если нет воли к труду, к физической чёрной работе».

Вот эта воля к труду, муки творчества графоману чужды. Скажи ему, что стихотворение – это плод упорной работы, и он посмеётся над тобой и самодовольно заявит, что сам-то он пишет легко, без малейшего усилия, будто кто-то диктует ему уже готовое стихотворение. Иными словами, он ощущает себя гением, он панибратски похлопывает великих поэтов по плечу и в стихах своих называет Пушкина Сашей, а Есенина – Серёжей. Он ни за что не поверит, что тот же Пушкин тщательно отделявал свои стихи (достаточно увидеть его черновики, чтобы убедиться в этом). А если и поверит, то сделает вывод, что он гениальнее Пушкина, потому что пишет без всякой правки, ибо уже достиг пика совершенства.

Но тот, кто взялся за перо, решив посвятить себя литературному творчеству, должен помнить, что он обрёл себя на труд, требующий напряжения всех

сил, огромной усидчивости, неиссякаемого терпения, при одном, разумеется, важном условии – наличии таланта. Рассчитывать же на литературную славу – величайшая глупость: её поэт не добьётся, будь он семи пядей во лбу. Ничего не поделаешь – время нынче не поэтическое.

Грустно, что многие доморощенные «поэты» не знают высоких поэтических образцов, потому что не читали ни Анны Ахматовой, ни Николая Гумилева, ни Блока, ни Андрея Белого, а ориентируются на постыдно безграмотные и пустые тексты песен, звучащих с телеэкрана и по радио. Чему можно научиться у авторов таких «перлов», как «Банька моя, я твой тазик» или «Я не хочу ничто терять»? Если первый пример просто глуп, то второй – элементарно безграмотен, по-русски так не говорят.

Часто авторы стихов не в ладах с грамматикой. Пишут: «Я так скучаю за тобой!» (вместо «по тебе»), «Я белое платье одела» (вместо «надела»), «Хватит писем мне писать» (вместо «письма»), «Ты говорил мне нежных слов» (вместо «нежные слова»). Многие неправильно ставят ударения («мытарства», «людям», «избалованная»), употребляют слова в несвойственном им значении, не потрудившись при этом справиться в словаре. Грешат начинающие поэты словами молодежного жаргона и вульгаризмами.

Итак, талант – это прежде всего труд. Труд упорный и тяжёлый. Кто боится большого напряжения сил, пусть не берётся за это дело. «Ни дня без строчки!» – вот лозунг писателя. Как мышцы слабеют от безделья, так слабеет и мозг без ежедневной тренировки. Пусть потом вы уничтожите всё, что написали, это совершенно нормально: человек развивается, и то, что совсем недавно

казалось ему чуть ли не гениальным, со временем уже перестаёт казаться таковым. Вот почему великий Эдгар По для каждого нового издания подвергал все давно им написанные произведения самому серьёзному редактированию, шлифовал их до самой своей смерти.

Не надо спешить отдавать только что написанное произведение в редакцию газеты. Поработайте над ним еще несколько дней, а потом спрячьте подальше – пусть оно хорошенько отлежится: может быть, через месяц-другой оно покажется вам настолько слабым, что вам уже не захочется никому его показывать.

Итак, да здравствуют муки творчества!

Тайна поэзии

Непросто найти человека, который ни разу в жизни не пробовал сочинять стихи. В наше время едва ли не поголовной грамотности литературным творчеством пытаются заниматься многие. Но древние говорили: “Nascuntur poetae, fiunt oratores» («поэтами рождаются, ораторами делаются»). Валерий Брюсов утверждал, что, если человек не родился поэтом, он им не станет, сколько бы к этому ни стремился. Взяться за сочинение стихов лет в двадцать пять или тридцать уже поздно: если человек не занимался этим с детских лет, значит, у него нет к этому призвания.

Итак, поэтическим талантом природа одарила далеко не всех. И стихи, написанные к торжественным датам, и «открыточно-поздравительные» стихи, несомненно, имеют право на существование, раз они нравятся родным и знакомым сочинившего их, но публиковать их не стоит: как правило,

чувства выражены в них так неумело, что, когда подобные творения звучат по радио и телевидению, появляются на страницах газет, вызывают чувство неловкости, какое вызывают любые интимные слова и действия, вынесенные на всеобщий суд.

Многим людям, сочиняющим стихи, не хватает элементарных знаний об основах стихосложения, они не имеют ни малейшего представления о том, чем поэтическая речь отличается от нашей обычной, повседневной речи.

Далеко не всякие стихи можно отнести к поэзии. Мало научиться соблюдать тот или иной стихотворный размер и правильно рифмовать, чтобы считать себя поэтом. Нужно научиться создавать художественные образы, способные вызвать у читателя глубокие душевные переживания. А это достигается немалыми трудами. Не верьте, будто стихотворение можно сочинить в один присест. Нужны многие дни, недели, а то и месяцы упорного труда. Достаточно познакомиться с черновиками Пушкина или Блока, поэтов, писавших, казалось бы, легко, как птица поёт, чтобы понять, как много приходилось им работать, добиваясь этого впечатления непринуждённой лёгкости и виртуозности.

Талант – это и в самом деле врождённое свойство. Но, чтобы стать поэтом, одного таланта мало, нужно научиться ещё и ремеслу. Необходимо, чтобы глубокие мысли и чувства выражены были в совершенной художественной форме. А для этого нужны беспрестанные опыты, этюды, чтобы овладеть техникой, добиться мастерства. Но даже тогда, когда человек уже овладеет всей суммой технических приёмов, его стихи могут так и не стать поэзией, если в них не трепещет живое сердце поэта. Мы знаем немало примеров, когда человек в

совершенстве владел техникой стихосложения, но писал стихи холодные, бездушные, оставляющие читателя равнодушным к заключённым в них мыслям и чувствам.

«Мысль и форма – одно, – сказал поэт Я. Полонский. – Это душа и тело, это жизнь... трудиться над стихом для поэта – то же, что трудиться над душой своей».

Стихи должны быть образными. Образность – это способность поэта создать картину, которую читатель воспринимает во всей полноте ощущений, очень ярко и зримо. Лишённые образности стихи к поэзии не имеют ровным счётом никакого отношения, какими бы интересными мыслями и сильными чувствами они ни были наполнены; это воспринимается как пустая болтовня, которая и в бытовом разговоре раздражает, а уж в стихах – тем более.

Настоящий поэт оттачивает и шлифует свои творения, он бережно отбирает слова и подгоняет их одно к другому так точно, что между ними нет никакого, даже незначительного зазора. Малейшая небрежность, одно неудачное слово – и получится брак. В талантливом стихотворении нельзя заменить ни одного слова без того, чтобы не испортить всё произведение. Самое заурядное слово, употребляемое нами в обыденной речи, в стихах настоящего мастера оказывается поставленным в такое окружение, что оно начинает сверкать неведомыми ранее гранями, как сверкает отшлифованный алмаз, заключённый в дорогую оправу. Выбрать единственное слово, самое ёмкое, самое колоритное из десятка синонимов – одна из важнейших задач для поэта.

В поэзии всегда должна ощущаться какая-то тайна. Сухая определённость убивает лирику.

Стихи Пастернака или Мандельштама могут быть загадочными, сложными для понимания, но они неотразимо действуют на чувства читателя, причем действие это ощущается ещё до того, как человек успел вникнуть в их смысл. Разумеется, речь здесь идёт о подготовленном читателе.

Есть читатели (впрочем, это касается и кое-кого из тех, кто причисляет себя к поэтам), которые убеждены в том, что главная цель поэзии – поучать людей, навязывая им с помощью стихов прописные истины («будь добрым», «будь честным», «уважай людей» и т.п.). Это глубочайшее заблуждение. Конечно, поэзия обладает огромной воспитательной силой, но сила эта действует не напрямую, не в лоб, а неощутимо, исподволь, всем своим образным строем. Время назидательных стихов, особенно характерных для средневековой литературы, закончилось уже в XVIII веке. Даже басня давно изжила себя. Современный читатель воспитан на лирической поэзии и терпеть не может, чтобы его поучали, пусть даже в очень совершенных стихах.

Подлинная поэзия предполагает сотворчество читателя с поэтом. Кто-то сказал, что поэзия для читателя – труд не меньший, чем для её создателя. Это очень верная мысль: надо остро пережить чувства поэта, воплощённые в стихи, так, словно это ты сам написал.

Неподготовленный читатель обычно к стихам равнодушен: они кажутся ему неестественными, нарочитыми, потому что в жизни никто не говорит в рифму. «Искусство – это событие, происходящее в нас самих, когда мы смотрим полотно или читаем книгу», – сказал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет. Если мы не умеем поставить себя на место

автора, не научились переживать его чувства, как свои собственные, стихи для нас так и останутся пустым звуком. Нужен особый настрой, нужна тонкая, умеющая глубоко чувствовать душа, нужна, наконец, внутренняя культура; человек с неразвитыми эмоциями ни стихов, ни настоящей музыки не воспринимает: стихи для него не более, чем поставленные в определённом порядке слова, а музыка – просто шум, набор звуков, хотя и определённым образом организованных.

Многие, считающие, что понимают и любят поэзию, способны ценить только стихи с ярко выраженным сюжетом, вроде вот этих:

*Они студентами были,
Они друг друга любили...*

Ну что ж, это уже первый шаг к пониманию поэзии, у такого читателя есть шансы научиться понимать и лирику. Гораздо хуже, когда человек совершенно глух к поэзии.

В отличие от эпических жанров (от баллады и басни, например), лирическая поэзия воздействует на чувства читателя непосредственно. Этого поэт добивается самыми разнообразными приёмами, причём у настоящего мастера приёмы эти не лежат на поверхности, не лезут назойливо в глаза. Именно поэтому и кажется, что шедевры созданы их авторами очень легко, без всякого намека на творческие муки.

Изложить основную мысль стихотворения, выразить свои чувства как можно более ярко при экономном использовании слов («Чтобы словам было тесно, мыслям просторно», – сказал Некрасов) – вот над чем обычно бьётся поэт. Многословие, столь характерное для прозы, поэзию убивает.

Чем длиннее стихотворение, тем меньше у него шансов быть дочитанным до конца, оно утомляет читателя своею монотонностью. Поэма, от начала и до конца написанная одним и тем же стихотворным размером (как, например, «За далью – даль» Твардовского), может отбить у человека желание читать её дальше. Лучше всего, если такое произведение делится на небольшие главки, каждая из которых имеет иной стихотворный размер, чем предыдущая.

Иногда в лирическом стихотворении может быть какой-то намёк на сюжет, на какие-то события и даже характеры, но всё это зыбко, неопределённо, таинственно. Главное же в лирике – это чувство, а не событие. Как самое заурядное женское лицо кажется под вуалью загадочным и прекрасным, так самый незамысловатый сюжет становится у большого мастера таинственным и тревожным. Хорошо сказал о своем знаменитом «Сомнамбулическом романсе» Федерико Гарсиа Лорка: «... Никто не знает, что произошло (в этом стихотворении), и даже я сам, потому что поэтическая тайна остаётся тайной для поэта, повествующего о ней, – он не может её разгадать».

Именно тайна привлекает нас в стихах, она будоражит наше воображение, заставляет наши сердца биться радостно или беспокойно, в унисон с сердцем самого поэта.

Метр и ритм стиха

Герой комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» господин Журден искренне удивился и несказанно обрадовался, узнав, что, оказывается, он всю жизнь говорил прозой, совершенно об этом

не подозревая. То, что он изъясняется не как-нибудь, а самой настоящей прозой, чрезвычайно повысило его в собственных глазах.

Мы же с вами несколько не удивляемся тому, что в обращении с людьми пользуемся прозой: нам известно со школьной скамьи, что так называется живая человеческая, свободно организованная речь.

Совсем иное дело – поэзия. То, что принято называть стихами, – прежде всего ритмически организованная речь. В стихах через равные промежутки повторяется ударный слог и есть, кроме того, концевые созвучия, называемые рифмами. Именно это и создает ритмический рисунок стихов. Из словесного хаоса ритм создаёт гармонию, придавая нашим обычным, стёршимся от постоянного употребления словам новое, торжественно-праздничное звучание. Человека, которому вздумалось бы в частном разговоре изложить в стихах какую-нибудь житейскую проблему, окружающие наверняка подняли бы на смех, потому что подобная речь звучала бы в высшей степени высокопарно, а значит – фальшиво. В трагедиях Шекспира, в драматических произведениях Пушкина герои говорят стихами, но мы воспринимаем это как должное: такова условность трагедии. А вот персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» Васисуалий Лоханкин, произносящий в адрес жены обличительный монолог в стихах, выглядит комично: «Волчица ты! Тебя я презираю. К любовнику уходишь от меня... так вот к кому ты от меня уходишь!» Уморительный эффект производит несовместимость жалкого, ничтожного хлюпика Васисуалия и торжественного звучания пятистопного ямба.

Герои античных трагедий или трагедий эпохи классицизма величественны, поэтому читатель готов легко поверить в то, что эти люди могут выражать свои могучие, страстные чувства в торжественных стихах; Лоханкин же жалок и глуп, а потому нелепы и изрекаемые им вирши.

В разговорной речи слова обычно сливаются в одно целое, поэтому иностранцу, изучавшему язык по книгам, очень трудно бывает научиться понимать устные высказывания на чужом языке. Иное дело – стихи. Здесь каждое слово весомо, значимо, а потому произносится отчётливо, отдельно от других слов. Стихи можно читать и про себя, особенно уже знакомые, но гораздо лучше воспринимаются они, когда прочитаны вслух. Как музыкальная партитура оживает лишь под руками исполнителя, так и стихи – только тогда оказывают мощное воздействие на чувства человека, когда они прочитаны вслух, особенно талантливым артистом.

Произведение, построенное по законам поэзии, называется стихотворением. Одна стихотворная строка – это стих. Поэтому ошибается тот, кто говорит: «Я прочитал новый стих». Это означает, что он прочитал всего одну стихотворную строку, а не всё стихотворение.

Основные черты стихотворной речи – это выразительность слова, насыщенность фразы паузами, эмоциональность этих пауз, звукопись. Именно эти средства (впрочем, и многие другие, о чём мы ещё поговорим) позволяют поэту убедительно и точно передать свои переживания. Современная русская поэзия пользуется силлаботонической (т.е. слогуударной) системой стихосложения, разработанной еще в XVIII веке Василием Тредиаковским и Михаилом Ломоносовым. Для

этой системы характерна своеобразная ритмическая инерция, заключающаяся в закономерном чередовании ударных и безударных слогов. Прочитав первую строку, мы уже настраиваемся на определённый ритм, заданный чередованием ударных и безударных слогов.

Из школьной программы каждый знает, что сочетание одного ударного слога с одним или несколькими безударными при регулярном повторении таких сочетаний называется стопой. Есть двусложные, трёхсложные и четырёхсложные стопы. В русской поэзии наиболее часто используются две первые.

К двусложным относятся хорей («Буря мглою небо кроет»), состоящий из ударного и безударного слогов, ямба («Горит восток зарёю новой») – из безударного и ударного. К трёхсложным – дактиль («Где твоё личико смуглое»), амфибрахий («По синим волнам океана»), анапест («Что ты жадно глядишь на дорогу...»). Обычно ударный слог мы обозначаем знаком –, а безударный – знаком И. Тогда по схеме стопа хорея выглядит так: – И, ямба: И –, дактиля: – И И, амфибрахия: И – И, анапеста: И И –.

В русском языке немало многосложных слов. В слове, независимо от числа слогов, может быть только одно ударение. Нередко там, где оно диктуется стихотворным размером, его может не быть. Пример: «Адмиралтейская игла» – всего два ударения, хотя это четырёхстопный ямба и ударений должно быть четыре.

Такое сочетание двух безударных слогов там, где должно быть сочетание безударного с ударным, называется пиррихией: (И И). А два ударных слога рядом, вместо сочетания ударного и безударного,

составляют спондей(– –). Пример: «Швед, русский колет, рубит, режет». Человеку, который сочиняет стихи, не знать этого нельзя, а тому, кто хочет поэзию понимать, знать это очень полезно.

Следует понимать также, что важную роль в стихе играет пауза, которая делит его на два полустишия и постоянно повторяется в стихотворении. Такую срединную, главную паузу называют цезурой (словоразделом). Обозначают ее знаком //.

«Сегодня, я вижу, // особенно грустен твой взгляд».

Цезур в стихе может быть несколько. Все они, кроме «большой», «постоянной», делящей стих посередине, называются «малыми». В коротком стихе цезуры может не быть: «Не знай печали». Зато в пятистопном и шестистопном ямбе она обязательна.

Ритм стиха и его метр (стихотворный размер) – не одно и то же. Ритм стиха зависит не только от его размера, но и от цезур, от пиррихий и спондеев. Стихи: «Пора, // пора! // Рога трубят» и «Я мало жил // и жил в плену» написаны четырёхстопным ямбом, но звучат они различно – из-за того, что цезуры стоят в них в разных местах (в первом стихе две цезуры, во втором – одна). Пушкин часто пользовался четырехстопным ямбом, но при этом создавал большое разнообразие ритмов, благодаря использованию цезур, пиррихий и спондеев.

Метр – это мера стиха вообще, а ритм – течение конкретного стихотворного текста.

Иногда ритм стиха может передать ритм жизни: человеческого труда, топота копыт и т.п. Вспомните прекрасную поэму А. Твардовского «Дом у дороги», где автору удалось очень точно передать ритм косябы в следующих строках:

*Коси, коса, пока роса,
Роса долой – и мы домой.*

Мерные удары волн о скалы звучат в стихотворении Альфреда Теннисона:

*Бей, бей, бей
В берега, многошумный прибой!*

(Перевод С. Маршака).

А у Редьярда Киплинга в стихотворении «Пыль» мы отчетливо слышим тяжелый грохот сапог солдат британского экспедиционного корпуса, шагающих по каменистой пустыне:

*День-ночь-день-ночь – мы идём по Африке,
День-ночь-день-ночь – всё по той же Африке.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отпуска нет на войне!*

(Перевод Ады Оношкович-Яцына).

Ритм одного из стихотворений Эдгара По удачно передаёт ритм ударов набатного колокола:

*Голос колокола дик:
Только крик, крик, крик!*

(Перевод В. Бетаки).

Ритм в стихотворении подобен ритму биения человеческого сердца, он наполняет пульс стиха, делая его полнозвучным, энергичным. Без него стихи звучат вяло, даже если содержание их глубоко по мысли и чувству.

Итак, в стихах важен ритм. Означает ли это, что всякий текст, лишённый чёткого стихотворного размера и рифмы, есть проза? Отнюдь нет. Есть стихи, лишённые рифм, однако имеющие метр; их

называют «белыми». Белым стихом написаны «Маленькие трагедии», «Борис Годунов», «Вновь я посетил...» Пушкина.

А есть стихи, не имеющие не только рифмы, но и метра. Это свободный стих, или верлибр. Во Франции, США, Германии он утвердился в XIX веке, получив большое распространение в XX. Большими мастерами верлибра были Уолт Уитмен, Поль Элюар, Жак Превьер, Гильвик, Бертольд Брехт. У нас верлибр появился в поэзии А. Блока и М. Кузьмина, хотя в переводных стихах звучал уже в середине XIX века. Сейчас многие русские поэты в своем творчестве прибегают к верлибру (у нас на Ставрополье – Станислав Подольский, например).

В верлибре ударения распределяются весьма свободно. Главное в нём – интонация, с какой произносится каждая строка, поэтому здесь многое зависит от графической стороны стихов, т.е. от того, как текст разбит на строки. Эта разбивка иногда кажется случайной, произвольной, но на самом деле она хорошо продумана. Набранный без разбивки на строки верлибр выглядит, как проза, потому что в нём нет никакого метрического ритма. Деление текста на строки обозначает концевые паузы, что позволяет поэту повысить выразительность слов. Только паузы и ёмкие метафоры делают подобные произведения стихами. Нередко свободные стихи публикуются без знаков препинания:

Отражение

*Поэт как отражение
на стёклах трамвая грохочущего
сквозь которое проклевываются
фонари*

видны афиши и тротуар
ласточки и прохожий
поэт как тень
на стекле трамвая вечернего
сквозь которую
виден
мир.

(Ст. Подольский)

«Рифма, звучная подруга...»

Иннокентий Анненский, один из лучших поэтов Серебряного века, утверждал, что вся ценность созданий поэзии заключается в «поэтическом гипнозе», который отличается от гипноза медицинского тем, что он «оставляет свободной мысль человека и даже усиливает в ней её творческий момент».

В самом деле, кому из нас не хотелось, после того, как мы прочли талантливые стихи, попробовать свои силы в поэтическом творчестве? Обнаружив в чужих стихах чувства близкие и понятные нам, мы неожиданно ощущаем и себя способными создать такую же красоту, выразить себя в стихах не менее звучных и нежных, чем те, что созданы великим поэтом.

Но... дерзостные мечты наши и наши возможности — это, к сожалению, не одно и то же. Те жалкие, полуграмотные вирши, что ложатся из-под нашего пера на бумагу, этот несвязный младенческий лепет отрезвляюще действует на нас, словно ледяной душ, и мы с щемящей горечью признаёмся себе, что бессильны выразить в стихах всю бездонную глубину наших чувств. И не приве-

ди нас Бог по простоте душевной прийти от собственного творенья в восторг и объявить себя – хотя бы в тайных мыслях – титаном! Это путь в тупик, в бездну разочарования, которое тем разрушительнее для души, чем позже наступает оно. Только постоянное недовольство собой, только способность холодным и непредвзятым взглядом увидеть создания своего ума, только готовность, подобно Гоголю, устроить им аутодафе, только все это продвигает человека – пусть мелкими, едва заметными шагами – к поэтическому мастерству, если, конечно, он обладает талантом.

Мне кажется, что самое удачное определение дал поэзии Кольридж: «Поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке». В самом деле, стихотворение только тогда безукоризненно, когда в нём нельзя без ущерба заменить хотя бы одно слово.

Стихи – это высшая форма речи. В них всё должно быть гармонично, совершенно до такой степени, что их уже невозможно дальше редактировать.

Важную роль в русском стихосложении играет рифма. **Рифма** – это повтор отдельных звуков или сочетаний их, связывающий окончания двух или нескольких стихов (напоминаю, что стихом называется стихотворная строка). Можно привести примеры:

*Истончается тонкий **тлен** –
Фиолетовый **гобелен**.*

(О. Мандельштам)

*Этим плечам ничего не **поднять**.
Нечего, значит, на Бога **пенять**.*

(Г. Иванов)

«Рифма – звучная подруга», – так образно

сказал Пушкин, поэт, который, особенно в зрелый период своего творчества, большое значение придавал точности и звучности рифм.

У неопытных стихотворцев есть одна довольно распространённая ошибка: часто они считают рифмой простое сходство ударной гласной, стоящей в последнем слоге. Они рифмуют: «глаза – вода», «в груди – крови», «у окна – слеза». А иногда пытаются рифмовать даже «звезда – моя», где между гласными под ударением совсем мало сходства. Такие рифмы обесценивают стихотворение, делают его невыразительным, малокровным. Читаешь рукописи начинающих (а иногда и пишущих стихи всю жизнь) и поражаешься глухоте их авторов, совершенно не ощущающих натянутости подобных рифм. По-видимому, они не произносят своих стихов вслух, иначе сразу бы почувствовали, что звучат они вяло и бесцветно. «Кусты – ушли», «повернув – грусть», «повеса – светом» – всё это к рифмам не имеет никакого отношения.

Поневоле вспоминается один из персонажей романа болгарского писателя Ивана Вазова «Отверженные», который утверждал, что в его эпиграмме:

*Изменил своему народу,
Продался за мамалыгу, –*

есть рифмы, потому что каждая строка кончается на «у».

Многие пользуются штампами, заготовками, десятки лет кочующими из стихотворения в стихотворение у бездарных поэтов: «моя – твоя», «мною – тобой», «кровь – любовь», над которыми критики иронизировали ещё в девятнадцатом веке.

Украшением стихов является рифма точная, когда повторяются одинаковые звуки не только под ударением, но и те, что следуют за ударной гласной: «есть – честь», «грёзы – слёзы».

Еще точнее рифма, когда совпадает еще и **опорный согласный звук**, то есть предшествующий ударной гласной: «том – кнутом», «прибой – тобой». А когда совпадают еще и несколько доударных звуков, – это уже **богатая** рифма: «как рай – край», «вдвоём – в твоём», «исторг – восторг», «разбег – Казбек».

Бывает и **неточная** рифма: «Россия – ветровые», «распят – паспорт». Нередко её называют **ассонансом**. Пользоваться подобной рифмой нужно деликатно, только опытные поэты умеют придать ей блеск, у начинающих она выглядит чаще всего тусклой и неуклюжей.

В наше время нежелательно использовать некоторые из рифм, которыми широко пользовался Пушкин; даже рифмы Некрасова, жившего и творившего позже, в значительной степени устарели; особенно это касается его излюбленных глагольных рифм («кается – задыхается», «не скупись – садись», «улетели – опустели»). Сейчас злоупотребление глагольной рифмой считается серьёзным недостатком, потому что эта рифма лёгкая, примитивная, рифмовать глаголы – дело очень простое. Со времён Некрасова прошло сто тридцать лет, и за это время русская поэзия шагнула далеко вперёд, особенно после тех открытий, которые сделали поэты Серебряного века, отточившие поэтическое мастерство до невиданного совершенства, так что теперь прибегать к глагольной рифме следует особенно осторожно.

Если вы поставили в конце строки глагол, то лучше подберите к нему другую часть речи, рифмующуюся с ним: «соединить – нить», «сберечь – речь», «греметь – медь».

Следует помнить также и о том, что рифмовать слова надо не по их написанию, а по их звучанию. Наверное, многие замечали, что стихотворение, произнесённое вслух, воспринимается несколько иначе, чем прочитанное про себя. Несомненно, стихи лучше всего читать вслух: они, как и музыка, должны звучать. Правда, нередко, слушая их в исполнении автора, не сразу замечаешь многие их недостатки, потому что больше внимания обращаешь на ритм, интонации, с которыми они произносятся. Когда же прочитаешь их собственными глазами, обнаруживаешь шероховатости, не замеченные ранее. Об этом следует помнить каждому начинающему стихотворцу: когда он сочиняет стихи, он мысленно вкладывает в каждую строку определённую интонацию, которая пропадает, если она не передана особым построением фразы, если не расставлены логические ударения. В таком случае читателю едва ли удастся прочесть стихи правильно, с теми интонациями, которые чудились в них самому автору. Кроме того, рифмуя, часто забывают о русском произношении. Нельзя, например, рифмовать «кого – легко», потому что «кого» произносится как «каво» и к нему рифмой будет скорее слово «травой» или «каково».

Не рифмуется и «встречный – конечно», потому что последнее слово произносится, как «конешно».

Иногда, очень редко, поэты используют **консонанс**, когда совпадают только согласные, а гласные – различны («крик – крюк», «кадр –

кедр», «дула-дела»).

Особенно интересна **составная** рифма («о поле – тополи», «кто же я – похожее»). Если она подобна по звучанию тому слову, с которым рифмуется («отдел – от дел», «сутками – сутками», «по рублю – порублю», «маловаты – мало ваты»), то её называют **каламбурной** рифмой. Мастером такой рифмы был Дмитрий Минаев:

Область рифм – моя **стихия**,
И легко пишу **стихи** я...
Даже к финским **скалам бурым**
Обращаюсь **с каламбуром**.

Обычно каламбурная рифма используется в шуточных стихах.

Слово, которое поставлено в рифму, произносится особенно отчётливо, с нажимом, а потому поэт старается, чтобы оно было особенно значимым. Различают **мужскую** рифму («светла – игла») – с ударением на последнем слоге, **женскую** («сила – просила») – с ударением на предпоследнем, **дактилическую** («ресторанами – пьяными») – на третьем от конца слоге. Есть еще **гипердактилическая** рифма, но она употребляется гораздо реже («опаловая – прикалывая»).

Рифмы связывают стихи в ритмические единицы более сложные, чем стих, – строфы. Простейшая строфа – **двустиишие**:

Нерешительная рука
Эти вывела облака.

(О. Мандельштам)

Есть **трёхстишие**, **терцет** (рифмовка может быть разная). Один из приемов:

Быть может, колокольчик голубой
Качается, тоскуя сам с собой,
Заводит тяжбу с медленной судьбой?

(К. Бальмонт)

Пожалуй, самой распространённой формой терцета являются терцины, которые использовал Данте в «Божественной Комедии».

Рифмы могут связывать стихи в **четверостишия (катрены), пятистишия, шестистишия (секстины), восьмистишия (октавы)** и т.д. В русской поэзии есть и так называемая «онегинская строфа», 14-стишие, придуманное Пушкиным. Всё это необходимо знать тому, кто увлекается поэтическим творчеством. Конечно, мастерство, «высший пилотаж» – это результат сочетания таланта с многолетними напряжёнными трудами. Добиться значительных результатов в поэтическом творчестве нелегко. Но, если уж кто-то взялся писать стихи, он должен перестать щадить себя. Поэзия требует полной самоотдачи, постоянного самопожертвования. Тому, кто не способен на это, лучше заняться чем-нибудь другим, более лёгким: коллекционированием спичечных этикеток, рыбной ловлей или разведением нутрий. Самая мудрая, самая прекрасная мысль – это выстрел вхолостую, если поэт не облёт её в совершенную форму. Поэтому не надо гнаться за количеством в ущерб качеству. И ещё следует помнить о том, что можно и при огромном трудолюбии не стать поэтом. Главное всё-таки – талант, и если его нет, никакое трудолюбие не выручит. А талант даётся очень немногим.

Музыка слова (Об аллитерациях и ассонансах)

Николай Гумилёв сказал однажды: «Какие бы глубокие и яркие чувства ни выражал поэт, они будут иметь ценность только для него самого, если не облечены в совершенную форму».

Ещё свежо в памяти у многих время, когда всякая забота о совершенстве формы произведения искусства клеймилась как формализм, а против этого явления полагалось бороться всеми средствами, вплоть до лагерей и расстрелов. Результат не замедлил сказаться: к значительной части нашей тогдашней литературы определение «художественная» оказалось совершенно неприменимо: она мало чем отличалась от журналистики. В качестве образцов для подражания предлагались книги-однодневки, в которых даже намёка на какие-либо художественные достоинства отыскать невозможно было, вопреки стараниям; стихи же в значительной своей части превратились в пустозвонные прокламации.

Это время прошло. Теперь уже каждому старшекласснику известно, что самое интересное содержание, самая яркая и значительная идея, не облечённые в безупречную художественную форму, произведениями искусства не становятся.

Поэзия – звучащее слово, а это значит, что поэт должен прежде всего заботиться о том, чтобы каждое слово в его стихах было значимым, полновесным, как пшеничный колос на обильно удобренном поле, и звучащим – то нежно, словно флейта, то звонко, подобно бронзе, то грозно и весело, как молодой раскатистый весенний гром.

Для того чтобы стихи всем строем своим воз-

действовали на чувства читателя, мало найти удачный стихотворный размер (ямб, хорей, дактиль, амфибрахий или анапест) и подобрать точные и звучные рифмы. Нужно позаботиться о том, чтобы всё стихотворение было тонко инструментовано.

Начинающий поэт берёт, как правило, первое попавшееся слово, лишь бы оно хоть немного подходило по смыслу: словарь его беден, и неопытному стихотворцу невдомёк, что можно найти ещё с десяток синонимов, годных на то, чтобы заменить пришедшее ему на ум слово, и что среди них есть одно – самое нужное, самое точное, самое выразительное слово. Что же касается звуковой стороны слов, то о её роли в поэзии он даже не подозревает или же считает всякую звукопись ненужной роскошью. В своих стихах он просто не замечает неблагозвучия, не старается избежать труднопроизносимых стечений согласных, потому что не знает приёмов, позволяющих придать стихам крылатость, сделать их плавными, гармонично звучащими.

Настоящий же мастер внимательно относится к каждому используемому им слову, добиваясь не только точности в передаче мысли, в выражении чувства, но и благозвучия, музыкальности стихов.

Сравните, например, такие строки: «Припаси на зубе яд, в километр жало вызмей...» и «Тихо льётся с клёнов листьев медь». Произнесите их вслух, и вы почувствуете, до чего же коряво звучат стихи Маяковского и как легко льются звуки в есенинской строке.

К сожалению, многие люди совершенно глухи к стихам, как глухи бывают к музыке (о таких принято говорить, что им «медведь на ухо наступил»).

Для них поэзия не более чем странный, непохожий на нашу привычную разговорную речь, набор слов, который невозможно осмыслить.

Можно ли преодолеть эту глухоту? Несомненно, можно. Но это требует определённых усилий, работы над собой. Грустно, что подобных людей немало среди начинающих стихотворцев. Уж им-то нужно постоянно читать и перечитывать стихи великих поэтов и старательно изучать законы, которым подчиняется поэтическое творчество. Кстати, чем больше начинающий знакомится с поэтической техникой, тем меньшее удовольствие получает он от собственных творений. Это побуждает его требовательнее относиться к самому себе, вдумчивее работать над своими стихами, что в конечном счёте приводит к росту его мастерства или же заставляет его отказаться от своих поэтических упрямств.

Благовзвучными стихи становятся тогда, когда поэт умело создаёт звуковые повторы. Это касается не только рифм. Очень важны в стихах аллитерации и ассонансы.

Уже в древности люди знали, что с помощью слова, звуков речи можно создать яркий образ, убедительную картину, изображающую то или иное явление. Недаром Гораций называл поэзию «живописью словом».

У нас в стране ещё в конце XII века неизвестный автор «Слова о полку Игореве» догадался передать топот копыт с помощью повторяющегося звука **п**: «С зарания в **пя**ток **по**то**п**таша **по**ганыя **по**л**к**ы **по**ловецкыя». Здесь явная аллитерация, хотя в ту пору даже термина такого не было.

Что же такое **аллитерация**? В литературоведе-

нии так называют повторение одного и того же согласного звука. Часто с помощью этого приёма поэт добивается передачи природных звуков: шума листвы, раскатов грома, топота копыт. Мы называем это звукоподражанием.

Повторяя звук **ш**, К.Бальмонт передаёт шелест камыша:

*Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно шумят камыши.*

Тревожная картина создана теми же средствами в переводе «Ворона» Эдгара По в переводе Altalena¹:

*Шелест шёлка, шум и шорох в мягких
пурпуровых шторах
Чуткой, жуткой, странной дрожью
пронизал меня всего.*

Настойчивым повторением звуков **б** и **в** Бальмонт изобразил резкие порывы ветра и удары волн о скалы:

*Ветер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьётся
Чуждый чарам чёрный чёлн.*

Отчётливый и раскатистый звук **р** в русском языке позволяет передавать раскаты грома, грохот прибоя, скрип дерева, канонаду и другие звуки.

В. Маяковский в одном из своих стихотворений с помощью повторяющегося **р** добился впечатления скрипа уключин и яростного рычания прикованных к скамьям гребцов-невольников:

¹ Псевдоним В. Жаботинского.

По **К**расному **м**орю плывут катор**ж**ане,
трудом вы**г**ребая галеру.
Рыком по**к**рыв кандалное **р**жанье,
Орут о **р**одине **П**еру.

Грохот падения спиленного дерева передаёт
Борис Пастернак:

Когда смер**т**ельный **т**реск сосны скрипучей
Всей **р**ощей по**г**ребает **п**ере**г**ной...

Отчётливо слышатся удары конских копыт «по
потрясённой мостовой» в поэме Пушкина:

За ним повсюду всадник медный
Стяжёлым **т**опотом скакал.

Но аллитерация применяется не только для
передачи явлений действительности, для прямого
звукоподражания, но и просто для большей худо-
жественной выразительности стиха, для его
полнозвучности, певучести.

Удивительной музыкальности звучания стихов
добивался А.Блок, используя повторяющийся звук
л, твёрдый или мягкий:

На **г**олос твой **к**олокола
Откликнулись **в**ечерним **з**воном.

Или:

Луч зелёный, **л**уч лампадки,
Я тебя **л**юблю...

Любил этот звук и Б.Пастернак:

Мело, **м**ело по всей **з**емле,
Во все **п**ределы.
Свеча **г**орела на **с**толе,
Свеча **г**орела.

Или:

*Мчались звёзды. В море мылись мысы.
Слепла соль. И слёзы высыхали.*

Эти стихи плавностью своей, нежностью звучания убаюкивают, расслабляют, околдовывают читателя.

Русский язык по своему звучанию значительно богаче многих других языков: у нас чуть ли не все согласные могут быть и мягкими, и твёрдыми. Это создает огромные возможности для звуковой инструментовки стихов.

Звук л особенно любим поэтами. Можно привести массу примеров использования этого звука поэтами Ставрополья: «Как в плёнке после проявления» (А. Павлов), «А сколько раз в чужом краю – далёком и немилом» (В. Ащеулов), «Перекличка гусей с улетающим клином» (Р. Олина-Литвиненко), «Взлетели с улиц голоса» (В. Бабиченко), «Захламлен поток ее, заилен» (Е. Иванова), «Над землей, над зелеными, над шумливыми делами молодых лесополос» (Ст. Подольский).

Иногда в стихах повторяются не только отдельные звуки, но и слова, а то и целые словосочетания. Это создает впечатление плавного движения по кругу, увлекает читателя завораживающим ритмом, неодолимой инерцией стиха, несущего нас в неведомые дали. Этот приём нередко использовал Блок:

*Что ж, пора приниматься за **дело**,
За старинное **дело** своё –
Неужели и жизнь **отшумела**,
Отшумела, как платье твоё!*

Особую плавность, музыкальность придают

стихам **ассонансы**, то есть повторения одного и того же гласного звука. Трудно найти другого поэта, который владел бы этим умением так, как владел им Блок. В свое время Корней Чуковский заметил, что в строфе:

*Я не спеша собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела –
И стало беспощадно ясно:
Жизнь отшумела и ушла, –*

9 ударений из 11 приходится на «а» после твердого или мягкого согласного. И вообще, чем больше гласных приходится на одну согласную, тем музыкальнее, плавнее, изящнее звучат стихи.

Нередко повторяются сочетания согласных и гласных звуков. Это создает сложный, порою даже причудливо-изысканный звуковой узор.

*Под **небом** **нежно-голубым**...*

(А. Пушкин).

Особенно много подобных примеров можно найти в произведениях Блока. Его стихи – поистине колдовские. Только послушайте, как завораживающе звучат вот эти строки, инструментованные с помощью повторяющихся сочетаний **ону** и **ну**:

*Ворон **канул** на **сосну**,
Тронул **сонную** струну.*

Благовзвучия в стихотворной речи добиваются ещё и таким приёмом: не допускают стечения одинаковых согласных и одинаковых звуко сочетаний в конце слова и начале следующего за ним. Нежелательно, например, ставить рядом такие слова, как «**стук каблучков**», «**стоим мы**», «**взмах**

хлыста», «**синь небес**», «узнали ли» и т.п. Неопытные стихотворцы таких режущих слух сочетаний обычно не замечают.

Обилие неблагозвучий, неумение создавать стихи свободно, певуче звучащие – вот главный недостаток многих современных поэтов, порою даже известных.

Русский язык необычайно красив и богат, и едва ли не каждое неблагозвучное слово можно без особого труда заменить другим, не нанося никакого ущерба смыслу. Но для этого нужно почаще обращаться к словарям, постоянно обогащая свой словарный запас.

Разумеется, создать высокохудожественные стихи очень непросто. Поэтическое мастерство приходит не сразу, не по мановению волшебной палочки, а в результате долгого кропотливого труда, усиленных упражнений.

И все-таки постичь ту роль, которую играет в стихах их звуковая инструментовка, полезно каждому, кто желает научиться понимать поэзию.¹

¹ Продолжение следует.

Технический редактор: Ю.П. Шаталов
Дизайн и вёрстка: С.Е. Стефанова
Корректор: И.Е. Пекарская

Подписано в печать 19.08.2021.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ №256. Тираж 979 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Минераловодская типография»,
г. Минеральные Воды, ул. Фрунзе, 33.
Тел.: 8 (87922) 7-67-17.

ISBN 978-5-905831-32-4

